

**КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА**

Центральный Дом Российской Армии имени М. В. Фрунзе

Владимир Шигин

**Герои Балтийского флота
XVIII–XIX веков**

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

Владимир ШИГИН

Герои Балтийского флота XVIII–XIX веков

Документальные повести

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе
Москва
2021

УДК 821-311
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш55

Шигин В.В.

Ш55 Герои Балтийского флота XVIII–XIX веков : документальные повести / Владимир Шигин. – М. : Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2021. – 121 с. (Будущему воину. Библиотека ратного подвига: книжная серия ЦДРА)

Книга ведущего редактора военно-художественной студии писателей ЦДРА капитана 1 ранга Владимира Шигина «Герои Балтийского флота XVIII–XIX веков» посвящена подвигам моряков-балтийцев разных эпох.

Первая повесть посвящена подвигу героя Чесменского сражения лейтенанту Дмитрию Ильину, который, командуя брандером, в отчаянной самоубийственной атаке поджёг турецкий флот в Чесменской бухте. Судьба лейтенанта Ильина была непростой и таит в себе немало загадок...

Во второй повести «Герой Патрасского сражения» рассказывается о командующем отрядом русских кораблей в битве у острова Патрас капитане 1 ранга Михайле Коняеве. Автор скрупулёзно изучил и описал биографию этого забытого героя, чьё имя потомки обязаны помнить.

Документальная повесть «Грозами отражая гром...» посвящена адмиралу Александру Крузу. Этот храбрый и упрямый толстяк не боялся ничего и никого. Его побаивались начальники, но обожали подчинённые. Он не раз горел, тонул и погибал на рифах... Но именно он спас в 1790 году Петербург от шведского флота отразив его в кровавом двухдневном Красногорском сражении. О жизни, службе и безобидных причудах этого замечательного человека рассказывает в своей повести Владимир Шигин.

Следующая повесть книги «Покоритель Бейрута» посвящена ещё одному забытому герою – капитану 1 ранга Михайлу Кожухову. О его десанте на море и штурме нынешней столицы Ливана – Бейрута можно слагать легенды!

Было время, когда даже самый последний матрос русского флота знал знаменитого силача Дмитрия Лукина. Да что там матросы, легенды об этом человеке слагала вся Россия! Обладатель небывалой силы, образец храбрости, и благородства, он олицетворял собой все лучшие черты русского офицера. Геройской была вся его жизнь, геройской была и его смерть... Капитану 1 ранга Дмитрию Лукину посвящена повесть автора «Геркулес русского флота».

История знает не так много героев, кто мог в отчаянной морской схватке броситься на более сильного противника и сражаться с ним до конца. Одним из таких героев был лейтенант Балтийского флота Гавриил Невельской. Этому рыцарю чести Владимир Шигин посвятил свою повесть «Лейтенант Невельской: «Погибаем, но не сдаёмся!»

Книга предназначена для детей среднего и старшего школьного возраста, допризывников, курсантов и слушателей высших военных образовательных учреждений, преподавателей учреждений среднего и высшего образования, командиров и их заместителей по военно-политической работе, армейских и флотских культпросветработников, широкого круга читателей.

12+

© Шигин В.В.
© Кабин А.В. – дизайн обложки

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	4
Герой Чесмы лейтенант Ильин.....	6
Герой Патрасского сражения.....	45
Громами отражая гром.....	50
Покоритель Бейрута капитан Кожухов.....	65
Геркулес русского флота.....	82
Лейтенант Невельской: «Погибаем, но не сдаёмся!».....	101

ОБ АВТОРЕ

Владимир Виленович Шигин – современный российский писатель-маринист. Капитан 1 ранга. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Секретарь Союза писателей России.

Родился 12 марта 1958 года в Севастополе, военный моряк в 5-м поколении. В 1975 г. окончил школу в г. Лиепая. Трудовую деятельность начал слесарем механосборочных работ на оборонном заводе. В 1976-1977 гг. служил матросом на Балтийском флоте. В 1977 г. поступил, а в 1981 г. окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище.

С 1981 по 1988 г. служил на Балтийском флоте заместителем командира малого противолодочного корабля и заместителем командира дивизиона тральщиков 118-й бригады кораблей ОВР. Участник маневров «Запад-81» и восьми боевых служб.

В 1991 г. окончил научно-педагогический факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина по специализации политиче-

ская история. С 1991 по 1996 год – заместитель начальника пресс-центра Главного командующего ВМФ. С 1996 по 2009 год – редактор отдела литературы журнала Министерства обороны Российской Федерации «Морской сборник». С 2013 года – ведущий редактор военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

В Вооружённых силах СССР и России прослужил 33 календарных года.

Капитан 1 ранга. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Секретарь Союза писателей России.

Автор более 80 книг по истории России и ВМФ.

Награждён Орденом Почёта, медалями «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть» 1-й, 2-й степеней, медалями «Адмирал Кузнецов», «Адмирал Горшков», другими ведомственными наградами.

Лауреат литературных премий:

- Международной литературной премии союза писателей-баталистов и маринистов имени Валентина Пикуля 1994 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России имени Александра Невского 2011 г.
- Всероссийской общественно-литературной премии имени святого праведного воина Федора Ушакова 2012 г.
- Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А. В. Суворова 2013 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Имперская культура» 2013 г.
- Литературной премии г. Севастополя имени Л.Н. Толстого 2015 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России и ВПК «Цит и меч Отечества» 2015 г.
- Московской областной губернаторской литературной премии имени Михаила Пришвина 2018 г.

ГЕРОЙ ЧЕСМЫ ЛЕЙТЕНАНТ ИЛЬИН

*...Как будто нес главу Горгоны к ним в руках;
Окаменение Ильин навел и страх; ...*

Михаил Херасков. «Чесмесский бой»

Сороковые годы восемнадцатого столетия стали периодом полного забвения русского флота. Мало того, что флот практически не пополнялся новыми кораблями, но и старым судам годами не разрешали выходить в море. Жалованье офицерам и матросам не выплачивалось по несколько лет кряду, жили, кто как мог...

Вот как характеризовал службу корабельного офицера тех лет член Адмиралтейств-коллегии адмирал Белосельский: «Понеже служба морская есть многотрудная, охотников же к ней малое число, а ежели, смею донести, никого, то, в самом деле, не без трудности кем будет исправлять морскую службу, понеже в сухопутстве в 3 года офицера доброго получить можно, а морского менее 12 лет достать невозможно». Но моряки на Руси все равно не переводились. Они приходили на флот и оставались служить на флоте, эти истинные патриоты своего дела, душой и сердцем преданные морю и кораблям.

Год 1762-й ознаменовался приходом к власти Екатерины II. Русский флот возродился. Начиналась эпоха дальних плаваний.

КОМАНДИР МОРТИРНОЙ БАТАРЕИ

Далеко от моря среди лесов и перелесков Тверской губернии в глухой деревеньке Демидиха в семье отставного петровского поручика Сергея Ильина родился сын, нареченный Дмитрием. Случилось то в 1737 году.

Семья Ильиных жила бедно, едва сводя концы с концами. Отсутствие средств и предопределило судьбу будущего героя. Путь в гвардию и престижные армейские полки ему был заказан. Лихое петровское время давно уже отгремело, и теперь худородных дворян брали только в Морской корпус.

В 1759 году Дмитрий Ильин поступил в морской шляхетный кадетский корпус. Первый чин Ильина кадет, в 1761-62 годах – гардемарин, с 1763 года – кадетский капрал. В годы учебы плавал на различных кораблях на

Балтике, по окончании корпуса 5 марта 1764 года произведен в мичмана. В Послужном списке так охарактеризованы полученные знания в Морском корпусе: «Навигатские науки обучал по регламенту довольную часть артиллерии и фортификации, и рисовать знает».

В 1762 году гардемарин Ильин успешно, в числе первых, оканчивает Морской корпус Балтийского флота. Первые пять лет службы Ильин проводит в непрерывных походах. В «Общем морском списке» – своеобразной энциклопедии отечественной морской истории – об этом периоде жизни Дмитрия Ильина говорится кратко: «Ежегодно находился в плавании в Балтийском и Немецком (Северном) морях».

Пройдя столь суровую, но необходимую школу флотской науки, получил Ильин, к тому времени уже ставший мичманом, под свое начало галиот «Кронверк». Дмитрий много плавал на нем. Выполнил несколько грузовых рейсов в Любек и Ревель.

В 1767 году совершил трудный переход вокруг Скандинавии в Архангельск: в одну сторону загрузились артиллерийскими припасами для новостроящихся кораблей, в обратную – сухой треской. Стояла глубокая осень, и Балтика непрерывно штормила. Чудом не сели на камни в Датских проливах, едва не разбились о скалы у Борнхольма. Последние мили до Кронштадта пробивались уже через ледяные поля.

Вернувшись, командир «Кронверка» узнал о начале русско-турецкой войны и о подготовке экспедиции русского флота в Средиземное море. Во главе эскадры был поставлен адмирал Спиридов. Ильин тогда временно исполнял должность на корабле «Екатерина», который в поход не шел. Дело в том, что по возвращении «Кронверка» основные офицерские должности на уходящих в Средиземноморье кораблях были уже заполнены.

Что делать, когда хочется плавать, а тебя туда не взяли? Только идти просить того, кто может решить этот вопрос, авось и получится! Так поступил и мичман Ильин. Оделся поприличнее и пошел к поровой конторе, где заседал адмирал Спиридов. Изложил свою просьбу адъютанту. Потом часа два сидел в приемной. Наконец позвали. Сиридов сидел за столом и чиркал какие-то бумаги. Рядом с ним флаг-капитан Плещеев.

– Офицер корабля «Святая Екатерина» мичман Ильин! – представился мичман.

– Ну-с, с чем пожаловал? – поднял голову адмирал. – Не робей, мичман, выкладывай смело!

– Ваше превосходительство! – густо покраснев, отвечал Ильин. – Горячо желаю быть в полезности Отечеству нашему в сей трудный для

него час. Прошу оказать великую честь, зачислив в экспедицию. – Он перевел дыхание. – Все!

Спиридов поглядел на Плещеева. Тот, полистав записную книжку, покачал головой:

– Вакансий нет!

Адмирал немного помолчал.

– Хорошо. Ступай! – Он махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Лихо развернувшись на каблуках, так что шпаги описали на отлете приличный полукруг, Ильин вышел, печатая шаг, а потом долго бродил, сбивая ботфорты о брусчатку Кронштадта, силясь понять, что значили спиридовские слова.

Через сутки на линейном корабле «Святая Екатерина» огласили ордер, коим предписывалось назначить мичмана Дмитрия Ильина командиром мортирной батареи бомбардирского корабля «Гром».

Корабельному офицеру времени для сборов к новому месту службы надо немного. Вещей нажитых – раз-два и обчелся.

В тот же вечер Ильин вкупе с другими определенными в экспедицию офицерами давал в близлежащей от порта фортыне отходную. Скинув парики и отстегнув шпаги, пили бравые мореходы водку перцовую с вином красным, вспоминая прошлое, гадали о будущем.

Моряков всегда связывает между собой нечто большее, чем просто служба. На корабле все на виду. Радости и горести каждого становятся здесь общим достоянием, вызывая то шутки, то осуждение, то сочувствие.

– Кто знает, друзья, соберемся ли еще вместе! – обвел глазами собравшихся друзей Ильин. – Так разопьем же прощальную братину!

Корабельная молодежь искренне завидовала счастливым, более старшие просто радовались удаче товарищей.

Корабли эскадры по одному подтягивались в Среднюю гавань и грузились порохом. Бомбардирский корабль «Гром» невелик собою, всего в девяносто пять футов длиной, а шириной в двадцать семь. Полсотни матросов и пять офицеров составляют всю его команду. Для эскадренного боя корабль этот не приспособлен. Его дело – бомбардировать приморские крепости.

Еще в конце семнадцатого века французы первыми установили на шатку корабельную палубу тяжелые мортиры для навесной стрельбы по берегу. Так был создан новый тип судна – бомбардирский галиот.

Главное оружие «Грома» – две огромные мортиры, что стоят на свинцовых поддонах, чтобы палуба при выстрелах не проседала. Палят мортиры эти, будь здоров, да и бомбы бросают немалые, пудов на пять-

шесть! Помимо мортир на случай нападения неприятельского корабля в море вдоль бортов еще десяток шестифунтовых пушек расположено. На первый взгляд вроде бы и немного, но если капитан с головой, да команда лихая, этого вполне хватит, чтобы отбиться.

«Что ж, – решил мичман Ильин, добираясь попутной шлюпкой к стоявшему на рейде «Грому», – будем считать, что мне повезло».

Взобравшись по штормтрапу на борт корабля, представился он капитану «Грома» лейтенанту Перепечину.

Иван Михайлович Перепечин был личностью на флоте известной. Славился капитан «Грома» двумя особенностями: пристрастием к пальбе бомбами и любовью к сказкам. Служителей своих по этой причине именовал он, в зависимости от настроения, то добрыми молодцами, то соловьями-разбойниками, корабль – Горынычем.

Нового командира мортирной батареи Перепечин встретил приветливо:

– Знакомься с Горынычем, добрый молодец, – сказал, руку пожимая, – денька два тебе на то определяю, и за дело!

Однако уже через час Ильин встал на погрузку. А спустя день заменил убывшего в столицу ревизора. Ему капитан корабля и поручил перебрать все погруженные припасы.

Захватив с собой матроса с фонарём, спустился Ильин в трюм. В лицо сразу же пахло затхлостью. В углах возились крысы.

– А ну-ка, подсвети! – Мичман с трудом пробирался среди завалов провизии.

Шедший сзади служитель поднял над головой фонарь. Серые твари разом смолкли, шмыгнув в стороны. Но ушлый матрос, изловчившись, все же пнул одну из них вдогонку. Здоровенная крыса с облезлым хвостом, взвизгнув, отлетела далеко в сторону и исчезла во тьме.

– Эка сволочь, – пробурчал матрос, почесывая босую ногу, – все же, подлая, грызнула!

– Свети ближе! – Ильин принялся пересчитывать провизию.

Слева от прохода громоздились тяжелые кули с овсяными крупами.

– Всего сто двадцать один пуд, – записал он, капая чернилами.

Далее шли дубовые бочки, перехваченные обручами, – там солонины. Рядом соль и масло, но уже в бочках дерева соснового. За ними внавалку гора пятипудовых мешков, в них мука, ржаные и пеклеванные сахара. Подле борта бочонки с красным вином, уксусом и сбитнем.

Из интрюма перешли в каюту шкиперскую. Там Ильин подсчитал сало и парусину, брезент и кожи. Оттуда сразу в крайт-камеру.

Крюйт-камера на «Громе», как и на других небольших судах, была одна и располагалась в кормовой части, недалеко от камбуза.

У тяжелой дубовой двери сдал мичман часовому ключи, отстегнул шпагу и снял башмаки. Сопровождающий его констапель встал в особый фонарь сальную свечу, дно фонаря залил водой и, не торопясь, отпер дверь. В середине крюйт-камеры помещался обитый свинцом бассейн, туда перед боем ссыпали порох для набивки картузов. Вдоль стен на решетчатых полках были расставлены бочки с порохом и пороховой мякотью, разложены картузы, кокоры, фальшфейеры и прочие артиллерийские снаряжения. Меж ними ящики с углем от сырости.

Покончив с крюйт-камерой, доложил Ильин капитану:

– Порох сухой и готов к действию. В каморе порядок добрый.

– Ну и ладно, – отвечал Перепечин, таким докладом довольный, – пора нам и откушать, чем Бог послал.

В тот день по приглашению офицеров капитан обедал в кают-компании. Похлебав супца и отодвинув в сторону оловянную тарелку, Ильин обратился к Перепечину:

– Дозволено ли нам, Иван Михайлович, жалование будет женам частично оставлять?

– Намедни флаг-капитан обещал таковой ордер на подпись адмиралу изготовить. Кстати, жена твоя ноне где обитает?

– Да здесь, в Кронштадте.

– Тогда съезжай сегодня с обеда домой, боле времени не будет!

Но отбыть днем на берег Ильину так и не удалось. Навезли баржам гаубичных и мортирных бомб, погрузкой которых он и занимался. Каждую обмерял, сходны ли диаметры бомбовые с калибрами мортирными. За отсутствием свободных помещений велел раскладывать бомбы в сбитые из досок ящики, которые матросы ловко крепили прямо к палубе между грот и фор-люками...

Шлюпкой Дмитрий добрался на Кронштадтскую набережную уже затемно. На звон колокольца выбежала девка-прислужница.

– Ой, барин приехали! С прибытьцем вас! – затараторила она, пропуская в переднюю.

Скинул Ильин шляпу, шпагу отставил. А навстречу уже бежала радостная Екатерина Никитична, его единственная и несравненная Катя, Катюшенька.

– Митенька мой! – только и смогла произнести, утонув в его объятиях...

Утром следующего дня Дмитрий Ильин был уже на корабле, не ведая, что впереди разлука с любимой на шесть долгих лет.

В новом адмиральском приказе было указано лишь на то, что капитанам кораблей и судов следует назначать гребцами в шлюпки из наиболее здоровых матросов, одевая их при этом как можно престижней.

До отхода оставались считанные часы.

ПОД ПАРУСАМИ «ГРОМА»

«Вступив под паруса» 26 июля 1768 года, бомбардирский корабль «Гром» в составе Первой Средиземноморской эскадры взял курс к берегам далеких южных морей. Плавание проходило в тяжелых штормовых условиях, из-за скученности экипажей и десантных войск на кораблях и судах эскадры начались болезни. За время этого первого и самого трудного похода русского флота умерло более двухсот человек. На «Громе» положение было несколько получше, чем на других кораблях, но больных все равно хватало. Не теряя времени, играли различные учения: парусные сменяли артиллерийские, артиллерийские парусные.

31 августа эскадра бросила якоря на рейде Копенгагена. Там адмирала Спиридова ждал указ о производстве ряда офицеров в следующие чины.

На бомбардирском корабле «Гром» указ о производстве зачитывал флаг-капитан Плещеев: «Известно и ведомо будет каждому, что мы Дмитрия Ильина, который нам мичманом служил, для его оказанной в службе нашей ревности и принадлежности в наши лейтенанты всемилоостивейше пожаловали... Всем нашим помянутого Дмитрия Ильина за нашего лейтенанта надлежащим образом призывать и почитать...»

Капитану «Грома» Ивану Перепечину было присвоено звание капитан-лейтенанта. Вновь произведенных офицеров торжественно привели к присяге. Снимая треугольные, расшитые золотым галуном шляпы, целовали они поочередно крест и Евангелие. После чего флаг-капитан съехал, а команда продолжила погрузку.

На берегу Дмитрию Ильину удалось побывать за все время стоянки лишь раз. На «Громе» повредилась грот-мачта и потребовалась кой-какая кузнечная работа. Сняв вместе с корабельным мастером лекала, Ильин свез их в кузню. Только-то и видел, что собаку у порога да мокрые от пота спины кузнецов. Все остальное время участвовал в погрузке.

Затем был новый переход уже к берегам Англии. При переходе бомбардирский «Гром» поотстал от остальных и шел в одиночку. Дул свежак. Гуляла приличная волна. Опасаясь за перегруженный корабль, Перепечин спустил паруса.

Но беда, как говорится, одна не приходит. Ночью из-за недосмотра рулевого корабль развернуло бортом к волне. Зажатый водяными валами, «Гром» скрипел и трещал. Команда, однако, держалась стойко. После полуночи, не выдержав напора ветра, рухнула грот-мачта.

– Фалундер! – крикнул кто-то.

Но было поздно, работавших на палубе завалило такелажем. Выволокли из-под грот-стеньги зашибленного Ильина. Лейтенанту придавило ногу, разбило лицо. Остальные отделались синяками.

В торчащем из палубы обрубок мачты, в самой ее сердцевине, чернела гниль...

Взятый в Копенгагене лоцман советовал, пользуясь попутным ветром, идти чиниться в ближайший норвежский порт. Но капитан «Грома» отказался наотрез:

– Не по пути нам туда, чай, не в Архангельск плывем.

Из донесения командира «Грома» капитан-лейтенанта Перепечина на имя адмирала Спиридова: «Сделался шторм: от большого волнения и от качки ослабли ванты, которые беспрестанно тянули; служители, будучи от вливания валов на корабль всегда в воде, мокрые и от беспрестанной работы и без пищи, ослабли; напоследок стали рваться фалрепы, бакштаги и фордуны и от излишней тягости грот-мачты стала трогаться палуба; в 11 часов полуночи от большой качки переломилась грот-мачта...»

А вскоре задул попутный норд-ост, и спустя несколько суток бомбардирский корабль входил в речку Гумбер, на которой стоит английский порт Гульль. Наскоро отремонтировавшись, снова в море. Теперь предстояло пройти славящийся штормами Бискайский залив.

Из-за большого числа больных вахту на «Громе» несли в две смены: первая – лейтенант Дмитрий Ильин, вторая – мичман Григорий Селевин. За Дувром поменяли лоцманов, а за мысом Зюйд-Фордленд попали в шквал. Пришлось переждать. Пройдя к мысу Лизард, который прикрывал от волн, «Гром» отдал якорь. Под килем восемь саженей воды, в самый раз для безопасной стоянки.

Через двое суток вокруг бомбардирского корабля отстаивалось, пережидая непогоду, уже более полутора десятка судов.

– Гляньте, ваше благородие, никак наш тащится? – окликнул вышедшего на верхнюю палубу Ильина матрос.

Опираясь на руку вестового, Ильин обернулся. Точно, на рейд заворачивало маленькое облезлое суденышко с российским бело-голубым флагом.

– Вроде этакой лягухи у нас не имелось! – подивился Ильин.

А с «лягухи» уже орали что есть мочи:

– Мы датский наемный пинк с командами разбившихся у Копенгагена ботов. За капитана Корсаков-второй!

Лейтенанта Корсакова-второго на Балтийском флоте авали хорошо. Был он из плеяды отчаянных ботовых капитанов. Тех, что гибнут каждую кампанию в количестве огромном, чудом оставшись в живых, клянутся, что «больше в море ни ногой», а по весне снова просятся на свои гибельные боты.

Едва пинк стал на якорь, как Иван Корсаков уже съехал на «Гром». Вскоре слабо упирившийся капитан бомбардирского корабля был усажен им в шлюпку и свезен на пинк.

Вахтенный офицер «Грома» князь Костров отметил в вахтенном журнале: «В третьем часу капитан-лейтенант Перепечин вместе с лейтенантом Корсаковым поехали на датский пинк».

Принявший у него вахту унтер-лейтенант Афанасьев дописал: «В 8 часов капитан-лейтенант Перепечин вернулся на корабль».

Томительно тянулись дни ожидания. В конце каждых суток в журнале бомбардирского корабля появлялась одна и та же запись: «Стоя фертоинг на якорях, за противным ветром, против местечка Диль, на рейде Доун всякие случаи. Было скучно.

Зато не скучал развеселый Корсаков-второй. На «Девике Казарин» (так игриво именовался датский пинк) без передыху палили из пушек, лейтенант праздновал свои именины.

Но вскоре и «громовцам» выпал случай встряхнуться.

Зашедшее в одну из ненастных ночей на рейд тяжело груженное трехмачтовое английское судно, не сумев встать на якорь, навалилось на «Гром». В шканечном журнале «Грома» сохранилась следующая запись: «В 1/2 1-го часа... судно при ветре SWZN и среднем волнении продрейфовало мимо «Грома», на котором стали отдавать канат плехт; в 1/2 1-го часа судно навалило на «Гром» и сделало повреждение с левой стороны в крамболе и в гаубичном порте; на «Громе» в 1 час ночи отдали все канаты, а судно продолжало дрейфовать на «Гром»; «с общего согласия командира и прочих офицеров» отрубили на «Громе» канат плехт, «чтобы не сделать кораблю большего повреждения», и остались на даглисте; судно еще несколько дрейфовало и остановилось поблизости не более 20 саж.; в половине 2-го часа с «Грома» стали палить из 3 пушек «поминутно» и подняли с кормового флагштока фонарь с огнем для призыва лоцманов...»

К немалому удивлению русских моряков, на все их крики на английском судне отвечали молчанием. На палубе же «купца» было вызывающе пустынно.

– И что это за кикимора-то на нашу голову? – злился капитан «Грома» Перепечин. – Чуть было не утопила нас, окаянная!

– Сдается мне, что перепилась эта кикимора изрядно! – мрачно констатировал Ильин. – На трезвую голову так не плавают!

Тем временем к борту бомбардирского корабля подошла шлюпка с берега.

– Какое это судно, и кто его капитан? – перегнувшись всем телом через борт, прокричал Перепечин.

– Откуда мы знаем! – отвечали со шлюпки. – Здесь многие плавают! Если хотите все узнать, езжайте на берег к королевскому комиссару!

– Кто поедет? – обернулся к офицерам Перепечин.

Князь Костров, замаявшись, отступил за спину Ильина.

– Видать, мне придется! – развел руками лейтенант.

– Перво-наперво разузнай все о сей кикиморе, а кроме того, и о вспоможении нам в отыскании каната да плехта-якоря!

– Шлюпку будем спускать? – поинтересовался Ильин.

– Куда там! – махнул рукой Перепечин. – Ишь, как разгулялось!

Дмитрий глянул за борт. Волнение и вправду значительно усилилось. Корабль то и дело ложился попеременно, то на левый, то на правый борт, крутясь волчком вокруг положенного на грунт якоря.

– Да, шлюпку на такой волне спускать затруднительно. Не ровен час опрокинет! – согласился он.

В журнале «Грома» вахтенный штурман тотчас написал: «Свою шлюпку за большим волнением и с боку на бок качанием спустить было никак не можно».

– Езжай с англичанами! – распорядился Перепечин. – Да будь осторожней, очертя голову никуда не лезь. Мне мортирный капитан живехонький нужен. Понял, добрый молодец?

Прикинув, когда пришедшая с берега шлюпка в очередной раз ударится волной о борт корабля, Ильин ловко спрыгнул в нее. Следом за ним кубарем полетел лекарь Брюммер, рассчитывавший посмотреть в деревенской аптеке каких-нибудь лекарств.

Очутившись на берегу, лейтенант сразу же отправился в деревеньку Диль к местному королевскому комиссару Бельжаменту. Но тот принять русского офицера отказался, сославшись на позднее время. (На самом деле представитель британского адмиралтейства жестоко страдал от глубокого похмелья.)

– Господин комиссар примет вас не ранее восьми утра! – объявил Ильину величавый лакей.

Дмитрий вытащил из кармана часы. Открыл крышку, глянул. Шел четвертый час утра.

– Дотоле ждать здесь не могу! – объявил он лакею. – Будем все делать сами!

Вскоре с помощью местных жителей ему удалось разыскать домик голландского агента, который любезно предоставил русскому лейтенанту своего лоцмана. И снова впереди штормовое море. Волны захлестывали насквозь продрогших гребцов. Сидя на кормовой банке, Ильин твердо правил прямо на принесшую столько забот и волнений «кикимору».

Через неполных два часа, стоя на палубе «Грома», лейтенант уже докладывал Перепечину, что судно, навалившееся на бомбардирский корабль, именуется «Коммерком» и идет из Вест-Индии в Лондон, шкипера зовут Вильмсоном, и он обещал с рассветом отыскать канат и якорь, прося лишь помочь ему людьми с «Грома», а за все повреждения непременно заплатит.

Свое обещание английский шкипер исполнил. Канат в тот же день был найден. Его доставили на «Гром», где тут же соединили с оставшимся на корабле концом. Вынужденная стоянка бомбардирского корабля продолжалась.

«Утро 25-го октября было уделено на подвертывание даглиста... В 4 часа дня задул шторм... и с «Грома» отдали другой якорь...

26-го октября... шторм продолжался с дождем; стоящих на рейде 62 судна разных наций.

27 октября... пришел с N английский военный фрегат...; стоящих на рейде 58 судов; на «Громе» тянули грот-стень-ванты.

28-го – ветер SW средний...; пришло... разных наций купеческих судов 12.

29-го – ... к полудню ветер средней силы, идет дождь, стоит на рейде 60 судов; пришло... разных наций 4 судна.

30-го октября... «Гром» пошел к югу, вместе с ним пошло к S разных наций 55 судов. В 2 часа сделался противный ветер, и... «Гром» опять повернул к Дилю, а в половине 6-го часа стал на якорь опять на рейде Доунс».

А дувшие в лоб русскому кораблю ветра все не меняли направления.

Неделю проторчав за мысом Зюйд-Форленд, «Гром» вернулся в Портсмут.

Спустя несколько дней туда пришла и «Европа», которую при входе на Спитхедский рейд английские лоцманы ловко посадили на мель. По-

вреждения были серьезные. Чуть позже прибыл и нанятый датский пинк «Святой Иоанн» с доблестной командой пинка «Лапо-минк».

Так стихийно образовался «Портсмутский отряд», командование которым возложил на себя контр-адмирал Елманов. «Гром» оттащили портовым ботом в дальний угол Портсмутской гавани, где он приткнулся у списанного на дрова старого английского фрегата. «Смоляные куртки», свесившись с говейла, кричали:

– Рашен – вел, водка – вел, Архангельск – ка-ра-шо!

Непонятно, каким образом, но через час все громовские матросы уже знали, что пашня начинается здесь с января, а цены на хлеб высокие и с нашими, ни в какое сравнение не идут. Насколько могли, быстро заменили сломанную мачту и снова в море. Надо было догонять ушедшие вперед главные силы эскадры. Нагнали уже на Минорке. Снова наскоро привелись в порядок и вперед, на этот раз, уже курсом на Грецию.

С приходом к берегам Мореи (так в восемнадцатом веке называли Пелопоннес) Ильин участвует на «Громе» в бомбардировке турецких крепостей Корон и Модон, поддерживает огнем высадку морских десантов.

А затем было генеральное сражение за обладание Пелопоннесом. Все решалось под стенами Наварина. Крепость надо было взять любой ценой, так как флоту необходима была хоть какая-то база.

Назначенному командовать штурмом Наварина цейхмейстеру Ганнибалу, нужен был опытный офицер для командования осадными батареями. Выбор адмирала пал на Ильина. Причина выбора была проста: «Гром» находился еще без боезапаса (он был на отставшем от эскадры линейном корабле «Святославе»), и поэтому командир мортирной батареи оказался, как бы, не у дел.

Ганнибал определил Ильина для начальствования над будущей западной батареей. Выделил по две 24-фунтовые пушки и по три десятка матросов. Оставив корабли поодаль от берега, цейхмейстер на шлюпке провел рекогносцировку крепости.

По сигналу с «Трех Святителей» корабли вошли в бухту и с ходу приступили к высадке десанта. Тяжело выгребая в пене прибоя, устремились к берегу шлюпки. Считанные секунды – и солдаты попеременно с повстанцами уже выпрыгивали на скользкие прибрежные валуны.

– Ружья берегите! – кричали капралы.

В последнюю очередь свозили баркасами орудия, ядра и порох

Робкая попытка турок остановить десант провалилась. Не выдержав штыкового удара, они ретировались в крепость. Барабаны били бой крепкий и скорый. Впереди атакующих бежал сам Ганнибал:

– Пали по палисадам! Пуля виноватого найдет! Виват Екатерина!

Русский десант дерзок, но мал. Поняли это турки, да поздно! Возводились уже всюду вокруг крепости осадные батареи, устанавливались на лафеты свезенные с кораблей пушки. К вечеру спустились с гор многочисленные и шумные ватаги маниотские. Вся ночь прошла в лихорадочном строительстве укреплений. А когда первые лучи солнца скользнули кровавыми бликами по глади бухты, Ганнибал поднял на «Трех Святителях» сигнал: «Начать бомбардировку!».

Разом ударили корабельные орудия, выплюнув с клубами дыма первую порцию ядер. Вторя им, заговорили береговая батарея Ильина. Турки ответили без промедления. Осада Наварина началась.

Маниотские отряды, прикрывавшие русские батареи, несли от турецкой стрельбы большие потери, но позиций своих не покидали. Вечерами из окрестных селений приходили матери и жены погибших греков, молча заворачивали тела в покрывала и, погрузив на ишаков, так же молча увозили...

Бомбардировка длилась без перерыва уже пятый день, наконец, неприятельский огонь стал ослабевать. Осаждающие воспрянули духом: турки начали выдыхаться! А вскоре доставили на позиции и ордер Ганнибала – готовиться к штурму!

Лежа за большим, поросшим травой камнем, Ильин разглядывал в медную зрительную трубу крепость. Турки предприняли очередную вылазку. На этот раз они атаковали восточную батарею Извекова. Однако едва маниоты бросились на помощь извековцам – вторая партия турок так же стремительно атаковала пушки Ильина.

– Пали! – крикнул лейтенант, когда до неприятеля оставалось несколько десятков шагов.

Пущенная в упор картечь уложила на камни первые ряды атаковавших. Остальные сразу же смешались и бросились вспять.

– Еще разок отбилися, – утирали пот матросы. – Теперича жди гостей ночью.

По ночам со стен по веревочным лестницам спускались в поисках добычи алчные янычары. Через поросшие кустарником лощины ползли к русскому лагерю. При свете костров вспыхивали еженощно короткие, но яростные рукопашные схватки.

С рассветом 11 апреля маниотские отряды начали скапливаться в ближайших к крепости оврагах. Артиллеристы усилили огонь. Над Наварином медленно поднимался дым пожаров. Артиллерийскую дуэль лейтенант Ильин выиграл вчистую. Заставив замолчать турецкие пушки, теперя он посылал ядра внутрь крепости.

Штурм Наварина цейхмейстер Ганнибал назначил на два часа пополудни, однако ровно в полдень над цитаделью взвился белый флаг. Комендант крепости решил не испытывать более судьбу и сдался на милость победителя.

– Слава Богу, – вытер лицо грязным платком Ильин, – разгрызли-таки орех наваринский!

– Виктория полная! – радовался, сверкая глазами, Ганнибал. – Слава российская затмила славу эллинскую!

– Победители вступали в город, печатая шаг. Цейхмейстер в рыжих от пыли ботфортах принимал капитуляцию гарнизона. Под ноги ему летели украшенные полумесяцами и конскими хвостами знамена и бунчуки. Поодаль, понуриг головы, теснились бородатые сераскиры.

Победителям достался огромный наваринский арсенал и более пяти десятков чугунных пушек. К пороховым погребам встали караулы, на городскую площадь – сильный гауптвахт, а у крепостных ворот и магазинов – пикеты. С пленными поступили милосердно: их отпустили под честное слово. Сразу же, не теряя времени, принялся Ганнибал чинить разбитые огнем стены. Дмитрий Ильин был определен им в командование крепостной артиллерией.

Спустя неделю прибыл в Наварин на корабле из Ливорно граф Алексей Орлов, принявший главное командование над всеми российскими силами в Средиземном море. Съехавши на берег, поздравил он Ганнибала с одержанной победой.

– Отныне ты – комендант сей цитадели! – заявил важно.

– Служу Отечеству! – был скромный ответ сына арапа Петра Великого.

А через несколько дней прибыли и корабли адмирала Спиридова. Шумно стало на узких наваринских улочках. Здесь кексгольмцы стояли, там морские артиллеристы квартировали, дальше пестрый и шумный лагерь воинственных горцев. Определенные в десант матросы расходились по своим кораблям. Дмитрий Ильин, сдав по счету крепостные пушки армейскому офицеру, вернулся на «Гром».

В июне 1770 года объединенная русская эскадра под кейзер-флагом Алексея Орлова начала поиск турецкого флота. Неприятель был обнаружен в Хиосском проливе 23 июня.

БОЙ НА ХИОССКОМ ПЛЕСЕ

Бомбардирский корабль «Гром» входил на Хиосский плес во главе второй вспомогательной колонны, состоящей из малых судов. Старшим

на нем цейхмейстер эскадры Иван Абрамович Ганнибал. Второй колонне предстояло поддерживать линейные корабли и при необходимости оказывать им всяческую помощь.

К полудню «Гром» оказался на крамболе линейного корабля «Евстафий». Сражение к тому времени уже вступило в решающую фазу. Корабли авангарда и кордебаталии вели яростную перестрелку с турецким флотом. Команда «Грома» находилась меж тем в бездействии, горя желанием хоть чем-то помочь своим товарищам.

Дмитрий Ильин, облокотясь на фальшборт, вместе с остальными офицерами внимательно следил за перипетиями баталии, бурно обсуждая увиденное:

– Смотрите, господа, «Европа» ворочает оверштаг! Что же там у них могло стрястись, ежели Клокачев решил рвать линию баталии?

– Смотрите на «Евстафий», его сносит течением!

Между тем «Евстафий» навалило на адмиральский турецкий корабль и там началась отчаянная абордажная схватка. Постепенно наши начали одерживать верх и вскоре турецкий корабль, то был 74-пушечный «Реал-Мустафа» был захвачен. Однако к этому времени турецкий линкор уже горел. Пламя вздымалась над ним выше и выше, грозя в любую минуту перекинуться на «Евстафий».

В начале первого пополудни над «Евстафием» взвились флаги сигнала: «Выслать к кораблю гребные суда».

– Ну-с, – обернулся к капитану «Грома» Перепечину Ганнибал, – действуй, не мешкая! Кого пошлешь за старшего?

– Кроме Ильина, боле некого, – на мгновение задумавшись, ответил Перепечин. – Его мортиры пока без надобности, пусть проветрится!

Спустя несколько минут громовская шлюпка спешила к сцепившемуся с турецким кораблем «Евстафию», подле того крутилось до полутора десятков гребных судов. Все они, заведя концы на корабль, пытались оттянуть его от «Реал-Мустафы». Однако разрозненные действия успеха не приносили. Не теряя времени, Ильин взял все руководство в свои руки. Вооружившись жестяным рупором и выкрикивая команды по-русски и по-гречески, он быстро выстроил все суда в линию и велел производить греблю по команде. Но «Евстафий» к этому времени настолько крепко сцепился с турецким флагманом, что разлучить их не могло уже ничто.

Однако встать на бакштов к «Грому» лейтенант Ильин не успел. Горящая мачта «Реал-Мутафы» упала на палубу «Евстафия» как раз в районе люка в крюйт-камеру, где хранились запасы пороха. Невероятной силы взрыв, буквально, в ключья разорвал огромный корабль...

Вновь повел Ильин свою шлюпку туда, где кричали гибнущие... Матросы гребли до кровавых мозолей. Подойдя к месту гибели корабля, шлюпка столкнулась сразу с двумя турецкими полушебеками, пытавшимися перехватить ее. И Дмитрий Ильин принял неравный бой! Ошеломив точным ружейным огнем первое судно, он бросился на abordаж второго. В короткой, но яростной схватке турки были частью истреблены, частью спаслись вплавь. Невдалеке сражались с неприятелем шлюпки других кораблей. Дрались ожесточенно, и те, и другие горели желанием спасти своих товарищей. Но спасенных было немного. Ильин разыскал лишь командира «Евстафия» капитана 1 ранга Круза с несколькими офицерами и матросами. Подавляющее большинство команды «Евстафия» погибло при взрыве или утонуло, не дождавшись помощи.

Окровавленного Круза втаскивали на борт таями. Только исполнив все до конца, громовская шлюпка вернулась на корабль.

– Ну что, лейтенант, поразмялся? – встретил измотанного боем офицера Ганнибал. – Теперь передохни малость да готовь к делу свои мортиры. Предстоит, сдастся мне, побомбить тебе в скорости берега чесменские!

Ильин глянул на окутанный клубами дыма неприятельский флот: турецкие корабли уже поворачивали свои бушприты к Чесме. Не выдержав огня русских пушек, турки бежали в Чесменскую бухту под прикрытие своих береговых батарей.

КОМАНДИР БРАНДЕРА

В тот же день по приказу командующего «Гром» подошел к входу в бухту и встал там на якорь. Корабль сразу же начал методический обстрел сгрудившегося в бухте турецкого флота. Орлов и Спиридов возложили на бомбардирский корабль задачу постоянно тревожить турок, не давая им ни минуты передышки. Все время с 24 до вечера 25 июня «Гром» не переставал бросать на неприятельские суда бомбы, писал один из отечественных историков. В донесении же графа Орлова императрице Екатерине II отмечалось, что «Гром» бросал в скопление неприятельских кораблей бомбы «с великою удачею».

– Бомбить, так бомбить! – утерся рукавом усталый лейтенант, – мы, флотские, на все способные!

А чтобы басурманы никакой диверсии против бомбардирского корабля не учинили, мористее встал линейный корабль «Святослав», как дядька к расшалившемуся малышу для присмотра.

Турки пытались поначалу отпугнуть «Гром» пушечным огнем, но ядра их падали, не долетая. Тогда в надежде, что надоедливый москвит с наступлением темноты отвяжется, они прекратили стрельбу. «Гром» же продолжал бомбардировать неприятельский флот с великой удачей. От напряженного огня проседали свинцовые поддоны мортир...

Вместе с бомбардирским кораблем отправился в поиск и флаг-капитан Орлова Самуил Грейг. Бригадиру было поручено осмотреть бухту и доложить свои соображения на капитанском совете. Раздвинув тубусы зрительной трубы, Грейг внимательно разглядывал бухту. В предметном стекле явственно виднелись страшные повреждения на неприятельских кораблях. Ближе к вечеру из бухты выскочила одинокая шлюпка и, уклонившись от ядер, причалила к «Грому». На ней оказались бежавшие из неволи мальтийцы. Рыцарей Мальтийского ордена допрашивал Грейг. Все увиденное и услышанное бригадир тут же записывал в книжечку...

На флагманском «Три Иерарха» результатов рекогносцировки с нетерпением ожидал адмирал Спиридов.

На совещании флагманов он заявил:

– Гассан-бей поступил вполне разумно, выстроив против входа в бухту плотную стенку из сильнейших кораблей. Он прав. Мы не можем ввести в бухту более трех своих судов, остальным там места нет. Поэтому будем жечь турок брандерами.

После недолгого обсуждения в действующий отряд были определены корабли «Европа», «Не тронь меня», «Саратов», «Ростислав», фрегаты «Надежда», «Африка». Бомбардирский «Гром» уже бился вовсю...

Командиром отряда был назначен Грейг, а брейд-вымпел свой ему было велено держать на «Ростиславе». Там же решил находиться в сражении и Спиридов. Подготовка брандеров была поручена цейхмейстеру Ганнибалу.

Завершил адмирал Спиридов совет словами пророческими:

– Предвижу я по знанию моему морского искусства, что сие их убежище будет и гробом их!

В команды брандерные кликнули охотников. Офицерам была обещана перемена в чинах, матросам – денежное вознаграждение. От желающих отбоя не было.

В отношении брандерных капитанов Алексей Орлов распорядился так: каждому из флагманов выбрать по одному достойному кандидату. Сам главнокомандующий отобрал для капитанства мичмана князя Гагарина. Контр-адмирал Эльфинстон определил своего соотечественника со «Святослава» капитан-лейтенанта Дугдаля. Самуил Грейг остановил свой выбор на капитан-лейтенанте Томасе Макензи. Спиридов же пребывал в

затруднении: достойных было более чем достаточно. Выручил его Ганнибал:

– Рекомендую на сию должность командира мортирной батареи «Грома» Дмитрия Ильина. Кроме храбрости и присутствия духа, сему лейтенанту присуща находчивость.

– Ильин? – поморщил лоб адмирал. – Что ж, офицер неплох, зови!

Вскоре доставленный с «Грома» лейтенант Ильин предстал перед Спиридовым.

– Пойдешь? – напрямую спросил тот.

– Пойду! – так же прямо ответил лейтенант.

– Помни устав, душа моя. Когда капитан на брандере отправится для зажигания неприятеля, то он не должен его зажечь, пока не сцепится с кораблем неприятельским!

Ильин вышел, а Спиридову почему-то вспомнился их давнишний разговор в кронштадтской портовой конторе и слова Ильина:

– Я горячо желаю быть в полезности Отечеству, в сей трудный для него час...

Расторопный Ганнибал тем временем отобрал из бывших при эскадре судов четыре наиболее крупные и ходкие шебеки. Греки – хозяева судов – от денег отказались наотрез:

– Как же мы будем с вас золото брать, когда вы проливаете за нас кровь свою!

Брандер, определенный под команду Дмитрию Ильину, снаряжался у борта «Трех Святителей». Наскоро обойдя судно, Ильин собрал подле себя команду. С первого же взгляда было ясно, что матросы подобрались опытные, сплошь лихие брамсельные, имеющие за плечами с добрый десяток морских кампаний. Недоверие у лейтенанта вызвал только артиллерист: уж больно молод. Засомневался Ильин, ведь сказано было цейхмейстером: набирать на брандеры самых надежных канониров.

Время, отпущенное Ганнибалом на знакомство с брандером, подошло к концу, и Дмитрий Ильин, простившись с Извековым, отбыл на «Гром».

Старший же офицер «Трех Святителей» приступил к снаряжению судна. Матросы загружали трюмы тяжелыми пороховыми бочками, составляя меж ними небольшие бочки с селитрой и смолой. Пока они раскатывали вдоль палубы длинные парусиновые шланги – сосисы, набитые горючими веществами, и обливали палубу вонючим скипидаром, другие крепили к бушприту и нокам реи железные крючья.

На кораблях зачитывался приказ главнокомандующего: «Наше дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не

продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы и к дальним победам иметь свободные руки...»

Вечером 24 июня на бомбардирском корабле побывал капитан-командор Грейг. Он произвел рекогносцировку бухты и расположения турецкого флота. Грейгу крайне необходимы были данные по передвижениям неприятельских судов в бухте, чтобы определить отмели и подводные камни, а ответ на этот вопрос могли дать ему только громовские офицеры.

В пять часов пополудни 25 июня на корабле «Три Иерарха» собрался военный совет, в котором приняли участие граф Алексей Орлов, адмирал Спиридов, цейхмейстер Ганнибал и «со всех кораблей и прочих судов командиры». На основании доставленных Грейгом данных было решено в ночь на 26 июня атаковать неприятеля. Тогда же было решено ввести в бухту три-четыре корабля, при большем их количестве нельзя было бы свободно маневрировать. Отряду предстояло вступить в артиллерийский бой, а затем, выбрав удачный момент, произвести атаку брандерами.

«А дело оных (брандеров) состоит в том, дабы они, пришед в неприятельский флот, оный зажгли», – поставил задачу Алексей Орлов в приказе.

Мысль о сожжении турецкого флота брандерами пришла к русским морякам значительно раньше военного совета. Сразу после дневного сражения 24 июня в своем журнале-дневнике Грейг писал: «В русском флоте не было брандеров, которых можно было бы пустить на турецкие суда, пока они находились в беспорядке и паническом страхе...» Тогда же была начата и подготовка самих брандеров, руководил которой цейхмейстер Ганнибал. Им были отобраны четыре относительно крупные и быстрые полушебеки, которые были взяты у владельцев-греков. Известны двое из владельцев – Варваций и Гранопуло (дети последнего впоследствии купили остров в Петербурге, названный их именем). Суда загрузили бочками с порохом и смолой, вдоль палуб уложили набитые пороховой мякотью шланги-сосисы, а сами палубы пропитали скипидаром. К вечеру 25-го числа брандеры были готовы.

Одновременно Ганнибал занимался и подбором команд на суда. Нижним чином была обещана денежная премия, офицерам – повышение звания и ордена. В охотниках недостатка не было, отбирали лучших. Особое внимание обращали на подбор артиллеристов и командиров. Ганнибалу вменялось в обязанность на каждый из брандеров назначить по одному надежному артиллеристу», который по приказу брандерного командира, сцепясь с неприятельским кораблем, должен был «зажечь брандер и

в точном действии, чтобы онный загорелся, и неприятельский корабль, не отцепясь от него, точно сжечь».

Трех брандерных командиров определили быстро; мичман Гагарин, лейтенант Макензи и капитан-лейтенант Дугдаль. С четвертым делом обстояло сложнее. Ганнибал предложил на эту должность лейтенанта Ильина, которого он видел в бою 24 июня (Ганнибал находился в то время на «Громе»). Не возражали, видимо, и хорошо знавшие Ильина Спиридов и Грейг. Было лишь одно препятствие: лейтенант находился на «Громе» и вел бой с турецким флотом. И все же решили именно ему доверить вести в огонь последний брандер: настолько непререкаемы были авторитет и боевое мастерство командира мортирной батареи на эскадре. Не последнюю роль сыграло здесь и то, что Ильин за время пребывания на «Громе» хорошо изучил расположение турецкого флота и мог безошибочно выбрать цель для атаки.

Неизвестно, удалось ли Ильину на короткий срок прибыть на флагманский корабль для инструктажа по предстоящей атаке или распоряжение было передано ему прямо на бомбардирский корабль. Известно лишь, что лейтенант Ильин до последней минуты перед атакой брандеров находился на «Громе» и вел стрельбу по неприятелю.

Тем временем Самуил Грейг, собрав остальных брандерных командиров, определил каждому из них цель для нападения. И особо предупредил, чтобы они вместо большого корабля не зажгли какой-нибудь ненужной шебеки, «что не может быть нам так полезно, как сожжены будут большие корабли, в чем наша и победа быть может».

АТАКА, СТАВШАЯ ЛЕГЕНДОЙ

Полудни 25 июня 1770 года Спиридов с Грейгом съехали на «Ростислав». Корабли, определенные в боевой отряд, подошли и стали ближе к бухте. Остальная эскадра легла фигурой полумесяца, загнув края круто. Над Чесменской бухтой сгущались сумерки...

В ту достопамятную для всех россиян ночь погода весьма благоприятствовала атакующим.

В одиннадцать часов пополуночи Спиридов захлопнул крышку карманных часов:

– Пора!

Чтобы не привлекать внимания турок, пушечных сигналов не давали. На «Ростиславе» лишь зажгли и подняли фонарь. Адмирал запрашивал: «Все ли готовы к съемке с якорей?» Тотчас на флагштоках кораблей

действующего отряда замерцали ответные сигналы-огни: «Готовы!» Тогда на «Ростиславе» вывесили сразу три фонаря: «Начать движение!»

Согласно диспозиции, первой в бухту должна была входить «Надежда»: ее задача – подавить береговые батареи. Но на фрегате замешкались. То ли мель была рядом, то ли еще что, но «Надежда» медлила со съемкой. Видя это, Спиридов отстранил Грейга в сторону и зычно крикнул на «Европу»:

– Клокачев! Тебе начинать первым!

Повторять капитану «Европы» было не надо. Выбрав якоря и наполнив ветром марсели, передовой линекорабль решительно двинулся вперед в темный зев Чесменской бухты. С оставшегося по левому борту «Грома» матросы и офицеры приветственно махали руками.

Едва «Европа» вышла на траверз первой береговой батареи, как загремели залпы. Сражение началось.

Несмотря на сильный огонь, Клокачев пробился в бухту и дерзко встал посреди нее на шпринг. До турок было менее двух сотен сажений. По одинокой «Европе» сразу открыл пальбу весь неприятельский флот. Темноту ночи прорезали снопы пламени. Ядра и брандскугели, завывая, чертили в небесах свой гибельный след... Русские канониры били отменно, и скоро на турецких кораблях запылали первые пожары. В течение получаса выдерживала «Европа» этот неравный бой и вышла из него победительницей.

К часу ночи подошел и встал рядом «Ростислав». Вслед за «Ростиславом» под всеми парусами проскочили в бухту брандеры, а затем остальные корабли и фрегаты отряда: «Не тронь меня», «Надежда», «Африка», «Гром». Теперь русские пушки держали под прицелом всю бухту. Над Чесмой стоял сплошной гул. Сражение сразу сделалось всеобщим. В ответ на точные залпы русских кораблей повел стрельбу весь огромный турецкий флот. Пользуясь возникшей у турок неразберихой, под прикрытием линейных кораблей незаметно проскочили в бухту и все четыре брандера, укрывшиеся затем за «Ростиславом».

Подъем духа российских моряков был небывалый: «С большим воодушевлением шли суда в гавань навстречу морю огня... Став на якорь, они взяли на прицел самые крупные из неприятельских кораблей, и их ядра, как дождь, стали барабанить по турецким судам. Бомбы летали по воздуху, как сказочные метеориты», – писал один из участников сражения.

Вновь лейтенант Дмитрий Ильин продемонстрировал высочайшее мастерство. Скоро удачно пущенный им каркас с «Грома» упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей. Будучи изготовленным из бу-

мажной парусины и к тому же совершенно сухим, тот вспыхнул мгновенно. Огонь быстро побежал кверху по мачтам и реям. Рухнула прогоревшая грот-стенга. Спустя мгновение жаркие языки пламени уже лизали весь корабль. Турки бросились в воду...

– Начали хорошо! – молвил Спиридов сквозь зубы.

– Дайте по отряду сигнал «Усилить огонь, как только возможно», – обернулся он к Грейгу.

Самуил Грейг вспоминал впоследствии об этом так: «В это время карказ, брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей; так как грот-марсель был совершенно сух и сделан из бумажной парусины, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и такелажу; грот-стенга скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тотчас же был объят пламенем».

В начале второго часа – снова удача. На этот раз отличился «Ростислав». Его меткий выстрел поджег 100-пушечный «Капудан-пашу». Теперь, освещая бухту, как гигантские свечи, полыхали уже два турецких корабля. От пожаров стало светло, как днем. От возникших пожаров огонь быстро распространился на близлежащие турецкие корабли. Вскоре он охватил всю наветренную часть неприятельского флота, в то время как корабли, бывшие под ветром, еще находились в относительной безопасности. Огонь, раздуваемый ветром, вызвал смятение на турецких кораблях. Настал наиболее благоприятный момент для атаки.

– Посадили красного петуха на басурмана, теперь только раздувай, и дело пойдет! – радовались матросы.

– Время пускать брандеры! – обратился к Грейгу Спиридов. – Упустим случай – потеряем все!

Грейг согласно кивнул и закричал артиллеристам у Фальконетов:

– Пали ракетами! Грянули выстрелы. Шипя и взвиваясь, понеслись к небу три белые ракеты. Дублируя сигнал, сдвоенным залпом ударили мортиры «Грома». Разом смолки пушки русских кораблей. Наступал решающий момент не только сражения, но и всей Архипелагской экспедиции.

Один за другим брандеры устремились вперед.

Внезапно турки прекратили огонь...

– Не задумал ли чего хитрый Гассан? – заволновался не на шутку Спиридов.

Грейг был сдержаннее. Чего не случается на войне по глупости противника!

Все, однако, объяснялось очень просто. «Лев султана» принял брандеры за перебежчиков и велел не только прекратить стрельбу, но и молиться за благополучное прибытие беглецов...

Лишь когда брандеры прошли добрую половину расстояния, понял Гассан-бей свою ошибку и выслал на перехват дерзостных смельчаков свои галеры. Снова заговорила турецкая артиллерия.

Из воспоминаний очевидца: «С большим воодушевлением шли наши суда в гавань навстречу целому морю огня с неприятельских судов и батарей. Став на якорь, они взяли под прицел самые крупные из неприятельских кораблей, и их ядра, как дождь, стали барабанить по турецким судам, а бомбы летали по воздуху, как сказочные метеоры, сея смерть и разрушение везде, где они падали. И вот в первом часу утра, когда все внимание неприятеля было сосредоточено на судах commodора Грейга, последний сделал сигнал брандерам идти в атаку... Приближался момент, когда русский крест должен был окончательно восторжествовать над турецким полумесяцем...»

Первым из всех мчался к намеченной цели брандер под командованием любимца Эльфинстона Дугдаля. В охотники капитан-лейтенант вызвался исключительно из-за перемены чинов и денежного вознаграждения. Но для того чтобы надеть мундир капитана 2 ранга, надо было еще и остаться живым.

«Какого черта влез я в это гиблое дело, – тоскливо подумал Дугдаль, вглядываясь в надвигающуюся стену неприятельских кораблей, – и какое мне, англичанину, дело, в конце концов, до всей этой свары русских с османами?»

Чем ближе к неприятелю, тем больше нервничал Дугдаль, а завидев спешащие на пересечку галеры, и вовсе потерял рассудок. Срывающимся от страха голосом он приказал команде покинуть судно...

В это самое время турецкое ядро перебило фалинь, связывающий шлюпку с брандером. Обезумевший Дугдаль с криком носился по палубе, пока матросы не выкинули его за борт. Галеры с янычарами были уже рядом, когда оставшиеся на судне матросы подпалили фитилем пороховые дорожки и попрыгали в воду. Грянул взрыв... Галеры бросились в стороны. Все было кончено. Первый брандер свою задачу не выполнил. Теперь дело было за оставшимися тремя.

Второй брандер атаковал с наветренной стороны. Вел его Томас Макензи по прозвищу Фома Калинович. Наверное, на всем российском флоте не было ни одного застолья, где бы отсутствовал этот неугомонный лейтенант. Хороший анекдот и меткая шутка имелись у него на все случаи жизни. Умел Фома показывать затейливые фокусы, заразительно пля-

сал искрометную джигу, но более всего удавался ему показ старой англичанки, танцующей менуэт. Макензи уважал русских за веселый нрав и честность куда больше, чем своих хитроумных соотечественников.

Сейчас, надвинув по самые брови треуголку, он уверенно вел свой брандер вперед. Чтобы не столкнуться с судном Дугдаля, лейтенант отвернул к берегу. Резкий толчок и скрежет известил команду о том, что брандер влез на риф. Макензи огляделся:

– Боже милостивый!

Судно прочно сидело на камнях, как раз напротив турецкой береговой батареи, на северном мысу. К урезу воды уже сбегались, потрясая ятаганами, турки. Просвистели и ударили в борт первые ядра. Макензи велел покинуть обреченное судно.

Но худа, как говорится, без добра не бывает. Горящий брандер осветил вражескую батарею. Вот она, милая! Бей, не жалея! И фрегат «Надежда», незамедлительно воспользовавшись случаем, не оставил от нее камня на камне. Команда второго брандера меж тем пробивалась к своим.

– Никак галеры басурманские! – обернулся к Макензи один из матросов.

И точно, за мысом у самого берега, прижавшись друг к другу, стояло до двух десятков гребных судов.

– Молодец! – похвалил матроса Макензи. – Будем брать на абордаж.

– Брать-то какую станем? – деловито интересовались матросы, налегая на весла. – Вона их, какая прорва!

– С ближней и начнем! – смеясь, ответил неунывающий Фома Калинович. – Сколько сил хватит, столько и возьмем!

С ближайшей галеры изумленные турки взирали на приближающуюся шлюпку. Вот она уже у самого борта. Опомнились турки, да поздно! Ружейный залп смел их с палубы.

– В штыки! Виват Екатерина! – первым взобрался на галеру лейтенант.

– Ура! – кинулись остальные.

Турки с воплями летели за борт. У весел, готовые ко всему, жались гребцы-невольники, худые и страшные, будто выходцы с того света.

– Давай наверх, сердешные! – кричали им матросы. – Кончилась ваша неволя!

Быстро расклепали железа. Пошатываясь, выбрались наверх: греки и венецианцы, англичане и мальтийцы, итальянцы и поляки.

– Вперед! Вперед! – торопил матросов Макензи.

Ободренные первым успехом, те уже прыгали на следующую галеру, вслед за ними торопились, горя отмщением, невольники. Не успели турки уразуметь, что к чему, как и вторая галера была захвачена. Остальные гребные суда тем временем спешно отходили в сторону, изготовляясь к нападению. Ахмет-ага был готов покарать дерзких. Теперь надо было уходить, и чем скорее, тем лучше.

– Это был самый великолепный из моих менуэтов, но и он, кажется, окончен! – подвел итог боя Макензи. – Весла на воду! Прорываемся к своим!

Удачно уйдя от погони, лейтенант привел к эскадре отбитые им галеры. Слов нет, второй брандер сражался героически, однако и он своего предназначения не выполнил. Вся надежда теперь была на лейтенанта Ильина.

Дмитрий Ильин до самого начала брандерной атаки распоряжался своей мортирной батареей. Наконец подскочил к борту бомбардирского корабля назначенный ему брандер. Лихо перепрыгнул на него лейтенант. Утер рукой пот и сажу с усталого лица. В нос ударил острый запах скипидара. Брандерский боцман протянул апельсин.

– Откуда? – спросил, сдирая кожуру, Ильин.

– Та грэк, шо хозяин судна энтого, передал, говорит, трескайте, ребята, сколь душа просит, мне для вас ничего не жаль! – пояснил словоохотливый боцман.

«Ростислав» проходили почти впритирку. Свесившись с ахтердека, Грейг прокричал Ильину:

– Ни под каким видом не поджигайся, пока не сцепишься с турком намертво! Заходи с наветренной стороны. С Богом!

– Ясно! – махал шляпой лейтенант. – Отстранив рулевого, он сам встал на руль. – Ну, Святой Миколай, не выдай!

Пошли! Шипя, отхлынула от форштевня пена, вздулись наполненные ветром залатанные паруса. Брандер легко мчал вперед, целя бушпритом в самую гущу неприятельского флота.

Турецкая армада горела. Но зажжена была лишь малая ее часть, находившаяся под ветром. Наветренные же корабли по-прежнему оставались невредимыми.

Все ближе и ближе громада 80-пушечного корабля.

– Держись, ребята, – ободрял команду Ильин. – Для нас давно в раю девки собраны!

Брандер на полном ходу врезался в борт линейного корабля, разом полетели мачты, с треском рухнул такелаж. Не жалко! Теперь уж все рав-

но! Матросы крючьями намертво сцепляли свое судно с жертвой. От пуль отмахивались, как от мух надоедливых:

– Кыш, подлая, ищи себе дружка в иной сторонке!

– Давай, подпаливай! – Ильин навскидку стрелял по туркам из пистолетов.

Матросы сноровисто подождли фитилем рассыпанный дорожкой порох. Огненная змейка, шипя, побежала в раскрытую настежь крюйт-камеру. Отбросив разряженные пистолеты, Ильин торопливо крепил к борту корабля подпаленный брандскугель.

Матросы, что есть силы орудя деревянными мушкетами, прибавляли сей снаряд к обшивным доскам. Наконец брандер намертво сцеплен, бранскугель прибит, порох вот-вот рванет – дело сделано!

– Уходим! – скомандовал Ильин.

Немногочисленная команда с разбега прыгнула в шлюпку.

– На весла навались!

Гребли яростно, как никогда.

– Давай, давай!

Вот уже пули перестали долетать. Оглянулся лейтенант – над брандером гуляло пламя. Через несколько мгновений грянет взрыв.

– Суши весла! – скомандовало устало. – Посмотрим, ладно ли будет.

Шлюпка беспомощно закачалась на волнах. На корме в рост, широко расставив ноги, встал Ильин. Флер на шляпе рвало порывистым ветром. И тут грянуло!

Эхо взрыва, казалось, всколыхнуло море и берег – так рванул брандер.

По мачтам турецкого корабля бежало пламя. И снова взрыв! Теперь на воздух взлетел линейный корабль. Грохот был такой, что перепуганные турки прекратили стрельбу. Лавина обломков падала на вражеские суда.

«Огонь, подобно жерлу огнедышащей горы, стоял пламенем над судами, как бы висевшими в воздухе, мириады искр огненного дождя падали во все стороны и поджигали другие корабли...»

– Ура! – что было мочи, закричал Ильин.

– Ура! – обнимаясь, кричали матросы.

– Весла на воду! – обернулся к команде лейтенант. – Погребли до-мой!

А в это время выходил в атаку четвертый, последний брандер, мичмана Гагарина. Брандер этой цели не достиг – испугался князь Василий. Не пройдя и половины дистанции, поджег он свое судно и пересел в

шлюпку. Брандер же пустил по ветру на удачу. Авось попадет! Команда плакала слезами горькими.

– Каково нам людям в глаза смотреть будет? Лучше уж в пекло башкой, чем с позором возврататься!

– Хамье! – подумав, обиделся Гагарин. – Как мне делать надлежит, я и сам уразумею!

Знал князь Гагарин наверняка, что Орловы его в обиду не дадут и наградой он обделен не будет...

Но туркам было уже не до гагаринского брандера. Пожар охватил к этому времени всю Чесменскую бухту. Языки пламени озаряли звездное небо и, отражаясь, играли в воде кровавыми бликами. Огонь всегда страшен, не случайно турки остолбенели от ужасного зрелища. Ну, а затем началась всеобщая паника, остановить которую не могло ничто!

Лейтенант Ильин блистательно выполнил эту задачу: он сошелся с головным турецким кораблем борт о борт, схватился с ним, зажег брандер и, отойдя на шлюпке, еще остановился посмотреть взрыв.

От подожженного брандером корабля загорелась оставшаяся невредимой наветренная часть неприятельского флота. К трем часам утра пожар стал всеобщим. Турки прекратили всякое сопротивление. Грейг писал: «Легче вообразить, чем описать, ужас, остолбенение и замешательство. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством спасавшихся людей, но не много из них спаслось».

Неприятель пал духом окончательно. Ответный огонь его прекратился. На стоявшем ближе всех «Ростиславе» от пышущего жара нельзя было даже повернуть лицо в сторону Чесмы. Люди задыхались. Оставаться на месте было небезопасно, вот-вот могли вспыхнуть паруса.

– Отводи-ка ты, бригадир, корабль назад, – посоветовал Грейгу Спиридов, – а то, как бы нам заодно с агарянами не изжариться!

Грейг отдал соответствующую команду. Исполняя ее, «Европа» и «Не тронь меня» отбуксировались гребными судами подальше от огня. Впереди теперь оставался лишь «Ростислав». Над кораблем то и дело пролетали полыхающие головешки. Грейг, глядя на это буйство, шептал сухими губами:

– О, теперь я знаю, как выглядит настоящий ад!

В глазах бригадира плясали отблески огня...

Впоследствии Грейг писал: «Легче вообразить, чем описать ужас, остолбенение и замешательство. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством спасавшихся людей, но немного из них спаслось».

В это время капитан Лупандин делал все возможное, чтобы спасти «Ростислав» от возгорания.

– Ну, заморы, – ободрял он свою команду, – не подкачай!

Матросы перекрепляли паруса, непрерывно поливали из брандспойтов такелаж, окатывали из ведер борт и палубу. «Ростислав» своей стоянки так и не покинул.

Море кипело от непрерывных взрывов, по бухте гуляли огромные волны, топя шлюпки и людей. Заряженные пушки, накалясь, палили сами, усиливая панику. Пламя и дым давно затмили луну. Огонь, вода и воздух, казалось, слились воедино в стремлении покончить со всем живым.

В находящейся в нескольких десятках миль Смирне земля ходила ходуном, как при землетрясении. И люди в ужасе выбегали на улицу из домов, думая, что настал конец света...

Еще одно воспоминание очевидца: «Горел уже весь флот, насчитывавший около 200 парусов, являя этим страшную и в то же время величественную картину всеобщего ужаса и бедствия. Перо может дать лишь слабое представление об этой поразительной катастрофе. Пламя с ужасающей быстротой разливалось во все стороны, и один за другим взлетали на воздух турецкие корабли вместе с людьми, бегавшими по их палубам и не решавшимся броситься в воду и плыть к берегу. Русские продолжали осыпать пожарище таким дождем бомб, ядер и пуль, что никто не решался прийти на помощь своим гибнущим собратьям. Крики отчаяния, вопли и рыдания побежденных, и музыка, барабанный бой, и «ура» на судах Грейга, сливаясь воедино, составляли как бы торжественную погребальную песню умирающей доблести османов... Наша победа была решительная, их поражение – полное».

Едва воспылала бухта Чесменская, пал духом наблюдавший за боем из замка капудан-паша:

– Сьюбхан Аллах! Все погибло! О, я, несчастный, что скажу я великому султану, как посмею глянуть в лучезарные глаза его?

Великому адмиралу уже виделся недалекий подарок султана – конwert с черным шелковым шнурком...

Толпы турок разбегались во все стороны. В придорожной канаве, брошенный всеми, лежал младший флагман Дজেзаирли Гассан-бей.

– Ради Аллаха и Фатимы! – кричал он бегущим. – Остановитесь!

– Тщетно, песчинка в огромном потоке – он был бессилен что-либо изменить.

Пробегавшие мимо плевали ему в лицо:

– Будь ты проклят, приведший нас сюда!

Постанывая от боли в раненой руке, Гассан-бей отполз в сторону. О, как жалел он сейчас о том, что не пал тогда на палубе «Реал-Муетафы» от штыка гяура!

– Я отомщу неверным, – шептал несломленный «Лев султана». – Я отомщу так, что сам шайтан ляжет мне под ноги вместо порога, когда настанет пора отправляться через Эльсырат в рай к предкам! Клянусь Небом!

Страшной клятве Гассан-бея так и не суждено было сбыться. Никогда. Больше добавить к этому нечего...

К восходу солнца все было кончено. Вместо еще недавно могучего флота осталось лишь скопище чадающих бревен. Потери турок были огромны. Свой конец в Чесменской бухте нашли более десяти тысяч неприятельских моряков. Победа русского флота была полная.

БЫЛ...

До российской столицы известие о победе при Чесме дошло не скоро. Вначале было получено краткое сообщение от посланника на Мальте. Подробности там отсутствовали, но главное было ясно: произошло генеральное сражение, в котором русский флот наголову разгромил неприятеля.

Из письма Екатерины II канцлеру Панину в сентябре 1770 года: «Лишь встала с постели, мне отдали Ваше второе письмо с приятными из Архипелага предвестиями, а не известиями еще, ибо сказывают одни, что взяты Дарданеллы, а другие, что флот турецкий паки сожжен. Но есть ли бы выбирать, то Дарданеллы лучше возьму, ибо сие нас приближает к месту ближайшего мирнаго конгресса».

От самой эскадры с донесением послали князя Юрия Долгорукого. Попутным судном он добрался до Ливорно, оттуда посуху – в Россию. Лишь поздней осенью прибыл князь в Санкт-Петербург.

Императрица пожелала увидеть вестника славной победы немедля. Принимала его прямо у карточного столика, где только что, коротая время, проиграла подряд несколько партий дураковатому прусскому принцу Генриху. Разговор состоялся недолгий. Екатерина спешила отыгаться. На прощание вручила она Долгорукому Георгиевский крест 3-го класса.

– Сей крест тебе уже послан, но, видно, не дошел до тебя! Поэтому я его тебе сама и возлагаю!

Из первичной росписи императрицы Екатерины II о награждениях за Чесменскую победу: «Объявить им награждения: гр. А. Орлову кавалерию Св. Георгия первого класса и кайзер-флаг пока жив, чтоб мог под-

нять на наших кораблях и употребить в своем гербе, графу Федору Орлову – второго класса, адмиралу (т.е. Спиридову – В.Ш.) деревня, контр-адмиралу Грейгу – третьего класса Георгия, тоже и князю Юрию Долгорукому. Всем командам брандеров – четвертый класс Георгиевский, всем морским и сухопутным на судах, в действительной драке находившимся, медали на синей ленточке, корабельным командирам же тех кораблей Георгия четвертого класса».

Затем передумав, императрица осыпала Алексея Орлова целым дождем наград. Дадены ему были: Георгиевский крест наивысшего, 1-го класса, усыпанная алмазами шпага, шестьдесят тысяч рублей, титул графа Чесменского, единоличное право поднимать на всех кораблях российского флота кейзер-флаг и фамильный герб с изображением того же кейзер-флага.

Екатерина писала Орлову восторженно: «Блестящая в свете не мнимым блеском, флот наш... нанес сей раз наичувствительный удар оттоманской гордости... Сия победа приобрела отменную славу и честь... лаврами покрылась и вся находящаяся при Вас эскадра».

Помимо официальных наград Екатерина одарила Орлова еще и личными подарками, которые еще раз подчеркнули ее особое расположение к Чесменскому победителю. В своем письме к графу она писала: «Граф Алексей Григорьевич! Как скоро услышала я, что у вас пропал перстень с моим портретом в Chesменскую баталию (который Орлов в порыве бешенства выбросил за борт – В.Ш.), тотчас заказала сделать другой, который присем прилагаю, желаю вам носить оный на здоровье. Потеряв перстень, вы выиграли баталию, истребили неприятельский флот; получая другой, вы берете укрепленные места...»

Как вы весьма хорошо управляете моим флотом, то посылаю к вам компас, вделанный в трость. Прощайте, любезный граф; я желаю вам счастья и здоровья, и всякого благополучия и прошу Всевышнего, да сохранит вас целым и невредимым. Впрочем, остаюсь, как всегда к вам весьма доброжелательна. Екатерина».

Награждены были и другие участники победоносной баталии. Адмиралу Спиридову пожаловали орден Андрея Первозванного. Самуилу Грейгу, произведенному в контр-адмиралы, вручен был Георгиевский крест 2-го класса. Георгиевских крестов были удостоены и другие наиболее отличившиеся офицеры.

Но особо отмечался всеми подвиг Дмитрия Ильина. Так, выражая похвалу всем участникам сражения, адмиралтейств-коллегия отмечала: «А паче господину Ильину, которого храбрость и твердость духа справедливо не токмо похвалы, но и удивления достойны».

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота хранится текст указа Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Екатерины II от 22 февраля 1773 года о пожаловании ордена Д. С. Ильину. Одновременно с Ильиным, одним указом, кавалерами ордена Святого Георгия 4 класса были пожалованы капитаны флота Лупандин, Клокачев, Хметевский, бригадиры и флота капитаны Барш, Бешенцов, Круз, Степанов, капитан-лейтенанты Перепечин, Дугдаль, Мекензи, флота лейтенанты князь Гагарин, Псаро, Кочугов, Войнович, Алексиано, флота мичман Ушаков и флигель-адъютант Ризо. Екатерина II повелевала адмиралтейской коллегии кавалеров внести в кавалерский список, и пенсию им производить по установлению. Императрица собственной рукой написала в указе: «Старшинство их почитать с того дни как получили кресты от графа Алексея Орлова». По какой причине только через два с лишним года состоялось официальное награждение героев Чесменского сражения, установить не удалось. По дате вручения ордена Д. С. Ильину в «Общем морском списке» указан 1770 год, в «Послужном списке капитана 2-го ранга Дмитрия Ильина», хранящемся в Государственном архиве Тверской области, 9 июля 1771 года.

В Российском государственном историческом архиве в документах Фонда Капитула российских императорских и царских орденов в «Вечном списке кавалерам военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия» в списке лиц за 1771 год, внесенных к награде орденом св. Георгия 4 класса под № 138, записан 9 июля флота лейтенант Дмитрий Сергеевич Ильин.

От государственной казны велено было выдать победителям ровно сто шестьдесят семь тысяч четыреста семьдесят пять рублей и пятнадцать с одной четвертью копейки.

Для команд Средиземноморской эскадры учредили серебряную медаль «За победу на водах Эгейских». Носить ее надлежало в петлице на голубой Андреевской ленте. На медали изображался горящий турецкий флот и надпись внизу мелкими буквами: «Чесма 1770 года июня 24 дня», а сверху в клубах дыма лишь одно краткое слово «Был». Женам и детям офицеров и матросов эскадры велено было Екатериной II раздать пять тысяч рублей.

Русский народ праздновал величие своего флота. Три дня в столице шли народные гулянья, беспрестанно гремели салюты, флотских закивали на руках до упаду. Специальным высочайшим указом велено было праздновать Чесменскую победу ежегодно.

Из воспоминаний о детстве поэта и сенатора Ивана Дмитриева: «Отец мой, получая при газетах реляции, всегда читал их вслух посреди

семейства. Никогда не забуду того дня, когда слушали мы реляции о сожжении при Чесме турецкого флота. У отца моего от восторга прерывался голос, а у меня навертывались на глазах слезы».

Изменение претерпела даже женская мода. Едва известие о победе достигло столицы, как буквально на следующий день в два с лишним раза возросла ширина юбок у петербургских модниц. Пышные кринолины заколыхались над петербургской брусчаткой, как паруса кораблей над штормовыми волнами. Тогда же наимоднейшие дамские прически «Шисак Минервы» и «Рог изобилия» как по мановению волшебной палочки уступили пальму первенства экзотическому «Левантскому тюрбану».

Славной виктории на водах Эгейских посвящали стихи и возвышенные оды. Огромной популярностью пользовалась драма «Россы в Архипелаге», смотреть которую собирались толпы народа – от самых титулованных до простолюдинов.

На торжественном молебне у надгробия Петра Великого рыдал, не скрывая слез своих, митрополит Платон:

– Восстань, великий монарх, Отечества нашего отец! Восстань и возри на любезное изобретение твое! Оно не истлело во времени, и слава его не помрачилась! Восстань и насладись трудами рук своих!

На надгробие был торжественно возложен добытый неизвестным матросом кормовой турецкий флаг. Рядом лег на холодный мрамор лист бумаги со стихами:

*Тебя виновником считая русских благ,
У неприятеля отнятый ею флаг,
Перед стопы твои усердно полагает,
И жертвой сей твое столетие венчает.*

Гром Чесмы всколыхнул весь мир. Хитроумные дипломаты горестно сотрясали пудру париков, вчитываясь в донесения о результатах битвы. Русский флот заявил о себе во весь голос. Так, британский посол при русском дворе лорд Каскарт в своем донесении в Лондон особое внимание обращал на «храбрость, распорядительность и решительность, показанные русским адмиралом, офицерами и матросами при столь новых для них обстоятельствах».

Первыми забили тревогу по итогам Чесмы союзные России англичане. Былое пренебрежение к российским морякам сменилось у них на опасливую настороженность. Уже через месяц после сражения британское адмиралтейство получило обстоятельнейший отчет своих шпионов обо всех подробностях сражения. Доносители, делая вывод из увиденно-

го, писали: «Одним ударом уничтожена вся морская сила оттоманской державы».

ОТ СЛАВЫ ДО ОПАЛЫ

Наряду с наиболее отличившимися в сражении офицерами лейтенант Ильин был представлен к награждению орденом Святого Георгия 4-го класса и производству в следующий чин. В его представлении на орден было сказано следующее: «При сожжении турецкого флота был охотно на брандере и исполнял должность с неустранимостью». Оценила подвиг Ильина и императрица Екатерина II. В рескрипте на имя Алексея Орлова она писала: «Восхотели мы в знак нашего к подчиненным вашим благоволения послать к вам несколько крестов святого Георгия четвертого класса, дабы оные раздали по делам, в статутах того ордена предписанным, а особливо рекомендованному от вас Ильину».

Белоэмалевый крест Дмитрию Сергеевичу вручили, а вот со званием обошли, несмотря на неоднократные ходатайства командующего эскадрой. Сам же лейтенант, впрочем, особо не обиделся, мало ли что бывает в жизни: идет война, и не это сейчас главное для боевого офицера.

Почему Ильину не дали ранее обещанное звание? Ведь он, как и прежде, верой и правдой служил Отечеству. Ответ может быть только один – громкая слава героя уже начала вызывать раздражение тех, кто, отсидевшись в тиши петербургских кабинетов, принялся делить между собой лавры Чесменской победы. Это был первый тревожный сигнал, который мог бы насторожить Дмитрия Сергеевича, но далекий от дворцовых интриг офицер тогда так ничего и не понял. Кто может его за это осудить?

Сильнее ударить Ильина завистникам в то время не удалось. Дмитрий Сергеевич еще был нужен флоту, да и в обиду на эскадре его бы никто не дал. Особенно же поддерживал Ильина адмирал Спиридов, сам попавший после Чесмы в опалу. Следующее воинское звание Дмитрию Ильину присвоят только через четыре года по выслуге лет (по линии, как тогда говорили).

Вскоре после чесменских событий по распоряжению Спиридова Ильин принял под команду только что пришедший с Балтики для усиления эскадры новый бомбардирский корабль «Молния». Сразу же начались постоянные боевые походы, и на протяжении всей войны там, где было всего труднее и опаснее, друзья всегда видели Ильина. Он удивлял соратников своим мужеством и отвагой при атаке крепости Метелино, в ожесточенных боях при Будрусе и Станчо, при вторичной атаке Чесмы в 1772

году и при блокаде Дарданелл. Его «Молнию» средиземноморцы за точность стрельбы называли палочкой-выручалочкой.

Не теряли времени и недоброжелатели в далеком Санкт-Петербурге. В Адмиралтейств-коллегию поступил анонимный донос о том, что находящийся при Средиземноморской эскадре лейтенант Ильин давно страдает падучей болезнью, которую старательно скрывает. Аноним требовал немедленной отправки лейтенанта с эскадры в Россию на лечение и заслуженный им покой. Удар был нанесен достаточно точно: ведь проверить здоровье офицера, находившегося за тысячи миль от Петербурга, члены коллегии не могли, а оставлять на боевом посту командира корабля, страдающего падучей болезнью (пусть даже и очень заслуженного), не имели права. Этот второй удар был посерьезнее первого и практически не оставлял Ильину иного выхода, как уйти с почетом в отставку. Помогла случайность. В столицу в это время прибыл уволенный в полную отставку адмирал Спиридов, оттертый Орловым и Грейгом от чесменской славы. К нему-то и обратились за решением столь щекотливого вопроса члены Адмиралтейств-коллегии. Седой адмирал с гневом отверг надуманные обвинения. Дело было предано забвению. На этот раз Дмитрий Ильин, сам того не зная, одержал победу над своими неизвестными врагами. Но адмирал Спиридов убыл доживать свой век в далекую деревню, и Дмитрий Сергеевич лишился своего последнего заступника.

...Победоносно закончилась русско-турецкая война, и Средиземноморская эскадра отряд за отрядом двинулась в родные пределы. С одним из отрядов пришла в Кронштадт и ведомая Ильиным «Молния».

Балтийцы устроили герою поистине торжественную встречу: по улицам Кронштадта его несли на руках! Ильин был счастлив: его подвиг не забыт! «Лейтенант Ильин, по приходе эскадры с графом Орловым в мирные воды, по повелению императрицы Екатерины II был должен представиться ее величеству и ожидал быть осыпанным наградами от ее монарших щедрот», – напишет один из первых биографов Ильина Михаил Ладыгин в своем сочинении «Лейтенант Дмитрий Ильин», опубликованном в журнале «Русская старина» за февраль 1892 года.

7 июля 1776 года Екатерина со своей свитой и чужестранными министрами посетила корабль «Ростислав». Церемония визита происходила следующим образом: «...Позваны сигналом все флагманы и командиры и прочитан был на шканцах вице-президентом адмиралтейской коллегии указ о награждении чинов флота. И на Грейга возложила сама Императрица орден Александра Невского, нижним чинам розданы в память турецкой войны медали и высшие офицеры допущены были к руке. В 1 часу Ея Импер. Велич. отправилась к обеденному столу, приготовленному в кают-компани, на ко-

торый приглашены были все присутствующие, играла музыка и выпиты то-сты...». Посещению «Ростислава» предшествовал смотр эскадры, после которого императрица пригласила к своему столу на корабле «Ростислав» всех офицеров – участников Чесменского сражения. На обеде присутствовал и Дмитрий Ильин, императрица один из тостов провозгласила за здоровье отличившегося в сражении лейтенанта Ильина. Бокал, из которого пила Екатерина, с ее вензелем, был подарен Д. С. Ильину.

В ходе проведения исследования впервые удалось обнаружить интересный документ – «Ответ Исторического Отделения Морского Генерального штаба» от 2 ноября 1916 года в адрес командира эскадренного миноносца «Лейтенант Ильин». В нем говорится, что Георгиевский крест лейтенанта Ильина и хрустальный бокал, из которого пила Императрица Екатерина II на корабле «Ростислав» за его здоровье, хранится в Морском Музее имени Императора Петра Великого.

Лучшие поэты страны посвящали лейтенанту Ильину строки своих восторженных од:

*...Как будто нес главу Горгоны к ним в руках,
Окаменение Ильин навел и страх,
Он бросил молнию в их плавающие дома,
Ударили со всех сторон от россов грома;*

*Там бомба, на корабль упав, разорвалась,
И смерть, которая внутри у ней, неслась,
Покрыта искрами, из оной вылетает
Рукою корабли, другой людей хватает.*

*К чему ни коснется, все гибнет и горит;
Огонь небесну твердь, пучину кровь багрит;
Подъемлют якори, от смерти убегают;
Но, кроясь от огня, друг друга зажигают...*

Однако стихи остались стихами, а обещанных «монарших щедрот» герой так и не дождался. Столь большое внимание к некогда безвестному флотскому офицеру вызвало новый приступ ярости у недоброжелателей Ильина. Они перешли к активным действиям. На этот раз враги обвинили Дмитрия Сергеевича в пьянстве. Тот же Ладыгин писал: «Боязнь, что Д. С. Ильин по своей доброй, чистой натуре умалит в глазах государыни тех, кто захватил всю славу Чесменского боя, заставила их обратить внимание на Ильина по приезде его в Петербург...»

Далекий от высоких сфер и интриг, герой искренне принимал многочисленные приглашения в лучшие петербургские дома. К Ильину, как мухи на мед, липли сомнительные дружки, усиленно таскавшие его по кабакам. Вовремя опомнившись, Дмитрий Сергеевич разогнал их и вновь с головой ушел в службу. Но было поздно, недоброжелатели повсюду разнесли весть о «беспробудном пьянстве Ильина», все было ими заранее предусмотрено и устроено. Окончательный же удар было решено нанести во время приема героев Чесмы в Зимнем дворце, который назначила императрица. Не знакомому с дворцовым этикетом Ильину сказали, что при появлении Екатерины II он должен пасть к ее стопам. Одновременно саму императрицу поставили в известность о nepотpeбном поведении героя.

Наступил день высочайшего приема. Дрожа от волнения, Дмитрий Сергеевич переступил порог залы, где восседала Екатерина. Уже знакомый читателю биограф героя свидетельствует: «Прием добродушного Ильина не был продолжителен; при виде государыни вместо слов он пал к ногам ее величества и от душевного волнения не мог скоро подняться, а недоброжелатели Д. С. не преминули это отнести к пьяному его состоянию и поспешили его убрать из дворца, да и убрали навсегда. Д. С., не погибший в Чесменском бою, погиб от тех, кто захватил его славу, а те, в свою очередь, выбросив Ильина, торжествовали».

Едва Екатерина II выразила свое недовольство поведением героя, это было немедленно расценено врагами как сигнал к действию. В тот же день так и не понявшего, что же произошло, Ильина отправили в спешном порядке в Нарву в заштатный гарнизон, где и кораблей-то никаких не было никогда.

– Я капитан бомбардирского корабля «Молния»! – горячился герой.
– И требую отвезть меня обратно!

– Не велено! – отвечали ему с издевкой. – Да и никакой ты теперь не капитан корабельный, а отныне будешь пребывать в должности наипочетнейшей – складской!

Герой Чесмы был внезапно взят под караул, посажен в кибитку и отправлен в дальнюю деревню Тверской губернии без права приезда в столичные города. Задним числом высочайшим указом от 31 декабря 1776 года Георгиевский кавалер и участник восемнадцати морских кампаний капитан 2 ранга Дмитрий Сергеевич Ильин был уволен в отставку с полным пансионом. Успокаивая общественное мнение, ему «по вывозу» на пенсию присвоили звание капитана 1 ранга.

В послужном списке Ильина осталась запись: «Уволен от службы 777 году», в «Общем морском списке» – «1777 г. января 3. Уволен от службы чином капитана 1-го ранга с пенсионом». В «Материалах для ис-

тории русского флота опубликован «Высочайший утвержденный список штаб и обер-офицеров, просящим по силе указа о вольности дворянства, увольнения от службы, 1776 года декабря 31», в котором есть и капитан 2-го ранга Дмитрий Ильин. В приложении об Ильине от коллегии представлены следующие сведения о прохождении службы: «...в чине с 26 июня 1770 года, кампаний на море имел гардемаринном 3, офицером – 17, итого 18. Представляется к отставке по выслуге 18 кампаний с пенсионом, а в рассуждении его именной заслуги и с чипом, ибо он Ильин в прошедшую войну находился в Архипелаге и во время сражения с турецким флотом июня с 25 на 26 число был на брандере командиром, а 25 числа находился на бомбардирском корабле «Гром», бомбардируя в турецкий флот из мортир и из гаубиц; а когда приближалось время с брандером идти, тогда на него переехал, и по учиненному от капитана и бригадира, что ныне вице-адмирала Грейга, сигналу пошел в турецкий флот с над ветру, а вошед увидел же большой турецкий корабль, и к оному направля путь пристал и сцепяся с ним зажег свой брандер, отъехал на шлюпке, смотрел действие и увидел, что у онаго большого корабля от брандерного огня вдруг вся сторона, с которой зажжен в огне и пламя к парусам пришло и оные и все, мачты, стеньги и реи загорелись, и тогда он, Ильин, исполняя совершенно врученное ему дело, со шлюпкою возвратился благополучно; из сего явствует его, Ильина, храбрость и неустрашимость. Из Архипелага в Россию прибыл в 1774 году...

Послужной список Д.С. Ильина содержит исключительно положительные характеристики и аттестации, которые были даны ему адмиралом и разных орденов кавалера Г.А. Спиридовым, капитанами и кавалерами Ф.А. Клокачевым и П.Ф. Бешенцовым, капитаном и бригадиром, кавалером В.В. Лупандиным и другими командирами.

Историк Ладыгин свидетельствует: «Боязнь, что Д.С. Ильин по своей доброй, чистой натуре умалит в глазах государыни тех, кто захватил всю славу Чесменского боя, заставила их обратить внимание на Ильина... Д.С. не погибший в Чесменском бою, погиб от тех, кто захватил его славу, а те, в свою очередь, выбросив Ильина, торжествовали. Д. С., имевший право ожидать триумфальное шествие, очутился в кибитке, удален со службы... и был отправлен на жительство в свое маленькое имение, находившееся тогда в Новгородском уезде, при церкви погоста Застижья, Сжегши турецкие корабли, сжег и лично свои! Слава о нем померкла, и до смерти он влачил свою жизнь в полнейшей бедности...»

Под ядрами и пулями уцелел герой, а вот от наветов и доносов не уберется...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ

О дальнейшей жизни Дмитрия Сергеевича известно очень немного. На основании записей в церковных книгах за 1780 год о бракосочетавшихся можно узнать, что «в феврале 9-го морского флота капитан 1 ранга и кавалер Дмитрий Сергеев сын Ильин, вдовец, первобрачной, Устюжского уезда, Дубровского погоста, села Дубровки, отставного капитана Андрея Петрова сына Колюбакина, з дщерью ево девицей Ириной, полувторным браком».

Детей у Дмитрия Ильина было четверо, что доказывает родословная книга Тверской губернии. Два сына – Михаил и Алексей, дочери Александра и Екатерина. Известно, что старший сын Михаил по окончании морского кадетского корпуса служил подшкипером на Балтийском флоте. В 1814 году награжден почетной бронзовой медалью на Владимирской ленте с надписью «1812 год». О младшем Алексее есть только сведения о том, что служил в морской артиллерии, и к 1802 году имел звание унтерлейтенанта.

Даты рождения детей неизвестны, но можно предположить, что старший сын Михаил был рожден в первом браке, возможно, и младший Алексей.

После увольнения со службы Дмитрий Сергеевич возвращается в родные края, по какой причине он не остался в Санкт-Петербурге, неизвестно. Сведений о роде занятий в последующие годы жизни нет, наверное, он жил как большинство мелкопоместных дворян, и воспитывал достойно своих детей.

В тех же церковных записях за 1802 год в сведениях об умерших значится: «В июле 19-го. Господин капитан и кавалер Дмитрий Сергеевич Ильин. Тело сие предано земле по церковному чиноположению». Причина же смерти значится кратко: «Неизвестной болезнью помер».

Жизненный путь Дмитрия Сергеевича закончился 19 июля 1802 года, похоронен он на кладбище деревни Застижье. Позднее на могиле была положена плита из серого камня с надписью:

«ПОДЪ КАМНЕМЪ СИМЪ ПОЛОЖЕНО ТЕЛО КАПИТАНА ПЕРВАГО РАНГА ДМИТРІЯ СЕРГЕЕВИЧА ИЛЬИНА КОТОРЫЙ СЖЕГЪ ТУРЕЦКІЙ ФЛОТЪ ПРИ ЧЕСМЪ ЖИЛЬ 65 ЛЬТЬ СКОНЧАЛСЯ 1803 ГОДА».

Может быть, от неверно высеченного года кончины и появилось указание года смерти «1803» во многих энциклопедиях, изданиях по истории военно-морского искусства и художественной литературе. Год кончины подтверждается выпиской из церковной записи об умерших 1802

года: «В июле 19-го. Господин капитан и кавалер Дмитрий Сергеевич Ильин тело сие предано земли, по церковному чиноположению, священником сороговского погоста Павлом Васильевым села Застижья, с дьячком Андреем Павловым и пономарем Родионом Ивановым при застижской церкви. Пред кончиною исповдыван и святых тайн сподоблен сороговского погоста священником Павлом Васильевым. Неизвестною болезнью помер».

Доказательством года смерти является также акт раздела имущества после кончины Д. С. Ильина между его детьми, заверенный Устюжским уездным судом 11 декабря 1802 года. Указанная дата свершения раздельного акта подтверждается и в письме Тверского Дворянского собрания от 4 апреля 1884 года. Копии этих документов и ныне хранятся в Государственном архиве Тверской области.

После смерти остались в память безутешным дочерям Ильина лишь несколько боевых наград на затертых лентах... Прошли годы, дети покинули родные места, людьми они были небогатыми, дочери Екатерине император Александр I в память заслуг отца пожаловал ежегодную пожизненную пенсию в 400 рублей, и на ее имя в банк было положено 5 тысяч рублей, дабы эту сумму с процентами выдать при вступлении в брак.

Жалкое существование влачила после смерти героя его дочери. Не имея своего угла, они вынуждена была скитаться по знакомым до тех пор, пока возмущенные друзья последних лет жизни Дмитрия Сергеевича во главе с помещиком Гаврилой Гёраковым не отослали письмо в Санкт-Петербург, требуя справедливости по отношению к дочери Ильина. «Клевета, зависть, – писал Гераков, – вы довольно насытились, живо преследуя почтенного Ильина; прекратите гонения свои, скройте самих от себя, не беспокойте прах друга души моей! Ты же, дух героя Ильина, ты исполнил долг россиянина, долг бодрствующего за Отечество, ты покойся на лоне безначального. Мир праху твоему!»

Сочинение Геракова быстро получило весьма широкую огласку. Через некоторое время письмо дошло до самого императора. Александр I, повздыхав, милостиво учредил дочери героя небольшую пенсию.

Со временем плита на могиле почти ушла в землю, церковь погоста Застижье постепенно разрушалась. Снова об Ильине вспомнили лишь спустя шестьдесят с лишним лет.

На место погребения героя, находящееся в запустении, обратил внимание отставной генерал-майор Михаил Федорович Лодыгин. В начале 1892 года он опубликовал в историческом издании «Русская старина» статью «Лейтенант Дмитрий Ильин». В этой статье кратко описал подвиг Ильина и, к сожалению, подробно расписал легенду об инциденте в Зим-

нем дворце. Откуда взяты сведения, Лодыгин не указал, и, с учетом популярности «Русской старины», наверно, это был не лучший вариант публикации. Вместе с тем, в статье было дано описание могилы и церкви и высказано предложение почтить память героя Чесмы сооружением на его могиле памятника.

Тогда появились первые книги о Чесме и об одном из ее героев лейтенанте Ильине. В состав Балтийского флота вошел быстроходный минный крейсер «Лейтенант Ильин», а когда он был списан по ветхости, его место в боевом строю занял современнейший эсминец с тем же названием. В 1893 году на могиле героя, которая к тому времени пришла в запустение, был установлен памятник, увенчанный гордым орлом. На памятнике выбили: «В воздаяние славных боевых подвигов при Чесме в 1770 году. Лейтенант Ильин – потомству в пример».

На могиле его была положена плита с надписью: «Под камнем сим положено тело капитана первого ранга Дмитрия Сергеевича Ильина, который сжег турецкий флот при Чесме. Жил 65 лет. Скончался 1803 года».

Мир праху твоему, чесменский герой!

Ныне со времени Чесменской баталии прошло два с половиной века, но она не забыта. Стояли и стоят на необъятной русской земле памятники героям той великой битвы. Тысячи людей простаивают у батальных полотен, вглядываясь в зарево пламени, где вечно молодой лейтенант Ильин ведет в предерзновенную атаку свой утлый брандер...

ГЕРОЙ ПАТРАССКОГО СРАЖЕНИЯ

Месяца мая восьмого числа года 1772 город Ревель прощался с эскадрой контр-адмирала Чичагова. Русские корабли спешили в далекое Средиземноморье, чтобы подкрепить героев Чесмы и окончательно закрыть туркам выход из Дарданелл.

Укомплектована эскадра была моряками опытными, но корабли в нее включили новые, только что со стапелей. Имена по этой причине присвоены были по следам событий недавних и славных: «Чесма», «Победа», «Граф Орлов». На флагманском «Орлове», что уходил в море под адмиральским флагом, капитаном – Коняев Михайла Тимофеевич, моряк опытный и воин храбрый.

Моряки торопились: их ждали в далеких южных водах боевые товарищи. Шли по этой причине лихо, неся даже при крепком ветре все паруса. Плавание было тяжелым, но уже в середине августа эскадра бросила якоря на рейде итальянского порта Ливорно. Здесь моряки с удивлением узнали, что адмирала Василия Чичагова высочайшим orderом отзывали в Россию. Там ему предстояло принять под начало эскадру на море Азовском. Эскадру велено было принимать Коняеву как старшему по должности.

В тот же день контр-адмирал съехал на берег, а Коняев поднял над «Графом Орловым» отрядный брейд-вымпел. Кораблям предстояло еще несколько дней стоянки, чтобы пополнить запасы провизии и питьевой воды, а затем уже следовать к Аузе – главной базе русского флота в греческом архипелаге. Однако ситуация вновь резко изменилась. Буквально через день прибыл курьер от главнокомандующего российскими войсками в Средиземноморье графа Алексея Орлова. Сообщение курьер привез тревожное: турки скрытно наращивают свои морские силы в Эгейском море. Орлов в связи с этим приказывал идти к островам Крит и Цериго, уничтожая там все турецкие военные суда. В помощь эскадре придавался находившийся уже в тех водах отряд легких судов капитана Войновича.

Как же складывалась в это время обстановка на Средиземном море для русских моряков?

Потерпев два года назад сокрушительный разгром при Чесме, султан Мустафа III лишился всего своего линейного флота. Но у турок морские силы еще оставались, и немалые. В Адриатике и Мраморном море, в Босфоре и у берегов вассального Туниса сосредоточились фрегаты и шебеки, галеры и бо-

лее мелкие суда. Численность этих судов была велика, что представляло само по себе немалую опасность для российского флота. Было и еще одно немаловажное обстоятельство, заставлявшее русских моряков всегда быть настороже. Дело в том, что эти суда укомплектованы были не нерадивыми турками-анатолийцами, как линейные корабли, а опытнейшими мореходами-пиратами, постигшими все премудрости своего ремесла.

Пока между Россией и Турцией шли длительные безрезультатные мирные переговоры, продолжавшиеся почти весь 1772 год, турки сумели отремонтировать эти разбойничьи суда, пополнить их экипажи.

Адмирал османского флота Гассан-паша замыслил разгромить русские эскадры. Соединив все разбросанные по средиземноморским портам флотилии, он намеревался внезапным ударом истребить крейсирующие русские отряды. Гассан-паша был уверен, что соблюдающий объявленное перемирие противник давно утратил бдительность. Однако Орлов, заметив передвижения турок по портам, тут же велел удвоить наблюдение. Скоро графу через лазутчиков стало известно, что Гассан-паша усердно собирает под свою команду мощный корабельный кулак. Из албанского порта Дульциньо, что на Адриатике, готовилась к удару по русским флотилия из полусотни фрегатов и шебек. На ее борту сидело до восьми тысяч отборных янычар. В поддержку ей должна была выступить из Туниса флотилия неукротимых барбарейцев с тремя тысячами профессиональных головорезов. В Босфоре собирались остатки линейного флота, а из Алжира протягивали султану руку дружбы тамошние пираты.

«Такие коварные с неприятельской стороны предприятия, производимые уже в действие, принудили меня принять оборонительное оружие, захватить нужные проходы и отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисцами», – писал в те дни Алексей Орлов в Петербург Екатерине II.

Заступить дорогу дульциниотам и выпало капитану 1 ранга Михаилу Коняеву с сотоварищами.

Едва его эскадра в семь вымпелов встала у берега Люфет, что неподалеку от острова Цериго, от местных рыбаков-греков пришло известие о неприятеле. Дульциниотская флотилия в восемь больших фрегатов и полтора десятка шебек стояла на якорях у острова Патраса, поджидая еще полтора десятка вымпелов, спешивших к ней из Корфу.

На совете капитанов Коняев заявил решительно:

– Соединения турок допустить невозможно, надо бить поодиночке!

Двадцать пятого октября вдали были усмотрены турецкие суда. Свежий ветер, однако, не дал возможности атаковать немедленно. День

следующий начался внезапным нападением. Умело маневрируя, головные «Чесма» и «Граф Орлов» отсекали от основных сил две шебеки и фрегат, буквально изрешетив их своими ядрами. От полного уничтожения турецкие суда спасла лишь непроницаемая южная ночь.

Весь следующий день русские моряки снова боролись со стихией, штормя с зарифленными парусами. Турки, перейдя под защиту местных крепостей, отстаивались на якорях, готовясь к отражению возможного нападения.

Так настало 28 октября.

Снова поутру был на «Графе Орлове» капитанский совет. Несмотря на жестокую пальбу береговых батарей, решили идти напрямиком на неприятельские суда и дать им бой.

– Надежду станем иметь на уместность господ офицеров и матросов да на помощь Господа нашего Всевышнего! – так закончил свои наставления Коняев.

Против 222-х пушек на русских кораблях турки имели 420, не считая стрелявших с берега. Но столь большое различие в силах на решение российских капитанов не повлияло.

Красноречивое свидетельство о первых минутах Патрасской баталии оставил в шканечном журнале флагманского корабля штурман Савва Мокеев: «В начале 10 часа с обеих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но, несмотря на страсть оной, надеялись на свое мужество и на помощь Всевышнего Бога, чем себя охотно побуждали дать баталию, и мы с эскадрою усиливали прийти к неприятелю в ближнее расстояние, дабы наши пушки удобнее их вредить могли».

Сблизившись на кратчайшую дистанцию, русские корабли разом бросили якоря. По сигналу Коняева ударил первый залп, и сражение началось. Впереди остальных дрались линейные корабли «Чесма» и «Граф Орлов», немного поодаль – фрегаты «Николай» и «Слава», шебека «Забияка», с моря эскадру прикрывали «Модон» и «Ауза».

На исходе часа пополудни Коняев, внимательно следивший за ходом сражения в подзорную трубу, заметил большое замешательство в береговой крепости, которую успешно расстреливала «Чесма».

Вывесить флаги, чтоб огонь усиливали до крайности! – обратился Коняев к стоявшему рядом вахтенному лейтенанту Лопухину. – Чувствую я, что еще немного поднажать – и турки не выдержат!

Не разорвало бы на такой стрельбе пушек! – несмело вставил лейтенант.

Смерти бояться – дома сидеть! – не оборачиваясь, бросил капитан 1 ранга, снова приставляя к глазам трубу.

Повинуясь приказу, русские суда резко усилили темп стрельбы. Канониры еле успевали отскакивать от дергающихся на отдаче пушек. И неприятель не выдержал... «...В исходе часа увидели мы: от нашей с эскадрой сильной пальбы с неприятельских судов люди бросались в воду с великой торопливостью, иные съезжали на берег, и по ним еще более от нас пальба происходила...» – вспоминал очевидец этой баталии.

Рубя якорные канаты, турецкие суда спешили уйти под самый берег, чтобы там хоть как-то укрыться от смертоносного дождя ядер. Когда турки отошли, Коняев поднял сигнал прекратить сражение с турецкой флотилией и перенести огонь на береговые батареи. До самой темноты гремели русские пушки, и к ночи с берега уже не раздавалось ни одного выстрела.

А с рассветом снова принялись за неприятельские суда. Скоро вся турецкая флотилия пылала единым огромным костром. Это был уже погром!

По распоряжению Коняева вперед прочих вышла шебека «Забияка», самая верткая и маневренная из русских судов. Ей была поставлена задача особая – захватить оставшиеся целыми турецкие суда. Шебека прикрывала две шлюпки. На шлюпках – известные храбрецы констапель Сукин и лейтенант Макензи. Перед отплытием наставлял их самолично Коняев. Приказ был краток:

– Что можно вывести из огня – выводить, а что нельзя – сжигать карказами!

Сукин с Макензи действовали отчаянно. Под турецкими пулями они приставали к неприятельским судам и фрегатам, поджигали их и хладнокровно следовали дальше. Когда Макензи подпаливал уже третье судно, на нем вспыхнул камзол. Лейтенанта спасла находчивость: не потерявшись, он выпрыгнул за борт.

К четырем пополудни все было закончено. Дульци-ниотской флотилии – главной надежды султана на реванш в Эгейских водах – более не существовало. Сожжено и пущено на дно было семь фрегатов и восемь шебек. Бежать удалось лишь одному-единственному судну – новому 30-цущечному фрегату. Прячась за горящими судами, он вырвался из гибельной круговерти. Но повреждения, полученные им от русских пушек, оказались, увы, смертельны. Часы беглеца были сочтены: фрегат едва успел втянуться в Лепантский залив – и затонул.

Поздним вечером Коняев собрал сведения о собственных потерях.

– Один убитый и шестеро раненых! – доложили ему.

– Кто убит?

– Лейтенант Козмин!

– Прими, Господи, его душу! – перекрестился Коняев. – Погребать будем по морскому обычаю. Письмо его матушке я отпишу сам!

Так завершилось сражение, вошедшее в историю под названием Патрасского.

Угроза русским позициям в архипелаге с севера, из Патраса, была устранена. А едва граф Алексей Орлов получил это радостное известие, как последовало новое, не менее приятное: отряд греческого волонтера лейтенанта Алексиано отличился в южной части Эгейского моря у Дамиетты, где сжег еще одну флотилию турок, захватив притом изрядный трофей.

...Что еще известно о Михаиле Тимофеевиче Коняеве? Служить он начал в 1743 году, в самое тяжелое для русского флота время – время забвения и всеобщей неустроенности. Неоднократно водил он фрегаты и линейные корабли из Архангельска в Кронштадт, что поручалось морякам наиболее опытным. Известно, что за Патрасскую победу был он удостоен Георгиевского креста 3-го класса.

Как же сложилась его судьба в последующие годы? Об этом мы тоже знаем до обидного мало. Вплоть до самого окончания русско-турецкой войны Коняев находится в непрерывных крейсерствах у Дарданелл. На «Графе Орлове» возвращается на Балтику, командует линейным кораблем, а затем и Ревельской эскадрой. В 1779 году его производят в капитаны генерал-майорского ранга. Чин этот являлся в те годы как бы подслащенной пилюлей наиболее заслуженным капитанам, для которых не имелось контр-адмиральской должности.

В том же 1779 году Коняев тяжело заболел. Сказались, видимо, долгие годы, проведенные в непрерывных плаваниях. Из-за болезни его увольняют в отпуск на два года «с сохранением жалования и с дозволением отлучаться, куда он рассудит за благо, для восстановления своего здоровья». Но прошло два года, а Михаилу Тимофеевичу лучше не стало, и в конце 1782 года он окончательно уволился от службы «с полным жалованием по смерти».

ГРОМАМИ ОТРАЖАЯ ГРОМ

Он был очень толст. Так толст, что в зрелые адмиральские годы уже не мог взбираться по трапам на корабли. Для него вырубали в бортах специальные порты и через них втаскивали на палубу. Вспыльчивый и прямой характер толстяка был причиной многих скандалов с вельможами, а личная отвага вызывала восхищение всего российского флота. О нем, герое многих морских баталий, ходили легенды.

ГЕРОЙ ХИОССКОЙ БАТАЛИИ

Предки Круза были выходцами из Дании. Дед будущего русского адмирала Эген фон Крюйс служил полковником в датской армии, имел небольшие поместья в Скогорской и Остергорской провинциях. Брат его Корнелий записался на службу к Петру I, а через несколько лет Эгер отправил к нему своего сына Иоганна. К этому времени Корнелий стал уже адмиралом, отличился в ряде баталий и был высоко ценим Петром. Рядом с дядей продвигался по службе Иоганн (ставший теперь Иваном). Изменения претерпела и фамилия Крюйсов, постепенно превратившаяся в Крюз, а затем в Круз.

Шли годы. В 1725 году не стало Петра. Вскоре капитан бригадного ранга Иван Круз, не поладив со всесильным Меншиковым, был вынужден подать в отставку и уехал с молодой женой в Москву. Там в октябре 1727 года у него появился первенец, нареченный Александром. Над колыбелью младенца отец повесил написанную маслом картину Гангутской виктории.

Детские годы Саши Круза были наполнены встречами с интересными людьми. Бывал неоднократно в доме отставного бригадира его земляк Витус Беринг, заходил почаевничать сосед Василий Суворов, а с ним и сын, тоже Саша. Иван Круз денег на воспитание сына не жалел, нанимая ему лучших учителей и гувернеров. Оправдывая ожидания отца, мальчик рос не по годам смышленным и любознательным. К двенадцати годам младший Круз уже владел несколькими языками, серьезно увлекался геометрией, отлично чертил и рисовал. А еще через пару лет с отцовского благословения надел зеленый кафтан морского кадета.

Учился Саша Круз блестяще и по выпуску был одним из первых. Медлительный, но обстоятельный, он всегда любил разбираться во всем до тонкостей, иногда изводя учителей своей въедливостью и дотошностью. По

итогах первой морской кампании усердного гардемарина в числе нескольких наиболее способных молодых офицеров отрядили для получения практики дальних вояжей в английский флот. Без малого семь лет отплавал Круз под британским флагом, где только не побывал. Много полезного узнал, но и характером испортился: стал зол и беспощаден, чуть что – сразу матроса кулаком в зубы, и весь разговор! Тяжко служилось потом нижним чинам под его началом, потому и прозвище дали – Бешеный.

В Семилетнюю войну Круз, уже в лейтенантском чине, отличился при бомбардировке прусской крепости Кольберг, где получил сразу две тяжелые раны. Долго лечился, снова плавал, а несколько лет спустя уже в чине капитана 1 ранга принял под команду новейший 66-пушечный корабль «Святой Евстафий Плакида». В самое короткое время довел его Круз до высшей степени совершенства. Нигде не было такой чистоты и такой обученной команды.

В июне 1769 года на грот-стеннге «Евстафия» поднял свой флаг командующий Средиземноморской эскадрой адмирал Григорий Спиридов. Шла русско-турецкая война, и эскадра спешила в эгейские воды. Плавание было не из легких. Под адмиральским флагом Круз участвовал в осаде крепости Корон. А затем была многодневная погоня за турецким флотом через все Эгейское море.

Сражение при Хиосе было яростным. «Евстафий» дрался сразу с несколькими вражескими кораблями на предельно короткой дистанции. Стих ветер, и, влекомый течением, корабль Круза свалился на бордаж с флагманским турецким кораблем. Вскоре «Реал-Мустафа» был захвачен, но возникший на нем пожар потушить не сумели. Прогоревшая мачта рухнула прямо на кюйт-камеру «Евстафия», раздался взрыв...

Взрывом Круза отбросило в море. Вынырнув, он скинул с себя камзол, ботфорты и поплыл саженками к обломку мачты, за который уже держалось несколько человек. Существует легенда о спасении Круза, весьма, впрочем, правдоподобная. Когда к держащимся за мачту людям подошла шлюпка с одного из судов эскадры, в нее втащили всех, кроме Круза. Каперанг умолял взять и его, но матросы отталкивали Круза прочь. Узнав в обожженном офицере ненавистного всем нижним чинам капитана «Евстафия», матросы схватили весла, чтобы забить его до смерти. Тогда-то захлебывающийся каперанг и поклялся им, что, если ему сохранят жизнь, он больше никого пальцем не тронет. Крузу поверили и жизнь сохранили. К чести каперанга, он не только не предпринял впоследствии никаких попыток разыскать своих обидчиков, которых за покушение на жизнь офицера ожидала бы неминуемая смерть, но и сдержал слово. На протяжении всей дальнейшей службы он пальцем не тронул ни одного

матроса, запретив при этом заниматься рукоприкладством на своих кораблях и другим офицерам.

Через сутки после Хиосской баталии турецкий флот был решительно атакован и полностью уничтожен. По указу Екатерины II за проявленную храбрость в сражении Круз был награжден Георгиевским крестом 4-го класса.

КРУШЕНИЕ «РОДОСА»

Еще не стихли корабельные празднества в честь победы, а граф Алексей Орлов уже определил Круза к новой должности – капитанствовать на плененном корабле «Родос». Столь почетный трофей Орлов решил отправить морем в Россию, но не учел одного – корабль был серьезно поврежден, имел сильную течь. Спиридов с Крузом отговаривали графа.

– Не доплывет «Родос» до Кронштадта, рассыпется!

Но Орлов был упрям. Плыть – и все тут! Очень уж хотел императрицу удивить подарками.

Вряд ли можно считать счастливым корабль, который попал в плен к противнику. Для корабля, как во многих случаях, и для воина, гораздо более славной считается смерть в бою. Может быть именно поэтому судьба большинства захваченных в плен кораблей весьма печальна. За редким исключением они или вскоре погибают, или влачат во вражеском флоте жалкое существование, пока, не устав маяться с их бесконечными поломками трофейные корабли при первом же удобном случае списывают на слом. Не стали исключением из общего правила и корабли, захваченные нашими морями во время войн с Турцией и Швецией.

Название линкору решено было не менять, а так и оставить «Родосом». Команду укомплектовали офицерами и матросами с погибшего во время боя в Хиосском проливе «Евстафия». Среди офицеров «Родоса» были весьма известные в российской морской истории личности будущие адмиралы Макензи и Пущин, Георгиевский кавалер князь Гагарин, будущий герой обороны Фридрихсгама в русско-шведскую войну 1788 – 1790 годов Петр Слизов. Это и понятно, служить на захваченных в бою кораблях всегда считалось особо почетным! Но почет почетом, а запущен турками «Родос» был до последней крайности.

Еще до отплытия Круз докладывал адмиралу Спиридову:

– В бортах нашли массу дыр, мышами проеденных, а в трюмах столько грязи, что матрозы в обмороки падают, когда ее лопатами выгребают!

На что Спиридов лишь плечами пожимал:

– Все понимаю, но граф требует плыть к пределам росейским!

Круз был настроен пессимистически:

– Поплыть, то я поплыву, но доплыву ли на этакой колымаге, вот в чем вопрос неразрешимый!

Уже через несколько дне плавания с «Родосом» начались проблемы несусветные. Старые паруса изорвались в раз, пришлось менять на запасные грот и марсели, помпы откачивали воду из трюма беспрестанно, но все же едва удерживали уровень в 10 дюймов. Когда же корабль качнуло на хорошей волне, уровень воде в трюме сразу поднялся до 50 дюймов, то есть до отметки критической!

Круз вышагивал по шканцам злой, как собака:

– И возвращаться нельзя и плыть далее смерти подобно, лучше бы уж сразу взорваться, как на «Евстафии», и всем бедам сразу конец!

Из грот-люка вылез старший офицер капитан-лейтенант Иван Бахметьев:

– Вода не убывает, а в помпах вот-вот цепные передачи полетят к черту! Помповая кожа вся в лоскутья!

Круз хмыкнул и повернулся к вахтенному начальнику лейтенанту Мелихову:

– Курс на ост, будем спускаться к островам Цериги и Занте, авось до берега как-нибудь доковыляем!

Тут же кинули клич и собрали кожу со всего корабля, у кого сапоги, у кого куртки штормовые. Все тащили к помпам, чтобы те могли еще хоть немного протянуть.

На пятые сутки команда уже валилась с ног от бессилья – из 250 человек команды сотня уже не могла подняться от слабости. Сам Круз, не сомкнувший ни на минуту глаз, был так слаб, что его водили под руки. Находясь в столь критическом положении, командир велел собрать офицерский совет. Не могущих ходить лейтенанта Демьянова, мичмана Байкова и прапорщика Абатурова принесли туда на носилках. Оглядев прибывших офицеров, Круз сказал, тяжело ворочая языком:

– Положение наше отчаянное! А потому вижу единственный выход – идти к ближайшему берегу, пусть он даже будет турецким, а там будь, что будет!

Офицеры своего командира поддержали единогласно. Чтобы облегчить ход корабля, покидали в воду лишние тяжести: большую часть якорей, пушки верхнего дека и ядра. Команде для поднятия духа раздали серебряные рубли. Теперь полузатонувший «Родос» из последних сил ковылял к ближайшему греческому берегу. Наконец вдали показалась полоска земли.

– Полуостров Майна! – объявил штурман Слизов.

– Хорошо! – слабо кивнул головой Круз. – Ставим корабль на землю и будем спасать людей!

Из хроники плавания линейного корабля «Родос»: «31 октября был принужден от крепкого ветра, изорвания парусов и сильной течи, спуститься к острову Цериге; на другой день едва не затонул – вода в корабле доходила до 7 футов, и притом командир, офицеры и почти вся команда были обессилены болезнями; потому в ночь на 5 ноября спустились к ближайшему берегу в бухту Мезата полуострова Майна, и здесь почти затонувший корабль поставили на мель. Люди были свезены на берег, неприязненный нам в этом месте, и стояли на биваках, окруженные разбойными отрядами майнотов, без малейшего укрытия от непогод и чрезвычайно нуждаясь в пресной воде, которую покупали очень дорого».

Шлюпкой на остров Цериге был послан мичман Ефим Пущин, который встретился с местным правителем и попросил его оказать помощь потерпевшим бедствие русским морякам.

Правитель сразу же запричитал:

– Если я помогу вам, то вызову недовольство турок!

– А если вы не поможете нам, то вызовете мщение со стороны графа Орлова, а он, как известно, в долгу никогда не остается!

Имя Орлова было известно в Средиземноморье хорошо, а потому грек был вынужден согласиться:

– Найму шебек и лодок я не препятствую, но если на остров придут турки, то я вас от них защищать не буду!

– Обойдемся своими силами! – махнул рукой мичман Пущин и отправился нанимать местных лодочников и шкиперов.

Только 16 числа стали подходить нанятые суда, на которых команда «Родоса» и была перевезена на остров Цериге. Умерли от изнурения: лейтенант Демьянов, прапорщик Абатуров и 21 человек нижних чинов. Корабль, чтобы не достался неприятелю, 7 ноября был сожжен. Две 10-весельные шлюпки, медный колокол и ендова – вот все, что было спасено с этого трофея, так недолго и так плохо служившего России.

ХРАБР, НО СВОЕНРАВЕН...

Орлов гибели «Родоса» Крузу не простил и при первой возможности отправил его в Россию. Почти год каперанг был не у дел, а затем его послали капитаном на... фрегат. Героя Чесмы явно затирали. Но вскоре представился счастливый случай поправить пошатнувшуюся карьеру. Крузу поручили доставить из Любека в Санкт-Петербург невесту наслед-

ника Павла – принцессу Гессен-Дармштадтскую. Для такого опытного моряка, как Круз, дело это было несложное, зато шуму вокруг него было много. Принцесса путешествием осталась довольна, и Круз вскоре был назначен на линейный корабль «Андрей Первозванный».

Опять начались плавания. Через некоторое время Круз возглавил отряд фрегатов. В 1779 году он надел контр-адмиральский мундир, а еще через несколько лет – и вице-адмиральский. Хорошо складывалась и личная жизнь. Александр Иванович женился по любви, купил большой каменный дом в Кронштадте близ Петербургских ворот; пошли дети, а потом и внуки. Так бы, наверное, и остался Круз в памяти потомков героем Чесмы, если бы не новые испытания...

Летом 1788 года нападением шведского короля Густава III на Санкт-Петербург началась новая война. Вице-адмиралу Крузу была поручена защита Кронштадта. А так как все боеспособные корабли во главе с адмиралом Грейгом ушли на поиск неприятеля, ему остался лишь спиленный на дрова портовый хлам. В секретной инструкции, данной Адмиралтейств-коллегией, значилось: «По высочайшему Ея И. В. именному указу поручается вам главная команда над сооруженною эскадрой для защищения Котлина острова и самого Кронштадта противу покушений и нападения неприятельского. Вы к сему избраны как искусный, храбрый и неутомимый предводитель, доказавший сие опытами, каковых адмиралтейская коллегия ожидает и в сем новом представляющемся случае, конечно, не упустите оныя оказать».

Подлатав свои «самотопы», вице-адмирал смело вывел их на внешний рейд и находился там, пока не стал лед.

Кампания 1788 года не принесла шведам успеха, несмотря на всю внезапность их нападения. Эскадра русских кораблей под флагом командующего Балтийским флотом адмирала Самуила Грейга в кровопролитнейшем Гогландском сражении отбросила неприятеля от столицы, а затем, преследуя, загнала в шведские порты и блокировала там. С наступлением холодов боевые действия закончились, и русский флот вернулся в базы.

Осенью, простудившись на холодном морском ветру, заболел и внезапно умер адмирал Грейг. Встал вопрос о его преемнике. Офицеры и матросы просили назначить на этот пост Круза. Все с надеждой ждали решения императрицы.

Предоставим здесь слово историку: «Круз пользовался особой любовью и доверием флотской молодежи и нижних чинов. Храбрый, умный и искусный адмирал с отличным боевым прошлым, много плававший и заботившийся о подчиненных, с неуклонным чувством долга и достоинства. Популярность его была так велика, что Балтийский флот его хотел

видеть преемником Грейга. Но поспешная прямота, чувство личного достоинства, непозволение наступать себе на ногу привело к наличию многих именитых врагов, и Екатерина II, считая его неуживчивым и строптивым, не поставила его во главе флота...»

Командующим был назначен скромный и добропорядочный человек, но нерешительный флотоводец – адмирал Василий Чичагов. Круз же остался при прежней должности. Подслащивая пилюлю, вице-президент коллегии Иван Чернышев писал ему: «Будьте уверены в искреннем моем желании доставить вам случай, где бы вы могли оказать свое усердие, искусство и храбрость, ибо ничем другим оказать не могу моей любви и почтения».

Всю зиму Круз готовил к боевым действиям свою резервную эскадру, а в июне взял курс на Фридрихс-гамский залив, где гребная флотилия принца Нассау-Зигена блокировала шведский гребной флот. Екатерина II поставила француза во главе гребных судов по причине его личной храбрости и международной известности (это был воистину непревзойденный авантюрист).

Четвертого августа Круз на яхте «Ласточка» прибыл в Роченсальм. Вечером того же дня он провел рекогносцировку рейда, на котором предстояло драться со шведами. Узкие проходы среди каменистых островов, через которые должны были прорываться русские моряки, вызвали у адмирала самые мрачные мысли.

– Всякий прорыв здесь будет кровав и погибелен, – заявил он сопровождавшим его офицерам.

На состоявшемся вечером того же дня военном совете Круз принялся доказывать всю пагубность затеи прорыва на Роченсальмский рейд.

– Нельзя атаковать здесь парусными судами, а надлежит вести в сии проливы погибельные галеры да скамповеи! – настаивал он. – Иначе кровью матросской берега зальем!

Нассау-Зиген, разъяренный прямотой Круза, принялся обзывать заслуженного адмирала самыми обидными словами, которые успел выучить за свое недолгое пребывание в России. Багровый от негодования Круз сжимал кулаки, едва сдерживаясь.

– Хорошо, – выдал он, когда принц умолк. – Я исполню ваше повеление и займу свое место по диспозиции, но, исполнив долг, я буду просить ее императорское величество об избавлении меня от вашей милости.

Нассау-Зиген ничего не ответил, зато в тот же день отписал жалобу в Санкт-Петербург. Через два дня пришел ответ Екатерины Крузу: «Если до сих пор не вышли по плану Нассау-Зигена и назначенной позиции не

взяли, и в дело не вступили, то сдать команду... а самим через Фридрихсгам сухим путем возвратиться...»

– Боюсь быть оракулом, – сказал своим офицерам на прощанье вице-адмирал, – но думаю, много горя принесет нам сей Роченсальм и Нассау-Зиген...

Тринадцатого августа разгорелось ожесточенное сражение, вошедшее в историю как Роченсальмское Первое. Брошенный на произвол судьбы передовой отряд (которым должен был командовать Круз) в течение всего дня в одиночку атаковал весь шведский флот, неся огромные потери. Лишь к вечеру Нассау-Зиген ввел в бой главные силы. Шведы отступили, но цена победы была столь велика, что заставила задуматься многих... Принц же доносил самоуверенно в столицу императрице: «Надеюсь скоро прислать Вам известие о вторичной победе».

Год спустя принц еще раз попытает счастья в роченсальмских водах, атаковав шведов, как и в первый раз. Второй Роченсальм завершится полным разгромом русской гребной флотилии. Сильный шторм довершит поражение. Нассау-Зигена снимут с должности, а Россия недосчитается несколько тысяч своих сыновей... Так оправдаются все опасения Круза.

Но вернемся назад. После отстранения от должности опальный вице-адмирал был снова отправлен в Кронштадт, где занимался укреплением фортов и ремонтом поврежденных кораблей.

– Берегите своих людей, – внушал Круз капитанам. – Почем зря в пекло не бросайте! Поверьте мне, старику, что гибели их напрасной вы себе никогда не простите!

Гибель «Евстафия» с командой лежала тяжелым камнем на его душе.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Весной следующего, 1790 года вице-адмирал поднял свой флаг на флагманском корабле Кронштадтской эскадры. Он вновь был призван встать на защиту столицы от возможных посягательств со стороны шведов. Но никто еще не мог знать, что ему предстоит выдержать удар всей мощи главных сил неприятеля. А вскоре поступили и первые сведения от лазутчиков, что шведы и в эту кампанию предполагают нанести удар флотом по Санкт-Петербургу.

Обстановка осложнялась с каждым днем. Стало известно, что неприятельский флот под командованием брата короля герцога Карла Зюдерманландского уже покинул свои базы и движется по направлению к Финскому заливу. Екатерина II, нервничая, ежечасно спрашивала своего секретаря Храповицкого:

– Скажите мне, что сейчас делает Круз?

Близко знавший вице-адмирала Храповицкий отвечал твердо:

– Будьте уверены, ваше величество, он пересилит самого беса!

Неудовлетворенная ответом, императрица послала в Кронштадт Алексея Орлова (бывшего начальника Круза по Чесменскому походу) посмотреть, что и как. Прибыв на флагманский «Иоанн Креститель», Орлов спросил вице-адмирала с издевкой:

– Когда придут шведы в Кронштадт и Петербург?

Круз лишь указал рукой на свою эскадру:

– Только тогда, когда пройдут через щепу моих кораблей!

Вернувшись, Орлов доложил:

– Можешь спать спокойно, матушка. Круз, как всегда, строптив без меры и дерзок без удержу, однако настроен весьма воинственно и грозит-ся шведа от Кронштадта отбить...

Перед выходом в море вице-адмирал приехал попрощаться с семьей. Поцеловавшись с женой, велел ей при любом исходе сражения не покидать Кронштадт, дабы не вселять робость в души горожан.

Тем временем шведский флот нанес удар по Ревелю, где стояли на зимовке главные силы Балтийского флота под флагом адмирала Чичагова. Состоялось сражение, и Карл Зюдерманландский был отбит. Неудача не смутила герцога. Расчет его был верен: пока Чичагов опомнится от баталии и выйдет в море, у шведов будет несколько выигранных дней. Этого вполне хватит для того, чтобы растерзать малочисленную эскадру Круза, прикрывающую Санкт-Петербург, и, высадив десант на берег Невы, продиктовать Екатерине II свои условия. Шведский флот спешил к Кронштадту на всех парусах.

Двадцать третьего мая 1790 года противники обнаружили друг друга и сразу же решительно начали сближаться, перестраиваясь на ходу в батальные колонны. Авангардом русской эскадры командовал храбрый моряк и большой друг Круза вице-адмирал Яков Сухотин, арьергардом – контр-адмирал Повалишин, центр возглавлял сам Круз.

В три часа утра командующий поднял сигнал: «Атаковать неприятеля на ружейный выстрел». Ударили первые залпы — это вступили в бой корабли вице-адмирала Сухотина, и скоро сражение сделалось всеобщим. Вся мощь своего первого удара шведский герцог обратил против русского авангарда. Там было особенно жарко. Ожесточение боя нарастало с каждой минутой. От частого огня рвались орудия, калеча и убивая прислугу. В разгар боя пущенным в упор неприятельским ядром оторвало обе ноги Якову Сухотину. Вице-адмирал, однако, нести себя в корабельный

лазарет не разрешил, а, истекая кровью на шканцах, продолжал командовать авангардом.

Один час сменял другой. Шведы все усиливали натиск. Однако прогуливавшийся по палубе «Иоанна Крестителя» Круз внешне был спокоен: курил свою любимую глиняную трубку и шутил с подчиненными. На адмирале был простой камзол с красной анненской лентой через плечо. Столь заметная мишень привлекла внимание шведских стрелков, около адмирала то и дело свистели пули. Оставаясь совершенно безучастным к личной безопасности, Круз весьма внимательно следил за безопасностью своих кораблей, то и дело отдавая необходимые приказания.

Один лишь раз побледнел командующий – когда сообщили ему о ранении Сухотина. Тотчас передав командование сражением капитану флагманского корабля, он на шлюпке устремился к авангарду, чтобы проститься с боевым товарищем. Невзирая на сильный огонь, он достиг цели и успел в последний раз обнять Сухотина. Обнял, поцеловал – и обратно. Под неприятельскими ядрами он обошел всю эскадру. Стоя на шлюпке во весь рост, залитый кровью убитого рядом матроса, он подбадривал команды, отдавал распоряжения капитанам. К всеобщему удивлению Круз остался жив и снова возглавил сражение.

К вечеру огонь шведов стал ослабевать; их корабли, туша пожары, один за другим выходили из боя. Стихал ветер, и Карл Зюдерманландский занервничал: он боялся штиля. Герцог хорошо помнил, что Круз – известный мастер абордажа. Русская эскадра находилась в прежней позиции. Место боя осталось за ней!

Едва стихли последние залпы, Круз в шлюпке вновь обошел все корабли. Осмотрел повреждения и поздравил подчиненных с одержанной победой.

В тот же вечер Екатерина II получила донесение от Нассау-Зигена, находившегося с гребной флотилией у Выборга. Неизвестно по какой причине принц сообщал, что Круз наголову разбит и шведы вот-вот прорвутся к Санкт-Петербургу. Во дворце вспыхнула паника. Однако около полуночи пришло сообщение из Кронштадта, что Круз был атакован неприятельским флотом, но отстреливался с раннего утра до позднего вечера и остался на старом месте. Екатерина устало опустила в кресло:

– Теперь я спокойна! – заявила она придворным. С рассветом следующего дня сражение возобновилось. Теперь шведский командующий наносил удар по русскому центру. «...Утром принц Карл Зюдерманландский вновь спустился на эскадру Круза, но не подходил близко и, желая воспользоваться многочисленностью своих кораблей, делал различные маневры, однако все хитрости неприятеля были безуспешны, – писал

один из исследователей этой баталии. – И Круз везде противопоставлял ему искусный отпор». Пытаясь достать русские корабли на предельной дистанции, шведы палили ядрами в воду, чтобы те, рикошета, поражали противника, но это помогало мало. Наши всюду встречали шведов точным и яростным огнем. Ко всеобщему изумлению, в момент наивысшего напряжения на палубе флагмана русской эскадры грянула плясовая музыка! И снова егие выдержав огня, шведы отступили. На этот раз они продержались лишь полчаса. Уже в сумерках Карл Зюдерманландский предпринял еще одну отчаянную попытку пробить брешь в стене русских кораблей. Подняв боевые флаги, шведы устремились вперед. Герцог торопился. Где-то на подходе к Финскому заливу вот-вот должна была появиться эскадра Чичагова. Но ведь у Круза в три раза меньше сил, чем у него! Два дня он продержался, но третьего, решающего удара ему не выдержать! Карл Зюдерманландский шел ва-банк.

Вновь загремели выстрелы, запрыгали по палубам ядра. Шведы напирали со всею мощью, и кронштадтцы изнемогали в неравной схватке. Положение русской эскадры стало отчаянно критическим – неприятелю удалось прорезать строй ослабленной Кронштадтской эскадры. Карл Зюдерманландский уже торжествовал победу – его настойчивость вознаграждена! Однако герцог поторопился: он забыл, кто являлся его противником... По сигналу Круза вперед устремился бывший до того в резерве отряд фрегатов. Совершив лихой маневр, отряд атаковал неприятеля и заставил его отойти. Положение было восстановлено. Русская эскадра попрежнему преграждала неприятелю путь к Кронштадту.

Наступило некоторое затишье. Шведы совещались, как быть дальше. Не теряя времени и Круз. Еще утром, внимательно следя за ходом баталии, адмирал заметил, что противник начал делать холостые выстрелы, стараясь поддержать шум, сберегая в то же время свой порядком истраченный боезапас. Желая проверить догадку, Круз распорядился сделать поворот всей эскадрой на новый курс, чтобы сблизиться с неприятелем. Не приняв боя на кратчайшей дистанции, шведы стали поспешно отходить. Догадка командующего полностью подтвердилась!

Незадолго до полуночи по сигналу с флагмана малочисленная русская эскадра устремилась в погоню за противником. Опасность для столицы была снята: вдали уже белели передовые фрегаты эскадры Чичагова. Шведы, поставив все паруса, бежали к Выборгу. Круз преследовал их неотступно.

А Санкт-Петербург праздновал победу. Горожане стекли к окнам, выбитые от грома выстрелов. Длинной вереницей потянулись обратно беженцы. Имя Круза было у всех на устах!

Вскоре русский флот блокировал неприятеля у Выборга. Общее командование принял на себя адмирал Чичагов. Спустя месяц неприятель предпринял отчаянную попытку прорваться из окружения и, понеся большие потери, ушел в порты Швеции. Несмотря на новую победу, бегство остатков шведского флота вызвало у русских моряков известную досаду. Виновником происшедшего все справедливо считали Чичагова.

За победу в трехдневном сражении между Кронштадтом и Красной Горкой Круз был награжден одним из высших орденов империи – орденом Александра Невского, а по заключении мира со Швецией получил полный адмиральский чин, Георгиевский крест 2-го класса и шпагу с алмазами «За храбрость».

ЛЮБИМЕЦ ФЛОТА

Окончилась война, и теперь адмирал Круз ежегодно выводил в море эскадры для практических плаваний. В свободное от службы время он проживал в Ораниенбауме. Екатерина II разрешила занимать многочисленному семейству Крузов небольшой дворцовый дом поблизости от верхнего пруда и бывшей потешной крепости Петра III.

Отдыхая от флотских забот, адмирал распорядился под звуки оркестра ежедневно поднимать с восходом солнца в потешной крепости Андреевский флаг. А в полдень, обозначая обед, палить холостым зарядом из шестифунтовой пушки. Долго терпевшие столь беспокойное соседство помещики, не выдержав, в конце концов отписали жалобу императрице на шумного адмирала.

Екатерина отнеслась к посланию спокойно.

– Передайте Крузу, – велела она своему секретарю, – пусть палит, ведь он привык палить!

Длинными летними вечерами на даче старый адмирал в кругу своей семьи распивал чай и любовался искусственным водопадом. В один из таких вечеров перед дремавшим в кресле Крузом предстал художник в широкополой шляпе.

– Господин адмирал, – сказал он, низко кланяясь, – позвольте мне, скромному труженику кисти, живописать вас в память потомкам.

Круз долго отказывался, но в конце концов уступил дружному натиску домашних. Опытному художнику понадобилось всего лишь несколько сеансов, и, писанный сухими красками на холсте, Круз предстал во всем блеске своих многочисленных наград. За спиной героя кипела жаркая морская баталия...

Адмиралу портрет понравился. Однако, приглядевшись получше, он заметил в нижнем углу надпись: «Громами отражая гром, он спас Петров и град и дом», Круз поморщился:

– Ваша милость хорошо потрудились, живописав мою натуру, – бросил он недовольно художнику. – Примите деньги. Но немедля сотрите сие сочинительство, потому как не имеете права оценивать деяния мои!

Художник в ответ улыбнулся:

– Я являюсь, ваше превосходительство, академиком-гравером Скородумовым и послан к вам государыней императрицей. Она же соизволила собственноручно сочинить сии вирши, а портрет с ними вручить вам от нее в дар!

Старик Круз был растроган. Одарив живописца золотой табакеркой, он тут же велел вывесить свой портрет в обеденном зале, а стихи Екатерины внес в свой фамильный герб.

Жил адмирал довольно скромно, без особых излишеств. Дружбу водил лишь со старыми боевыми товарищами. Во дворец ездить не любил, считая это напрасной тратой времени. Но уж когда появлялся там, то привлекал всеобщее внимание своим видом, добродушной улыбкой и степенной походкой. Один из современников отмечал: «Александр Иванович был высокого роста, имел довольно открытый и пронизательный взор, живой и вспыльчивый характер. Строгий во всем, что относилось к службе, и столь же добрый в домашнем быту, Круз никогда не отказывал в помощи ближнему и, всегда защищая своих подчиненных, приобрел любовь их и уважение».

Умерла Екатерина II, и на престол вступил Павел I. Шестого ноября 1796 года в сопровождении младшего сына и двух адъютантов Круз отправился в столицу, чтобы принести официальные поздравления Павлу в связи с восшествием на престол. Но доехать до Зимнего дворца адмирал не мог: путь преградили натянутые поперек улицы веревки. Адмирал высунулся в окошко возка:

– Я адмирал Круз, спешу во дворец, пропустите немедля!

Его императорским величеством не велено пускать ко дворцу экипажи, когда там идет развод, – ответил полицейский. – Хотите, следуйте пешком!

Круз прислушался. Со стороны Зимнего гремели барабаны, пронзительно свистела флейта – новый император проводил один из своих первых разводов. Кряхтя, адмирал вылез из возка. Адъютанты подхватили его под руки и повели ко дворцу. Круз едва переступал большими ногами. В это время его увидел Павел и сразу поспешил навстречу.

– Мой друг, я иду к тебе, остановись! – закричал он Крузу, размахивая треуголкой.

Подойдя к адмиралу, император обнял и расцеловал его:

– Благодарю тебя, Александр Иванович, за твое ко мне усердие, – сказал он. – Желал бы пригласить тебя к себе, но ноги твои так слабы, что прошу тебя возвратиться...

И, еще раз обняв Круза, Павел пошел к разводу.

Столь необычная милость императора привела в изумление всю столицу. А вскоре последовала и новая милость – награждением орденом Андрея Первозванного. Однако чуть погодя император сменил милость на гнев и, получив на Круза донос, назначил по адмиралу расследование. Обиженный Круз подал в отставку. Узнавши об этом, Павел I извинился, и адмирал вернулся на службу.

Круз со своим упрямством стал в Петербурге фигурой нарицательной. Когда хотели кого-то упрекнуть в несговорчивости, говорили: – Ну, это просто Круз!

Своенравность старого адмирала, однако, весьма часто шла на пользу. Так, после долгих споров с императором Круз добился замены прусской формы одежды для морских офицеров на более удобную. Событие по тем временам невероятное! Надо ли говорить, как благодарны ему были на флоте, когда взамен тяжелых ботфортов ввели короткие облегченные сапоги, вместо треуголок – фуражки, а нелепые краги с распухами заменили на обычные перчатки!

Здоровье адмирала меж тем быстро ухудшалось. К ожирению добавилась тяжелая болезнь ног, часто болело сердце.

Весной 1799 года адмирал готовился, как всегда, возглавить плавание корабельной дивизии. Флагманский корабль «Ростислав» ждал своего командующего, но Круз уже не мог подняться с постели. Узнав о болезни адмирала, Павел I распорядился немедленно перевезти Круза из Кронштадта в Ораниенбаум на отдых и лечение. Первого мая 1799 года его доставили на катер.

– Поднимите меня, хочу в последний раз взглянуть на любимцев моих! – с тарик плакал.

Офицеры взяли в руки концы одеяла, на котором лежал адмирал, и подняли его. Вдалеке виднелись паруса кораблей Балтийского флота России. Они готовились выйти в море, готовились к новому походу, но впервые без Круза...

Пятого мая в десять часов пополудни сердце старого адмирала остановилось. Было ему тогда семьдесят два года.

Корабли приспустили флаги, офицеры в знак траура вплели в галстуки черные ленты. Проводить Круза в последний путь вышел весь флот. Многотысячная толпа заполнила Кронштадт.

На скромном надгробии его могилы, что находится на Кронштадтском морском кладбище, выбили согласно завещанию Круза лишь две строки:

*Громами отражая гром,
Он спас Петров и град, и дом...¹⁾*

¹⁾ *Со слов академика-гравера Скородумова – художника, написавшего последний портрет Круза, – эти стихи сочинила Императрица Екатерина II. Восхищённый монаршей милостью, Круз внёс данные строки в свой фамильный герб, а затем завещал нанести их и на надгробии.*

ПОКОРИТЕЛЬ БЕЙРУТА КАПИТАН КОЖУХОВ

В один из дождливых ноябрьских вечеров 1783 года императрица Екатерина II подписывала указы об увольнении от службы увечных и состарившихся штаб-офицеров. Остро отточенное перо легко летало по листам мелованной бумаги, размашисто чертая: «Быть посему. Екатерина». И вдруг застыло в воздухе...

Близоруко щуря глаза, императрица несколько раз перечитала имя просителя. В рапорте, писанном на ее имя, значилось: «Капитан генерал-майорского ранга и кавалер Михаила Кожухов сын Григория». Вздохнув, Екатерина написала поверх прошения: «Уволить с полным абшидом».

Когда в кабинет вошел секретарь Храповицкий, императрица, показав ему прошение Кожухова, сказала с нескрываемой грустью:

– Вот, Александр Иванович, и славные рыцари моей молодости начинают уходить на покой заслуженный. Сегодня наш флот, да и вся держава осталась еще без одного из своих героев, коим Отечество наше, да и я лично премногим обязана.

Храповицкий понимающе кивнул. Не согласиться с Екатериной было трудно.

ПРЕДЕРЗОСТНЫЙ МИЧМАН

Год и место рождения Михайлы Кожухова историкам неизвестны. В краткой биографии, помещенной в «Общем морском списке», значится лишь то, что в мае 1758 года он «был приписан в штурманские ученики за недоказательством дворянства». Этот факт немаловажен для понимания всего дальнейшего служебного пути Кожухова.

В Морской корпус в те годы брали только недорослей кровей дворянских. Остальным путь в касту морского офицерства был заказан настрого. Вершиной их служебной карьеры был чин корабельного штурмана, относившийся к рангу унтер-офицерскому. Перейти же в строевые офицеры штурман мог лишь за особые подвиги в военное время или же благодаря исключительным способностям...

Ратных заслуг перед Отечеством в ту пору у юного штурманского ученика еще не было, влиятельных родственников тоже. Так бы и остался

навеки Михайла Кожухов презренным «халдромом» (так насмешливо прозывались в ту пору офицерством корабельные штурманы), если бы не случай. На мальчика обратил внимание, присутствовавший на одном из экзаменов старый адмирал Талызин. Приглянулся смысленный юнец петровскому ветерану. Сжалился адмирал и помог перевести его в морские кадеты.

Надо ли говорить, как истово накинута на учебу новоиспеченный кадет. Согласно официальным документам уже в апреле 1759 года Кожухова производят в гардемарины и выпускают на флот. Менее чем за год прошел он весь курс наук!

Выпуск из корпуса совпал с большой войной, получившей название Семилетней. В схватке европейских держав участвовала и Россия, отстаивавшая свои интересы на западных рубежах. Главным ее противником была Пруссия. Четыре года провел в боях и походах гардемарин Кожухов. Особо отличился при штурме прусской крепости Кольберг. В году 1761-м стал мичманом.

Тяжелая война близилась к победному концу. Под развевающимися знаменами русские полки вступили в поверженный Берлин. Прусский король Фридрих уже готовился принять все пункты капитуляции, но тут внезапно умирает императрица Елизавета Петровна и на российский престол садится ее голштинский племянник Петр III. Первым же указом новоявленный монарх прекращает боевые действия: Петр III боготворил Фридриха II Прусского. В одно мгновение, казалось бы, подписанный победный мир обратился в мир постыдный. России так и не пришлось вкусить плодов своих побед, щедро оплаченных жизнями ее сыновей.

Корабли Балтийского флота вошли в гавани. Потянулись серые будни. Новый император флотских не баловал: денег не давал, в море не пускал. Вместо службы морской насаждал солдатскую.

Было так и в летнюю кампанию 1762 года, когда большая часть кораблей балтийских так и оставалась приколе. В море ушли лишь немногие счастливицы, сальные маялись на службах караульных. Не попал в тот год плавать и Михаила Кожухов. Кто знает, так и остался бы в его памяти тот год как пропавший, если бы не события большой политики, в которой он оказался вовлечен волею случая. В те дни, когда никому не известный мичман Кожухов обходил рундом кронштадские караулы да назначал им суточные паролы, в Санкт-Петербурге назревали события важности первостепенной. Позор прусского мира, преклонение нового императора перед вчерашними врагами возмущали в те дни каждого честного россиянина. Особенно же неистовствовала гвардия, полки Семеновский и Преображенский.

Не сразу, а постепенно сложился в столичных кругах заговор во главе с братьями Орловыми. Знаменем заговорщиков стала жена императора Екатерина. К июню 1762 года все было готово, а сигналом к выступлению стал отъезд Петра III на отдых в Петергоф. Ранним утром 28 июня заговорщики барабанным боем подняли гвардейские полки. И уже час спустя в Елизаветинском дворце лихорадочно совещались, что следует предпринимать далее. Братья Орловы настаивали на немедленном походе на Петергоф и пленении императора. Гвардейцев осаживал глава Иностранной коллегии Никита Панин. Прося внимания, стучал перстнем о стол.

– Наиважнейшим пунктом для дела нашего сейчас не Ранинбом будет, а крепость Кронштадтская! – убежденно настаивал он.

– Причем здесь крепость морская, когда голштинец в Ранинбومه сидит? – набросился на дипломата Григорий Орлов.

Панин, вздохнув, покачал головой:

– А притом, что как только господа Орловы на конях своих к Ранинбому поскачут, то император наш, на яхту сядючи, самым спокойным образом в крепость сию и убудет, а потом попробуй, выковырни его от- тель.

Сидевшая дотоле молча, Екатерина взволнованно заговорила:

– Боюсь, что крепость сия уже извещена супругом моим о наших намерениях и сторону его взяла!

Речь императрицы бесцеремонно оборвал Григорий Орлов:

– Бояться нам нечего, вся сила у нас! А про Кронштадт пусть скажет человек морской. Вон он в углу затаился да помалкивает!

Все оглянулись. В дальнем углу залы, сгорбившись, сидел старенький адмирал Иван Лукьянович Талызин, неважный флотоводец и хороший администратор.

– Давай, давай, Иван Лукьянович, нам и минута дорога! – заторопили его Орловы.

Талызин, кряхтя, встал. Сам маленький, горбатенький, лицо – что печеное яблоко. Откашлялся и прошамкал:

– Известное дело, что Кронштадт императором обо всех наших злонамерениях извещен. Но при всем том

Петра моряки наши кронштадтские не любят, а голштинцев его и вовсе презирают!

– Однако сие не мешает командиру кронштадтскому Льюису быть у императора в фаворе великом, а комендант тамошний Нумере и вовсе из голштинцев! – вставил ядовито Панин.

– С Иваном Ивановичем сговориться завсегда можно, – махнул скрюченной рукой Талызин. – А Нумере ваш моряк никакой, морем не пытан! За ним никто не пойдет!

– А тебе Иван Лукьянович, поверят ли кронштадтцы? – с нескрываемым волнением спросила Екатерина.

– Мне-то поверят! – важно насупился адмирал. – Я в заседаниях коллегии столько штанов протер, сколько ваш Нумере и годов не прожил! Меня еще сам государь Петр Алексеевич за нерадивость в науках навигацких за уши драл! Ежели не мне, то кому же на флоте еще верит.

– Тогда тебе, Иван Лукьянович, и карты в руки! – обрадовалась Екатерина и, подойдя к столу, быстро начертала на листе бумаги: «Господин адмирал Талызин от нас уполномочен в Кронштадт, и что он прикажет, то и исполнить. Июня 28 дня 1762 года. Екатерина».

Лист она передала Талыzinу.

– Езжай, – сказала, – Иван Лукьянович, в крепость Кронштадтскую да сделай все возможное, что бы сия фортеция к супругу моему не переметнулась и прибежища ему не дала! А я уж заслуг не забуду! Господь с тобой!

До Кронштадта Талызин добирался катером. Ветер был попутный, шли ходко. Адьютант адмиральский лейтенант Елагин дорогой заряжал пистолеты.

– Ты зачем это пульки в стволы кладешь? – с опаской косился на своего не в меру решительного помощника-адъютанта Талызин.

– А как голштинцы нас на пристани хватать станут, то я их, точно воробьев, и пощелкаю! – невозмутимо отвечал тот.

– Типун тебе на язык, дурень! – озлился адмирал. – Как пальнешь, так на рее и вздернут, а заодно и меня с тобою рядышком. Тебе-то что! А каково мне-то будет, старцу почтенному, пред всем честным народом ногами дрыгать? А?

– Зря беспокойство ваше, господин адмирал! – отвечал Елагин, пистолеты за пояс засовывая. – Ежели план наш сорвется, то все одно рядышком висеть будем!

– Одно слово – дурень! – плюнул в сердцах Талызин.

Так и плыли.

Тем временем в Петергофе происходили события не менее драматичные. Узнав о заговоре своей супруги, Петр III стал лихорадочно искать выхода.

– Будь у меня войско, я б немедленно повел его на Петербург! – говорил он приближенным. – Но войска нет. Посему следует, пока не позд-

но, бежать в Берлин к Фридриху и во главе его гренадер вернуться обратно...

К растерянному императору подошел стоявший дотоле в сторонке мрачный фельдмаршал Миних. Старый полководец взял Петра под локоть.

– Не о том думаете, ваше величество! Сейчас не бежать, а самому нападать надобно!

– С чем же я нападать буду, когда у меня и сотни верных солдат не наберется? – оттолкнул его в гневе император.

В ответ Миних вымолвил лишь одно слово:

– Кронштадт!

Тотчас, не теряя времени, в морскую крепость были отправлены наиболее надежные люди: генерал Девьер и князь Иван Борятинский.

Ровно в 10 часов утра в крепости Кронштадской смена караула. Утром 28 июня на гарнизонный вахт заступил мичман Михайла Кожухов. Расставив по бастионам часовых и объявив им суточный пароль, доложил он дежур-майору Коняеву и начал править службу. Незадолго до полуденной пушки доложили Кожухову о подходе к крепости императорской яхты. Встретив прибывших согласно караульному артикулу с обнаженной шпагой, сопроводил Кожухов посланцев императора к крепостному коменданту Нумерсу. Доложился – и обратно на свой пост.

Прибывшие в Кронштадт Девьер и Борятинский с Нумерсом сговорились быстро. Наобещали столько, что толстый Нумер только ошалело крутил головой от неожиданных перспектив. Ну, а как сговорились – сразу все к квартировавшему в Кронштадте адмиралу Льюису и побежали.

Старый, еще петровской закваски адмирал состоял в те годы первым членом морской комиссии по флотскому переустройству, одновременно командуя сразу двумя корабельными дивизиями. Седому старцу благоволил сам император: не далее, как месяц назад самолично повесил ему на грудь Александровскую ленту. Внимательно выслушав посланцев Петра III, Льюис заверил генералов, что проникновения людей мятежной императрицы в Кронштадт он не допустит.

– Как какой разбойник объявится, так я его сразу на мачте и повешу, чтобы другим не повадно было в Кронштадте смуту сеять! – сказал Льюис грозно, а для убедительности еще и кулаком по доскам столовым грохнул.

Посланцев адмиральский кулак впечатлил.

После разговора Девьер остался для присмотра в крепости, а князь Борятинский поспешил в обратный путь с доброй вестью. На выходе из гавани яхта разминулась с катером под адмиральским флагом. То спешил

в Кронштадт Иван Лукьянович Талызин. На причальной стенке прибывших поджидал мичман Кожухов, уже получивший строгий приказ о недопущении посторонних в крепость.

– Отчаливай! Не велено приставать! – кричал он, потрясая шпагой.

Из кормовой каютки высунулся Талызин.

– Это я, твой адмирал! Ты не узнаешь меня, сынок?

– Узнаю, ваше превосходительство, – смутился мичман. – Да не велено никого пускать!

– Кем не велено?

– Комендантом здешним Нумерсом!

– Это почему ж? – помрачнев, поинтересовался адмирал.

– Сам не ведаю! Говорят, что в Петербурге гвардия мятеж учиняет, а император к нам прятаться вскорости приедет!

– А любишь ли ты императора нашего голштинского, сынок? – повысил голос Талызин.

– Любви к особе его не питаю, а верность храню лишь присяге, Отечеству данной!

– А желаешь ли ты, чтобы Отечество наше стало хлебом голштинским да прусским? Хочешь ли ты, мичман, новых биронов для державы своей?

– Нет!

– Так впусти ж меня в Кронштадт, сынок!

Отступив в сторону, Кожухов крикнул на катер:

– Кронштадт открыт перед вами, ваше превосходительство!

Едва вступив на причальные доски, велел Талызин Кожухову собрать всех караульных. Под барабанный бой сбежались матросы и во главе с адмиралом да мичманом двинулись к комендантскому дому. По пути адъютант Елагин присоединил к отряду команду дежур-майора Коняева. Девьер и Нумерс были застигнуты врасплох. У них тут же отобрали оружие, после чего Кожухов отвел их в гаупвахт. Ключ от замка амбарного повесил себе на шею.

– Так надежней будет! – пояснил Талызину.

Затем двинулись к дому Льюиса. К своему старому

сослуживцу Талызин вошел один. Адмиралы препирались долго.

Льюис поначалу противился. Но когда в комнату вошел адъютант Елагин и принялся, как бы, между прочим, взводить курки своих пистолетов,

Льюис сдался.

– Делайте что хотите, меня сие не касается! Кто осилит, тому верой и правдой служить стану!

Поднялся с кресла, ругнулся матерно и, хлопнув дверью, ушел к себе в спальню.

Теперь вся кронштадтская власть окончательно перешла в руки Талызина. Чтобы избежать ненужных волнений среди гарнизона, велел адмирал до поры никого более в заговор не посвящать, доверив дела лишь Коныеву с Кожуховым.

Тем временем в Петергофе царило радостное оживление. Свита императора спешно покидала дворец. В придворную яхту с Петром сели фаворитка Елизавета Воронцова да прислуга, в стоявшую рядом галеру – прусский посол да придворные. Все были веселы. Впереди их ждал верный и неприступный для врагов Кронштадт. Даже известие о том, что гвардейская кавалерия уже подходит к Петергофу, особого огорчения не вызвало.

– Представляю физиономию моей дражайшей супруги, когда ей сообщат, что Ранинбом пуст, а я уже в Кронштадте! – весело смеялся Петр – Вперед! Мы еще посмотрим, кто кого осилит! Великий Фридрих будет гордиться своим достойным учеником!

Взвились паруса, ударили о волну весла, и суда легко понеслись к синевшим вдалеке кронштадским фортам.

...На входе в Кронштадт императорская яхта внезапно уперлась в перегородивший вход бон (это тоже успел сделать расторопный мичман Кожухов). На причале было до странности пустынно: никто не спешил встречать прибывающего императора. Петр III заволновался. Пересев в шлюпку, и обогнув бон, он направился к причальной стенке. А там уже стоял морской офицер. Широко расставив ноги в ботфортах, он крепко сжимал шпагу.

– Отдать бон! – крикнул Петр с гневом в голосе. – Немедленно впустите меня в крепость!

– Не велено! – отозвался офицер. – Ретируйтесь в море, покуда целы!

– Ах ты негодяй! – закричал было император, но его одернул сидевший рядом фельдмаршал Миних:

– Ваше величество, сей мичман исполняет ваш же приказ о недопущении посторонних лиц в крепость.

– Это другое дело! – обрадовался Петр. – За верность я награждаю щедро!

Он встал во весь рост и, сорвав с головы треуголку, чтобы лучше было видно лицо, закричал своим тонким голосом:

– Всмотрись, пред тобой твой император!

Однако вопреки всем ожиданиям упоминание титула на моряка никакого действия не возымело. Да лее же произошло совсем невероятное. В ответ на императорские слова мичман Кожухов (а это был он) лишь отрицательно покачал головой:

– Нет у нас боле императора, а есть императрица Екатерина Алексеевна! Поворачивай, пока цел!

– Мичман, – вскричал, срываясь на фальцет, Петр, чуть не плача. – Впусти в Кронштадт – и ты адмирал!

– Лучше быть мичманом флота российского, нежели адмиралом голштинского! – ответил Кожухов. – К бою!

Подбегавшие матросы вскинули свои длинноствольные фузеи. Их решительные, обветренные лица не сулили ничего доброго.

Петр кинулся в отчаянии к Миниху:

– Фельдмаршал! Не попытаться ли нам атаковать наглецов? А этого предерзостного мичмана велите повесить, как только закончится мятеж!

Многоопытный Миних лишь скривил свою бульдожью физиономию:

Через минуту они постреляют нас, как воробьев. Сей морской офицер весьма решителен. Это вам не Пруссия, ваше величество, это Россия!

– Но что же тогда делать? – закричал свергнутый император.

Возвращаться обратно да надеяться на милость вашей супруги! – зло отозвался фельдмаршал и отодвинулся от безутешного Петра.

С причальной стенки было хорошо видно, как со шлюпки высадили низложенного императора на яхту и та, ловя в паруса ветер, понеслась назад к Петергофу.

На пристань вбежали запыхавшиеся дежур-майор Коняев да адъютант Елагин.

Адмиралом велено, коли голштинцы надумают высадку делать, отбивать их огнем! – закричали они еще издали.

– Сие уже без надобности, – устало ответил Кожухов. – Их величество следует в свой обратный путь к Петергофу.

Вернувшись в занятый гвардейцами петергофский дворец, Петр III даже не пытался сопротивляться, и был тут же взят под арест. Переворот совершился. Единоличной императрицей стала Екатерина II. Дальнейшая судьба Петра III нам тоже известно. Еще не стихла радостная эйфория первых победных дней, а новая императрица уже потребовала к себе списки всех отличившихся при перевороте лиц.

В своем рапорте Талызин особо отметил подвиг Михайлы Кожухова. Адмирал писал: «...Мичман Михайла Кожухов поставлен был на ба-

стионе на карауле, к которому месту бывший император приезжал, и он его по многому прошению в гавань не пустил...» В конце рапорта Талызин спрашивал для отважного мичмана двойной чин и годовое жалование.

– Этот ваш Кожухов – истинный храбрец! – сказала Екатерина, прочитав талызинское прошение. – Не всякий решился бы самодержца обругать да прочь выгнать. Не мог же сей мичман знать, как вся революция наша закончится! Посему подвиг его многого для меня стоит!

Императрица взяла в руки перо и, обмакнув его в чернила, поверх адмиральных каракулей написала: «Два чина и два года жалования».

Так неожиданно-негаданно получил Михаила Кожухов звание корабельного секретаря и сделался в один день известным человеком на русском флоте. Здраваться с ним за руку почитали за честь даже адмиралы.

Смена верховной власти – всегда время больших перемен. Приход Екатерины II ознаменовался повышенным вниманием к усилению российского флота, в котором новая императрица не без основания видела важный инструмент своей внешней политики. Осенью того же 1762 года, принимая срочные меры к возрождению боевой мощи Балтийского флота, Адмиралтейств-коллегия решила отправить в Англию группу молодых и способных офицеров для получения практики дальних плаваний.

– Скоро флоту нашему выходить за теснины зундские! – басил, взявши слово, на заседании коллегии гидрограф Нагаев. – А молодежь наша далее Гогланда водицы и не видывала! Большому плаванию и учиться на воде большой надобно!

– Сие верно, – качал буглями растрепанного парика адмирал Семен Мордвинов. – Не можем мы завтра плыть в окуяны, не имея для того капитанов искусных и в вождении по тем окуянам многоопытных!

В числе первых четырнадцати волонтеров, отправленных на учебу в Англию, был и корабельный секретарь Кожухов. На дорогу каждому выдали по сто рублей, а на жизнь и стол положили еще по полтысячи серебром ежегодно, «дабы... по чести офицерской содержать себя могли не подло, но токмо в роскошь не вступать...» Уже перед самым отъездом Михайлу Кожухова переименовали из корабельных секретарей в унтерлейтенанты, чтобы во флоте английском его за канцеляриста заурядного не приняли.

ПО МОРЯМ И ОКЕАНАМ

В последних числах ноября торговый бриг «Семез» взял курс к берегам туманного Альбиона. Лондон и впрямь встретил русских моряков

туманом и дождем. При посредничестве посла распределили волонтеров по судам, назначенным в дальние вояжи. Кожухов попал на бриг, идущий к берегам американским...

Четыре с лишним года не сходили волонтеры с палуб британских судов. Многому научились, многое повидали! А воздух Европы уже был пронизан ветром новой большой войны. Шел год 1767-й. Русских офицеров спешно отзывали домой.

Вернувшись в Кронштадт и успешно выдержав экзамен, был произведен Михайла Кожухов в капитан-лейтенанты. Должность ему была определена на линейном корабле «Святой Евстафий Плакида». Капитанствовал на «Евстафий» в ту пору грозный капитан Круз. Службу правил жестоко, но корабль содержал отменно, да и делу морскому учил на совесть. Едва принял дела Михайла, как огласили манифест о начале войны с турками. Сразу же начались приготовления к боевым действиям.

«Евстафий» готовился вступить под паруса в составе Первой Средиземноморской эскадры, отправляемой к далеким греческим берегам. По этой причине старший офицер корабля трудился, не жалея сил: заготавливал продукты и принимал артиллерийские припасы, обучал новобранцев-рекрутов и руководил обшивкой корабельного кузова. Дел хватало: ведь командующий эскадрой адмирал Спиридов объявил, что намерен держать свой флаг именно на «Евстафий». Вымотанного и осунувшегося в заботах Кожухова поддерживало одно – предстоящее участие в небывалом для российского флота морском походе. Однако судьба изменчива. Когда до выхода в море оставались считанные дни, последовал ордер Адмиралтейств-коллегии о срочном откомандировании Кожухова в Донскую экспедицию. Кинулся, было, Михайла в столицу вымолить отмену ордеру, но было уже поздно.

Начальник экспедиции контр-адмирал Алексей Сенявин даже обиделся на кожуховское нежелание в его деле участвовать:

– Тоже не на пряники едем! Будем в голом степу флот Азовский воссоздавать, а потому мне офицеры многоопытные до зарезу нужны! Так что плавать тебе, Михайла, вскорости по Понту Эвксинскому!

Линейный корабль «Евстафий», отсалютовав пушками верхнего дека, снялся с Красногорского рейда и взял курс к берегам далекой Греции. А его старший офицер спешил, тем временем, в не менее далекий Тавров, чтобы заложить там суда нового флота России.

Донские степи – место и в самом деле дикое. Свистит над густыми травами пронизывающий ветер, да рыщут в поисках поживы шайки крымских татар. Не раз и не два пришлось Михайле слышать не только звон своего клинка, но и свист волосяного аркана за спиной. Всякое было!

Месяцами напролет мотался по верфям и городкам капитан-лейтенант Кожухов, выбивая лес у разбойных подрядчиков, хватая за грудки вороватых чиновников. Все создавалось на пустом месте. А когда поддавались унынию офицеры азовские, к ним приходил сам командующий и делился своими планами. А планы у Сенявина были грандиозные.

Радость Чесменской победы была для Кожухова нераздельна с болью о погибших на «Евстафии» друзьях. В разгар сражения корабль схватился на абордаж с флагманским кораблем турок. Вскоре в отчаянной рукопашной схватке неприятельский корабль был захвачен. Но случилось непредвиденное: горящая мачта с турецкого корабля упала на палубу «Евстафия», искры попали в раскрытую кюйт-камеру. Раздался страшный взрыв – и линейный корабль «Святой Евстафий Плакида» исчез навеки в морской пучине. Из команды спаслись единицы.

Гибель «Евстафия» Михаила переживал тяжело. Помянув по православному обычаю погибших, долго сидел молча. Затем вышел на палубу. «Видно, так угодно судьбе, что, оставив меня в живых, ждет Господь от меня иных деяний во славу свою!» – думал он, глядя на покрытые пенными шапками волны...

У БЕРЕГОВ СИРИЙСКИХ

Военная страда была в самом разгаре. И во всех операциях активно участвовал линейный корабль, на котором служил Кожухов, – «Всеволод». Первым серьезным испытанием для старшего офицера линейного корабля стал штурм турецкой цитадели Метелино. Высаженный десант внезапным ударом взял неприятельскую крепость, сжег два строящихся линейных корабля, захватил целую флотилию торговых судов. Среди отличившихся при штурме был и Михаил Кожухов, выказавший изрядную храбрость и хладнокровие под вражеским огнем. Вскоре по представлению адмирала Спиридова он получает под свое начало пушечный фрегат «Надежда».

В жизни каждого человека есть самая любимая женщина, в жизни каждого моряка есть самый любимый корабль, с которым его связывает не только служба, а нечто гораздо большее. Таким кораблем и стала для Кожухова «Надежда». Знакомясь с командой, капитан-лейтенант сказал просто:

– Верю, что надежда всегда останется с нами, как и мы будем верны нашей «Надежде»!

Осенью 1772 года Алексей Орлов и адмирал Спиридов решили нанести повторный удар по Чесме, где турки скрыто скопили много вся-

ческих грузов и припасов, стремясь снова превратить этот порт в важный узел своих морских перевозок. Командиром отряженных для нападения сил был определен контр-адмирал Самуил Грейг. Флаг свой командир отряда пожелал держать на «Надежде».

Историк русского флота А. Соколов так описывает второе Чесменское сражение: «Отряд... сделал нападение на крепость Чесму, сжег предместье, магазины, истребил действием морской артиллерии несколько мелких судов...» Сам адмирал Грейг оставил потомкам следующее описание баталии: «...Суда, несмотря на сильный неприятельский огонь, легли на якорь не боле как в 150 сажень от крепости и, открыв свои батареи, стреляли с такой скоростью и точностью, что тотчас принудили крепость молчать, и, сбив с оной пушки, переломали станки, разбили стену, бастионы и множество домов».

Касаясь действия капитанов судов, командир отряда в своем рапорте отмечал следующее: «При сем случае имею честь рекомендовать отличившихся разных команд командующих... штаб- и обер-офицеров: флота капитана Василия Роксбурга, капитан-лейтенантов Кожухова, Извекова как исправных и храбрых офицеров».

За «неустранимое мужество» при чесменских берегах получил Михайла Кожухов Георгиевский крест 4-го класса. О баталии и награде он говорил друзьям так:

– Совесть теперь моя перед погибшими сотоварищами с «Евстафия» чиста, ибо сражался я в тех же местах против врага единого. Орден же мой есть на града всем евстафийцам, живым и мертвым, мне же дадена лишь на вечное хранение!

Боевые действия между тем продолжались. Стремясь полностью заблокировать турецкую столицу, Орлов со Спиридовым образовали несколько эскадр, состоявших из легких быстроходных судов. Одну из таких эскадр в семь вымпелов возглавил Кожухов. Теперь он сторожил дарданелльские теснины, преследовал турецкие торговые суда. Захваченных «купцов» отводили в порт Аузу, где адмирал Спиридов базировал главные силы русского флота.

На исходе мая 1773 года летучая эскадра Кожухова привела в Аузу очередное неприятельское судно. Командир эскадры уже готовился выйти в море, когда его вызвали к адмиралу.

Спиридов был весьма озабочен.

– Вот что, Михайла, – сказал он отчески. – Поручаю тебе дело многотрудное – плыть к берегам сирийским, дабы оказать вспоможение народу тамошнему в войне с турками.

– Когда поднимать паруса? – только и спросил Кожухов.

– Немедля! – был ему ответ.

Адмирал Спиридов торопил своего капитана не зря, дорог был каждый час. Совсем недавно в Сирии поднялось мощное восстание против турецкого владычества. Возглавил его бывший турецкий наместник Али-беи. Против мятежного бея выступил его собственный зять Мехмет. Некоторое время борьба шла с переменным успехом, пока в одном из сражений Али-беи не был убит. После его смерти войну с Мехметом возглавил один из ближайших сподвижников погибшего Шехдаер Омер. Нового вождя активно поддерживали горские племена – друзья. И скоро воинское счастье стало клониться на сторону повстанцев, однако случилось непредвиденное: губернатор крупнейшей крепости Сирии – Бейрута – Чезар-бей поднял мятеж и перешел на сторону турецкого султана. Обстановка сразу осложнилась. В Стамбуле готовили карательный корпус, который должен был переправиться в захваченный Бейрут. Крепость необходимо было немедленно отбить, но сил у Шехдаер Омера для этого не было. Тогда-то он и обратился с просьбой о помощи к адмиралу Спиридову.

Попутный ветер, господствующий в этих водах в летние месяцы, быстро гнал русские суда к берегам Сирии. Дорогой Кожухов как старший по званию присоединил к себе отряд лейтенанта Ивана Войновича, крейсировавший в этом районе Средиземноморья.

Вскоре прицелы судовых пель-компасов уже прокладывали курс на мыс Рас-Бейрут. Эскадра Михайла Кожухова достигла цели. Столпившись у фальшборта, русские моряки разглядывали незнакомые берега. Вид сирийской земли был величествен и прекрасен. Побережье утопало в рощах вечнозеленых дубов и елей. Вдалеке, слепя глаза меловыми отрогами, вздымались Ливанские горы. Сама бейрутская крепость возвышалась на откосе крутого холма.

– Сия фортеция – орешек не из легких! – поделился своими мыслями Кожухов, оглядев Бейрут в трубу зрительную. – Здесь на арапа не возьмешь! Придется по всем правилам науки фортификационной обкладывать!

Не теряя времени, Кожухов съехал шлюпкой на берег на встречу с главой повстанцев Шехдаер Омером. Обсудивши совместный план действий, они подписали союзный договор. В договоре том значилось: «Обретясь в сих сирийских морях, императорская-российская эскадра под командой высокоблагородного господина Михаила Козукова (так в документе – В. Ш.), корабельного капитана, находящегося на службе Ея И. В. императрицы всероссийской, приглашен был... господином Даер-Омером... в помощь князьям и начальникам нации, называемой друзья, как

вознамерились учинить осаду городу Бейруту... с помощью славных войск Ея И. В.».

– Будет ли высокочтимый Кошухоф-бей жечь и грабить город? – деловито осведомился через переводчика Шехдаер Омер, после того как бумага была скреплена печатями и отпечатками пальцев подписавшихся.

– Нет! – отрицательно покачал головой Кожухов.

Сирийский вождь недоверчиво пожал плечами:

– Мы согласны выплатить вам, милосердный капитан, триста тысяч пиастров за ваше великодушие в отношении нашего города!

– Деньги пойдут не мне, а в казну! – прервал капитан цветистую речь своего союзника. – Сейчас же я хотел бы обсудить план осады и штурма крепости!

...Стороны договорились довольно быстро, и Михаил Кожухов приступил к осадным работам. Замысел его был прост. Фрегаты эскадры, как наиболее сильные артиллерийские суда, должны были начать атаку с моря и отвлечь на себя огонь крепостных орудий. Пользуясь этим, остальные суда должны были высадить у стен крепости десант. Затем следовало быстро воздвигнуть осадные батареи и вместе с подошедшими друзьями замкнуть кольцо вокруг Бейрута.

– Потом же будем бить ядрами бреши в стенах, а чрез те бреши и на штурм двинем! – разъяснял он свой замысел капитанам судов.

Капитан Кожухов хорошо представлял себе всю трудность предстоящего сражения, тем паче что силы, которыми он располагал, были более чем скромными.

...Один за другим подходили суда вплотную к крепости и, ложась на шпринг, открывали беглый огонь. За «Святым Николаем» – «Святой Павел», за «Павлом» «Слава» и «Накса», следом «Забияка», а впереди всех флагманская «Надежда». Ударили залпы. Сражение за Бейрут началось!

Воспользовавшись завязавшейся перестрелкой, другая часть русских судов успешно сбросила десант невдалеке от крепостных стен. Следом сгрузили пушки и припасы. А вскоре заговорили и осадные батареи. Спустилось с гор пестрое и шумное трехтысячное дружеское воинство.

Артиллерийский бой продолжался, не смолкая, более трех суток. И лишь когда на фрегатах подошел к концу боезапас, Кожухов отдал ордер на выход эскадры из боя. А береговые батареи продолжали свою дуэль. Через десять суток русские ядра пробивали, наконец, брешь в толстых бейрутских стенах. Кожухов немедленно съехал на берег, чтобы обсудить с союзниками детали предстоящего штурма. Но то, что он увидел, поразило

его: многочисленные и крикливые ватаги друзей самовольно расходились по домам.

– Почему ваши воины расходятся по домам? – набросился Кожухов на невозмутимых дружеских князей.

– О, досточтимый капитан мореходов! Просвещенные аккалы сказали, что пришла пора возвратиться к родным очагам, и мы не в силах остановить людей.

– Что же теперь будет? – сокрушался Кожухов. – Ведь нынче всякое промедление смерти подобно!

– Видимо, так угодно судьбе, что пыл наших воинов иссяк как вода в песке! – отвечали дружеские князья.

– Мои матросы пойдут впереди! Я сам возглавлю атаку! – уговаривал их Кожухов.

– Нам стыдно, но что мы можем! – качал головой старший из князей. «Князь в том извинялся...» – гласит исторический документ.

– Хорошо! – махнул рукой капитан. – В таком случае мы продолжим осаду сами!

Была середина июня, стояла жара. Последние отряды друзей уходили по горным тропам...

– Эх! Нам бы батальон пехоты российской, мы б до захода солнышка реляцию победную писали! – вы сказывал в горести Ивану Войновичу Кожухов.

– А сил-то у нас кот всплакнул, – соглашался тот. – Что делать, ума не приложу!

Выход все же Кожухов нашел: он перерезал городской водопровод. В Бейруте, где вода всегда была в большой цене, сразу же начался ропот. Продержавшись еще пару суток, Чезар-бей прислал парламентаров. Те передали, что бей готов сдать город, но, боясь бесчинств со стороны греков и славонов, требует убрать десант на суда.

Морские офицеры собрались на совет.

– Бею бейрутскому веры у нас ни на грош! – посоветовавшись, решили они. – Но выхода иного у нас нету!

В течение следующего дня все семь десантных сотен взошли на палубу своих судов. Вскоре по покинутому лагерю одиноко бродили лишь бородатые козлы да курдючные овцы.

Тогда же явилась к Кожухову и дружеская депутация.

– Князья наши передают вашей милости, что им удалось собрать воинов. Не позднее завтрашнего рассвета они спустятся с гор! – заявили депутаты.

– Что ж, – вздохнул с облегчением капитан 2 ранга. А тут и от бейрутского известие подоспело.

Писал он на бумаге хрусткой, что отказывается нынче от всех обещаний своих и желает показать вскорости, сколь страшен гнев мусульманина правоверного.

Кожухов бумажицу ту порвал да за борт выбросил.

– Будем все начинать сызнова! – только и сказал.

Попутру вновь русские моряки засыпали турецкий гарнизон тучей ядер. Сошел на берег и десант, обманами турецкими разъяренный. А тут и друзья с гор спустились...

В отчаянии предпринял было Чезар-бей одну за другой две вылазки, но оба раза был отбит с большим уроном. Тогда бей мятежный запросил мира всерьез. Вскоре Михаил Кожухов подписал акт капитуляции полной. Турки оставили город, вслед за ними в Бейрут вступили русские моряки. Во главе их капитан и Георгиевский кавалер Кожухов, который взял город под свою охрану. «...Российские флаги на крепостях поставил», – отметил историк,

А через некоторое время состоялась торжественная передача бейрутской цитадели друзьям. Значение взятия Бейрута было огромно. Отныне Сирия заявляла о своем окончательном выходе из состава Высокой Порты. Летучая эскадра Кожухова нанесла неприятелю удар, равный по силе Чесме и Кагулу...

– Нам, россиянам, чужого не надобно! – заявил, прощаясь с дружескими вождями, боевой капитан. – Живите в мире и согласии да поминайте нас добрым словом!

В шканечном журнале флагманского фрегата «Надежда» осталась запись: «2 января. В третьем часу пополудни из города Бейрута палено из 13 пушек, и нам видно, что наша определенная команда для содержания города сдала город. В 4-м часу видны нам выходящие из города наши войска, имея распущенные знамена и флаги, и слышен барабанный бой, и которые расположились по (остову)... сторону города, я взаимно ответствовали залпом три раза и потом стали маршировать к эскадре».

Покинув бейрутский рейд, эскадра капитана 2 ранга Кожухова 15 января 1774 года вступила под паруса и вышла в новое крейсерство. На этот раз курс ее был проложен к греческому острову Скиато...

ПОСТСКРИПТУМ ГЕРОЮ

...А война уже подходила к концу. Истошив свои силы в борьбе с Россией и потерпев от нее ряд сокрушительных поражений, Турция за-

просила мира. Боевые действия на Средиземном море были приостановлены. Русские моряки собирались в обратный путь, домой.

В этот период Михаил Кожухов исполнил еще одно важное поручение. Как один из наиболее отличившихся капитанов он был послан вице-адмиралом Елмановым к Алексею Орлову в Ливорно с известием о размене ратификаций с Высокой Портой. А затем был многотрудный переход на изношенных донельзя судах на Балтику. В 1775 году фрегат «Надежда» спустил паруса в Кронштадтской гавани. А вскоре, во время морского парада в честь героев Средиземноморья, императрица Екатерина II самолично возложила на капитана Кожухова Георгиевский крест 3-го класса...

Затем были в жизни Михайлы Григорьевича новые корабли и новые плавания. Ежегодно он выходил в море – обучать морскому делу молодежь. В 1780 году Екатерина II объявила политику вооруженного нейтралитета, чтобы оградить от английских посягательств свой торговый флот. Одна за другой ушли в далекие моря несколько Балтийских эскадр. На эскадре контр-адмирала Круза капитаном флагманского корабля «Спиридон» ушел в Немецкое море и капитан 1 ранга Кожухов.

В 1781 году Кожухов тяжело заболел и уволился в годовой отпуск для поправления здоровья. Позже он попытался было вернуться на флот, но болезнь обострилась. Получив чин капитана генерал-майорского ранга с полным пенсионом, Кожухов навсегда простился с флотом.

Заметим, что чин капитана генерал-майорского ранга просуществовал весьма недолго и считался утешительной наградой для тех заслуженных капитанов, для кого так и не нашлось контр-адмиральской вакансии.

Дальнейшая судьба Михайлы Григорьевича Кожухова нам неизвестна. Скорее всего, она была такой же, как у большинства его сотоварищей, доживавших свой бурный век в каком-нибудь захолустном поместье.

ГЕРКУЛЕС РУССКОГО ФЛОТА

Для начала приведем несколько отзывов людей, хорошо знавших героя этого очерка. Соплаватель лейтенант В. Броневский: «...Лукин всегда был отличный морской офицер, храбрый, строгий, справедливый и всеми подчиненными любимый и уважаемый... Подвиги его... с прибавлением рассказываемые, прославляли его наиболее в Англии, там с великим старанием искали его знакомства, и в России кто не знал Лукина?.. Имя его известно было во всех европейских флотах, и редкий кто не слышал о нём...»

Граф В. А. Соллогуб: «Лукин был силач легендарный, подвиги его богатырства невероятны».

Фаддей Булгарин: «Кто не слышал о капитане Лукине и его геркулесовой силе?»

А. Я. Булгаков в письме к брату: «...Капитан Лукин престрашный силач... Он ломает талер надвое так, как наш брат пряник...»

Соратник Лукина П. П. Свињин: «Капитан 1 ранга Лукин – знаменитый российский Геркулес... Имя его известно и прославляемо во всех англицких приморских городах...»

Декабрист Михаил Бестужев: «Помню, с каким жадным любопытством и мы, юная мелкота, пили занимательные рассказы о Лукине...»

Современники утверждают, что, когда известие о героической смерти легендарного капитана достигло столицы, Император Александр I плакал...

И много лет спустя лейб-кучер императора, а в прошлом слуга Лукина Илья Байков любил вспоминать, сидя с сотоварищами в придорожном кабаке:

– Много повидал я бар да ампиракторов на своем веку, всяких понагляделся, но Митрий Ляксандрыч один был!

– Какой же? – спрашивали кучера, ближе подвигаясь.

– Э! – махал рукой старик. – Таких нонче уже и нету боле. Одно слово – орел! Ведь и прозвище его было не иначе как Геркулес – бог греческий!

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ГЕРОЯ

Шел год 1807-й. Июнь уже перевалил за середину, и российская эскадра под флагом вице-адмирала Сенявина наглухо закрыла Дарданелльский пролив, блокировав неприятельский Стамбул. Флот султана попы-

тался было отогнать русских моряков от своих берегов, но, увидев Андреевский флаг, побежал...

Российская эскадра, несмотря на малые силы, бросилась в погоню, и вскоре неподалеку от Афонской горы враг был достигнут. Напрасно турецкий командующий Сеид-али тешил себя мыслью, что москвиты не посмеют задирать вдвое превосходящего противника. Сенявин – посмел!

По команде с русского флагмана: «Спуститься на неприятеля!» – корабли один за другим шли прямо под тучи турецких ядер. Впереди остальных спешил в сражение 74-пушечный «Рафаил». Командир «Рафаила» каперанг Лукин уже поздравил команду с новой баталией и теперь зорко следил в зрительную трубу за происходящим. Уже на подходе к своей кильватерной колонне турки буквально засыпали передовой линейный корабль ядрами. С треском рвались паруса, рушился рангоут, падали убитые и стонали раненые матросы.

– Перебита брам-рея! Разбит вельбот! Убито семеро! – докладывали капитану помощники. Но Лукин внешне оставался совершенно безучастным.

Над шканцами одно за другим пронеслось несколько ядер.

– Дмитрий Александрович! Прикажете открывать огонь? – подошел к командиру старший офицер.

– Рано! – лаконично ответил тот. – Сходимся на пистолетный! Как заряжены пушки?

– В два ядра! – приложил пальцы к треуголке капитан-лейтенант Быченский.

– Хорошо! – кивнул Лукин. – Пройдите еще раз по декам и ободрите людей!

«Рафаил» стремительно пожирал расстояние до ближайшего неприятельского корабля. Вот он уже почти рядом. Вот стали видны не только прорехи в парусах, но и испуганные лица турок.

– Теперь пора! – скомандовал капитан. – Залп!

Секунда – и над «Седель-Бахри» (так назывался флагманский турецкий корабль) вздымается туча огня и щепы. Снова залп! И падает, пугаясь в снастях, сбитый флаг капудан-паши...

Еще несколько раз рафаиловские комендоры разряжают свои пушки в упор и «Седель-Бахри» – гордость и опора турецкого флота – трусливо петляя, вываливается из боевой линии, стремясь спрятаться за бортами соседних судов.

Увлечшись охотой на капудан-пашу, Лукин вырвался значительно вперед всей остальной эскадры и оказался один на один с целым неприятелем.

тельским флотом. Но пугаться времени не было! Бой разгорался, ядра свистели всюду.

Несмотря на серьезные повреждения в парусах, «Рафаил» дерзко прорезал турецкую боевую линию прямо под кормой спрятавшегося было «Седель-Бахри». Русские пушки в несколько минут буквально вычистили продольными залпами палубу вражеского флагмана. Одновременно Лукин учинил погром и на соседнем «Месудие», который вскорости, бросив строй, также бежал, гася языки пожаров.

– Ну и пекло! – утер пот со лба командир «Рафаила» и малость огляделся. – Эко нас угораздило забраться в самую середку турецкую!

На ближайшем вражеском корабле воинственно размахивали ятаганами, желая абордажной схватки.

– Что ж! – оценил ситуацию Лукин. – Нам сей трофей знатный не помешает! Кличьте абордажных!

Хрипло запела сигнальная труба, ударил дробью корабельный барабан. Взволнованные важностью момента, лейтенанты Максим Ефимьев да Иван Панафидин, торопясь, строили матросов. В лейтенантских руках хищной синевой сверкали обнаженные шпаги.

– Ребята, не робей! Счас пойдем турку абордировать! – кричали они в запале.

Но до абордажа дело так и не дошло. Лукин смел ретирадными коронадами воинственных ятаганщиков, и неприятельский капитан счел за лучшее отвернуть в сторону. Одновременно «Рафаил» разнес вдребезги, попавшийся ему на пути турецкий фрегат и разогнал целую свору бригав, крутившихся неподалеку в ожидании легкой поживы...

Все это может показаться невероятным, но это подлинный факт. Пока вице-адмирал Сенявин с эскадрой наседали на турок по всему фронту, командир «Рафаила» Лукин громил их с тыла.

Утром, на исходе десятого часа, Дмитрий Александрович подозвал к себе лейтенанта Панафидина.

– Только что турками сбит кормовой флаг! Потрудитесь поднять новый!

Лукин стоял на трапе, ведущем на шканцы, облокотясь на фальшборт.

Быстро исполнив приказание (неприятель не должен видеть российский корабль без флага), Панафидин бросился доложить командиру. Прыгая через две ступени, лейтенант уже взбегал на шканцы, и тут турецкое ядро, пущенное с ближайшего вражеского корабля, поразило командира в грудь. Легендарный храбрец и силач без стога повалился на палубу, забрызгав близстоящих своей кровью. Панафидин поднял перешибленный

надвое командирский кортик... (Этот кортик он сохранит до конца своих дней как самую дорогую реликвию.) Тело Дмитрия Александровича было тут же завернуто в холстину и перенесено в его каюту. В командование корабля вступил старший офицер Быченский.

Тем временем вице-адмирал Сенявин продолжал крушить турок с фронта. Прошло совсем немного времени, и неприятель дрогнул, а затем, не выдержав яростного напора, побежал в такой панике, что по пути сжигал свои поврежденные корабли.

Поражение турок в сражении при Афонской горе было полным. Султан недосчитался в тот черный для себя день шести лучших кораблей. Дарданелльская «бутылка» отныне была наглухо запечатана русскими моряками.

Но радость крупной победы была омрачена смертью командира «Рафаила». Русский флот лишился в тот день своего любимца. По обычаю, похоронили Дмитрия Александровича в море. Вот как описывает погребение лейтенант Павел Панафидин:

«Наконец настала горестная минута расстаться нам с почтенным нашим капитаном. Со всеми почестями, должными начальнику корабля, опустили его в воду, под голову человек его положил большую пуховую подушку, тягости в ногах было мало, и тело его стало вертикально, так что место его головы, впрочем, закрытой, осталось на поверхности воды. Вся команда в голос закричала, что "батюшка Дмитрий Александрович и мертвый не хочет нас оставить". Простой сей случай так нас поразил, что мы все плакали, пока намокшая подушка перестала его держать на поверхности воды. Он от нас скрылся навсегда. Мир тебе, почтенный, храбрый начальник. Я знал твое доброе, благородное сердце и во все время службы моей не был обижен несправедливостью! Тебе много приписывали неправды, твой откровенный характер был для тебя вреден, и твоя богатырская сила ужасала тех, которые тебя не знали...»

Завершилась русско-турецкая война, и эскадра Сенявина вернулась в родные воды. Шли годы... Некоторые из воспитанников Лукина уже носили адмиральские эполеты, другие, давно вышедши на пенсию, занимались делами житейскими, но разговоры вокруг имени его не утихали, наоборот – с каждым годом появлялись новые, порой невероятные подробности, о которых друзья погибшего никогда и не слышали. Может, это и вынудило в 1857 году выступить на страницах «Морского сборника» Павла Ивановича Панафидина. Бывший бравый лейтенант «Рафаила» бесхитростно поведал правду о своем командире. Так появились знаменитые «Письма морского офицера», ставшие классикой отечественной мариныстики.

ЮНОСТЬ В ШТОРМАХ

Родом Лукин был из тульских дворян. Осиротел рано, и опекал мальчика дядюшка. Мальчишка рос смышленным: читал запоем книги, сочинял стихи, а в минуты озорства гнул подковы да валил наземь жеребцов. Когда стукнуло Дмитрию четырнадцать годов, дядюшка решил, что пришла пора определять его в люди, и сдал в Морской корпус.

– Дело морское – многотрудное, – делился своими соображениями опекун на родственном совете. – А потому до буйства и шалостей там недосуг! На службе морской из Митюхи скорее человека сделают, нежели в драгунах али гусарах каких!

Годы корпусные пролетели быстро и беззаботно. Учеба Дмитрию давалась легко, да и жили кадеты весело. Выпуск же Лукина совпал с большой войной: королевская Швеция дерзнула еще раз попытать военного счастья в споре с Россией. Конечно же, мичман Лукин просился на боевые корабли, но его отправили в далекий заснеженный Архангельск, где на Соломбальской верфи спускали на воду линейный корабль «Александр Невский». Затем – переход с отрядом контр-адмирала Повалишина в Копенгаген, где «Невский» вошел в состав стоявшей там русской эскадры. Зиму корабли простояли, вмержшие в лед; офицеры тем временем отдыхали от дел ратных на берегу. Гуляли от души. Дмитрий Лукин, как всегда, во всем стремился быть впереди прочих, а потому веселился с чисто русским размахом, прокутив к весне в копенгагенских ресторациях половину своего имения.

– Черт с ними, с деньгами! – говорил он друзьям. – Зато будет, что вспомнить в старости печальной!

Летом следующего года Лукин на том же «Александре Невском» участвует в крейсерствах по Балтийскому морю. Расторопность и распорядительность его не остаются без внимания начальства, и Лукина производят в чин лейтенантский. Именно в это время рождаются первые легенды о его необычайной силе. Что правда, то правда: Лукин шутя перетаскивал на себе орудийные стволы, жонглировал тяжеленными ядрами да на спор вгонял пальцем гвозди в дубовую корабельную обшивку. Надо ли говорить, сколь обожала его команда. А вскоре о лейтенанте с «Невского» заговорил и весь Балтийский флот.

Следующий, 1790 год стал годом боевого крещения Лукина. В двух кровопролитных сражениях со шведским флотом при Красной Горке в Выборге проявил он себя храбрым и грамотным моряком. Известие о заключении мира встретил уже в капитан-лейтенантском чине. А едва корабли втянулись в кронштадтские гавани, прикатил к Лукину дядюшка из губернии Тульской. Был дядюшка взволнован до крайности необычайной.

Еще один хороший загул – и все имяние фамильное с молотка пойдет. Настроен по этой причине дядюшка был весьма решительно, но как человек, житейским опытом умудренный, начал издали:

– Ничего нету лучше, Митя, чем жизнь семейная! – повел он разговор, едва только расцеловался с племянником и сел за стол. – Ну, представь себе, дружок. Ты в кресле посиживаешь, романы французские читаешь, а женушка-голубушка вокруг тебя хлопочет!

Однако племянник к этой теме оставался совершенно равнодушен. Позевывая в кулак, Митя с тоской поглядывал на своего воспитателя. Дядюшка вскорости уехал ни с чем, а племянник продолжил разорять родовое имяние. Так, наверное, через год-другой и остался бы капитан-лейтенант Лукин гол как сокол, если бы... Любовь Дмитрия Лукина была подобна урагану. Очаровательную Настеньку Фандер-Флит он встретил на балу в Кронштадтском морском собрании. Встретил – и тут же сделал предложение. Испуганная таким оборотом девушка робко пожала плечами:

– Поговорите с папенькой, ведь так скоро жениться – это неприлично!

– Моряку долго ждать не полагается по причине краткости его жизни! – мрачно ответил Лукин девушке и отправился к ее папеньке.

Директор кронштадтских доков Ефрем Иванович Фандер-Флит был человек обстоятельный.

– Сколько душ имеете и в каких губерниях? – поинтересовался он.

– Восемьдесят пять в Тульской да Орловской! – отвечал жених бойко.

– А насколько серьезные чувства питаете к дочери моей?

– Любовь к ней превыше всех иных страстей моих!

В большом волнении сжал капитан-лейтенант спинку стула, подле него стоявшего, и... щепки с глухим треском посыпались к ботфортам жениха.

– Что ж, в чувства ваши я верю! – молвил будущий тесть, печально оглядев останки стула. – Можете объявлять помолвку!

Спустя месяц была помолвка, а еще через полгода Настя Фандер-Флит стала госпожой Лукиной. Из церкви молодую жену вез домой гневный папаша. Молодой муж в это время уже спешил на свой корабль: Лукин уходил в крейсирование по Немецкому морю.

– Были у тебя женихи приличные из полка Измайловского да коллегии иностранной, так нет, подавай ей моряка! Вот теперь и сиди одна как перст, на волны глядячи! – ругался директор кронштадтских доков.

Дочь не отвечала, рыдая в фату.

Мимо набережной, салютуя крепости, проплывала громада линейного корабля «Память Евстафия», на котором ее молодой муж отправлялся в далекие края...

СЛУЖБА ЧЕРНОМОРСКАЯ

А через год с Лукиным приключился конфуз. Повздорив с вороватым портовым чиновником, он не нашел в споре иных аргументов, как выбросить несогласного из окошка. Чиновник написал жалобу, и капитан-лейтенанта отправили в далекий Херсон. На Черном море Лукину дали шхуну. Адмирал Федор Ушаков, прочитав бумагу сопроводительную, оглядел ссыльного.

– Стенька Разин вам, молодой человек, не родственником каким приходится?

– Нет, но спуску я не дам никому! – вскинул голову Лукин.

– Служите с Богом! – махнул рукой адмирал. – У нас главное, чтоб дело знал!

Служба черноморская не чета балтийской. Здесь парадизов нет, зато плаваний и штормов хватает. Капитан-лейтенант Дмитрий Лукин ходил на своей шхуне между Николаевом и Константинополем, возил дипломатическую почту и пассажиров. Только отгрузится – и сразу в новый рейс.

– Был я офицером боевым, а стал ямщиком морским! – шутили порой Лукин.

Вместе с мужем приехала на юг и Анастасия Ефремовна. При супругах – слуга Илья (тот самый, будущий лейб-кучер императора). Жили небогато. Бывало привезет Илья бочку воды с речки и зовет барина:

– Выходи, Митрий Ляксандрыч, бочку сымать!

Выйдет Лукин, поплюет на руки и вдвоем с Ильей бочку сорокаведерную с телеги снимет.

Анастасия Лукина в кронштадтском обществе в числе первых красавиц числилась, а в Николаеве вовсе ей равных не было. Однако ловеласы местные обходили ее стороной: мужа опасались. Но один все же нашелся – из шустрых итальянцев, каких немало крутилось тогда подле главного начальника Черноморского флота адмирала Мордвинова. Итальянец познакомился с Анастасией Лукиной на одном из балов, а затем стал хвастать среди дружков ее благосклонностью. Врал, конечно, но по Николаеву слух пошел. Едва Дмитрий с моря, к нему жена в слезах: так мол, и так.

– Ладно! – сказал капитан. – За такое действие следует наказать примерно!

На первом же балу у командира порта он без труда нашел своего обидчика. Ничего не подозревавший итальянец всюю любезничал с дамами. Проходя мимо, Лукин как бы нечаянно наступил итальянцу на ногу, да так, что тот закричал голосом истошным.

– Ежели я вас обидел, давайте драться! – объявил ему Лукин и тут же уехал домой.

Вечером Дмитрий Александрович молча пил пунш. Жена плакала:

– Зачем тебе драться, пожалей меня!

Итальянец меж тем, от боли в себя придя, понял, что дуэль с таким человеком, как Лукин, может кончиться для него печально. Кинулся тогда он к своей сестре, что была на короткой ноге с адмиралом Мордвиновым. Сестрица тут же посадила брата под замок, а сама бегом к своему сердечному другу. Наговорила всякого: дескать, пьяный Лукин поносил Мордвинова словами мерзкими, а врага его, Ушакова, наоборот, нахваливал; когда же брат ее, лейтенант, храбро вступился за честь адмирала, то Лукин его по ноге ударил, а на завтра грозился и вовсе убить.

Надо ли говорить, в какой ярости был Мордвинов. Тотчас к Лукину отправился полицейский наряд, и капитан-лейтенант был посажен под крепкий арест. Однако в тот же день хромой итальянец срочно выехал в другой город. Следствие доказало полную невиновность Лукина. Теперь уже николаевское общество подшучивало над самим Мордвиновым.

Говорят, что когда севастопольскому адмиралу Ушакову рассказали об истории с Лукиным, он долго смеялся:

– Сей разинец мне сразу по душе пришелся! Голову кладу, что воин он отменный! Буду его у Мордвинова в Севастополь на эскадру просить!

Но Мордвинов Лукина не отдал: дело здесь было во взаимной неприязни двух адмиралов. Вместо Севастополя спровадил Мордвинов Лукина на Балтику.

– Езжай, голубчик, откуда приехал, – сказал, ордер свой вручая. – От тебя здесь одни хлопоты.

РУССКИЙ КУЛАК ПРОТИВ АНГЛИЙСКОГО БОКСА

Вернувшись в Кронштадт, взял Дмитрий Александрович отпуск и с женой и дочерью отправился в свое тульское имение. Была зима, и дороги заметало поземкой. На козлах восседал неизменный Илья. За Петербургом дорога была еще сносная, а ближе к Москве сугроб на сугробе. А тут еще и метель. Решили Лукины остановиться на ночевку в ближайшей деревеньке. Нашли избу, договорились с хозяевами. Бабка самовар, жаром пышущий, на стол поставила. И пока супруги чай пили, Илья отправился порасспросить местных мужиков, как далее ехать. Вошел в хату соседнюю, видит, за столом сидят трое, все с кнутами, лица хмурые, недобрые.

– Чего надо? – говорят. – Ступай прочь, скоросами придем – не возрадуетесь!

Илья шапку скомкал и поспешил восвояси. Рассказал все Лукину. Тот дочь спать укладывал.

– Поди к их дверям, Иваныч, да послушай, о чем они там беседу ведут.

Вскоре Илья возвратился и позвал Лукина в сени для разговора.

– Вот что, Дмитрий Ляксандрыч, худо наше дело! Слышал я, что хотят сии душегубы всех нас перебить, а пожитки пограбить! Бежать надобно!

С пожитков наших корысть небольшая! – почесал затылок Лукин. – Бежать же нам зазорно, да и ребенок спит! Придется самим сходить в гости!

– Куда это вы с Ильей на ночь глядя? – спросила жена тревожно.

– Да к старосте, дорогу узнать! – отвечал Дмитрий Александрович, шубу запахивая. – Мы скоро!

Дверь в хату он распахнул ногой.

– Что вы за люди? – спросил грозно. – И что замышляете?

Сидевшие оторопели. Немного погодя один поднялся, подступил вплотную к Лукину. В руке его был нож.

– И ходить никому не надобно! Сам заявился! – оскалился он и приставил нож к горлу Лукина. – Ну-ка, барин, скидай шубейку! Она тебе боле ни к чему!

Лукин только хмыкнул:

– Ну и ухарь! Держи, родимый! – И навернул негодяя кулаком промеж глаз. Второй раз бить не пришлось: тот уже не поднялся. Зато повскакивали дружки. Лукин, однако, остался невозмутим:

– Илья, принимай!

– Готов, Митрий Ляксандрыч! – отозвался верный слуга, сам косая сажень в плечах.

Лукин тем временем ловко схватил за загривок ближайшего, встряхнул так, что тот лишь захрипел, и кинул кучеру. Ну а Илья для надежности о стенку головой стукнул и в сторонку положил. Глядь, а к нему уже второй летит...

Кучер всех троих повязал вожжами, погрузил на санки да отвез в ближайший околоток.

Когда Лукин вернулся, жена еще не спала.

– Ну что, узнал дорогу? – поинтересовалась она, зевая.

– Да, милая, – отвечал Дмитрий Александрович раздеваясь. – Завтра поутру выезжаем!

Весной Лукины вернулись в Кронштадт. Глава семьи уходил в море. Предстояло многомесячное крейсерство в Северной Атлантике в со-

ставе эскадры вице-адмирала Ханькова. Для пополнения припасов и отдыха команд были определены английские порты Чатем и Ширнесс.

Поход в эскадре вице-адмирала Ханькова – особая глава в жизни Лукина. Именно тогда слава о его силе и бесстрашии разнеслась по всей Европе. А началось все с пустяка.

В один из заходов эскадры в Чатем, будучи на берегу, набрел Лукин с друзьями на француза-иллюзиониста. Огромный быкоподобный француз потчевал англичан фокусами. Трюк был прост. Француз подставлял щеку для удара всякому желающему. Если трюкачу удавалось после удара устоять не шелохнувшись, он получал приличную сумму денег; если же нет – три часа должен был гавкать в ближайшем кабаке из-под лавки. А так как француз был огромен и крепок, то кошельки азартных англичан быстро худели. Увидя столь редкостное зрелище, друзья принялись уговаривать Лукина принять участие в этой забаве. Тот долго отнекивался, но все-таки решился. С первого же удара незадачливый фокусник полетел с ног и долго не мог прийти в себя. Англичане с криками восторга подхватили Лукина на руки и отнесли в трактир, где он щедро угостил всех своих поклонников.

В следующий раз эскадра отстаивалась в Ширнессе. И здесь Лукину представился случай отличиться: ему предложили помериться силой в «боксы» с лучшим местным бойцом.

– Одного мало! – резюмировал русский моряк, оглядев противника.
– Выводи четырех лучших!

Бой продолжался несколько минут. Один за другим английские мастера «боксов» были перекинуты через канаты.

От призовых денег Лукин наотрез отказался:

– Отдайте их своим «боксам». Пусть горе запивают!

На другой день отряженный с двумя десятками нижних чинов в местное адмиралтейство для получения такелажа, Лукин стал свидетелем драки между английскими матросами и береговыми канонирами Ширнесса. Дмитрий Александрович долго наблюдал за дракой и понял, что канониры дерутся нечестно. Он решил вступить за моряков. Своим матросам вмешиваться не велел, строго-настрого наказав:

– Чтобы скандалу не было, стойте и смотрите! А я разомнусь маленько!

Вначале Лукин разогнал толпу канониров, а затем, разозлившись за что-то на английских матросов, объявил войну обеим партиям и в кулачном бою со своими двадцатью удалцами разогнал всех. В городе заперли лавки, жители попрятались в домах, а Лукин, праздную победу, с песнями возвратился на корабль.

Надо ли говорить, какой популярностью пользовался он после этого среди матросов эскадры. Служить под его началом считалось великой честью. А если прибавить к этому, что Лукин был необыкновенный добряк и хлебосол, готовый раздать все свои деньги нуждающимся, то можно представить, как велик был его авторитет среди русских моряков.

В воображении читателя наш герой может предстать неким громилой. Это ошибочное мнение! Вот описание внешности Дмитрия Александровича, оставленное одним из его друзей: «Лукин посредственного роста, широк в плечах, и грудь его твердостью похожа на каменную... все тело необыкновенно плотно и упруго».

Во время следующего захода в Ширнесс излишняя популярность могла дорого обойтись Лукину, но он вновь с честью вышел из почти безнадежного положения. Дмитрий Александрович, посланный для закупки провизии на шестивесельной шлюпке, уже возвращался назад из города и подходил к берегу, когда увидел толпу подвыпивших бродяг.

– Люкин! Люкин! – кричали они. – Сейчас мы пощупаем этого хваленного русского! Попотчuem его «боксами»!

Дмитрий Александрович был уже шагов за триста от берега, когда целая толпа разогретого алкоголем сброда бросилась на него в надежде повергнуть наземь русского богатыря. Но Лукин не растерялся. Видя, что со всей толпой ему не справиться (англичан было более сотни), Дмитрий Александрович схватил за галстуки двух зачинщиков и, крепко держа их, стал отступать к шлюпке, где его ждали верные матросы. Едва толпа начинала насаждать, он так сжимал в своих руках пленников, что оба поднимали душераздирающий вой, от которого их приятели разбежались в сторону. Так бы, наверное, и пробился Лукин к шлюпке, если б не коварная подножка, которую подставили ему в неразберихе. И хотя Дмитрий Александрович не упал, оба пленника вырвались на свободу, и тотчас на Лукина посыпались удары. Но русский офицер не думал сдаваться, кулаками прокладывая себе путь к причалу. Матросы, увидев драку, кинулись к нему на помощь. Бой был короткий, и враг обратился в постыдное бегство.

«Подвиг сей приумножил к нему почтение английских моряков», – писал об этом случае один из современников. И, тем не менее, на следующий день к вице-адмиралу Ханькову поступило несколько десятков жалоб на Лукина за нанесенные увечья. Командующий вызвал офицера.

– Кто зачинщик? – грозно спросил вице-адмирал.

– Я, ваше превосходительство, никогда бы не додумался бросаться в драку с сотней пьяных головорезов! – скромно ответил капитан-лейтенант.

– В следующий раз будь с англичанами повежливей, все ж союзники! – улыбнулся Ханыков. – А то, не ровен час, всех переколотишь!

Но более драться Лукину в английских портах не пришлось. Теперь при его появлении все почтительно вставали и приветствовали. Лишь иногда, уступая надоедливим поклонникам, он шутки ради поднимал под одобрительные крики толпы за шиворот желающих. По четверо за один раз. Уже перед самым отплытием в Кронштадт заспорил с Лукиным в трактире один английский капитан, чей народ смелее и решительней.

– Вы, русские, никогда не пойдете на то, на что без всяких раздумий покусится англичанин! – задирает Лукина капитан.

Лукин покраснел от обиды:

– Это на что, к примеру?

– А вот сможешь ли ты отрезать мне нос? – смеялся англичанин капитан-лейтенанту в лицо.

– Изволь! – отвечивал Лукин и, взяв нож, не моргнув глазом отхватил у задиры кончик носа.

– Как видишь, мы народ решительный! – сказал он, кладя свой трофей на тарелку. – Но для сего нас обидеть крепко надо! Ты меня обидел, а потому и получил свое!

История эта нашла продолжение значительно позднее, когда англичанин, старый и отчаянный мореход, приехал навестить друга в Кронштадт и оба, вспоминая свое знакомство, весело хохотали над давней проказой...

КАПИТАН, СТАВШИЙ ЛЕГЕНДОЙ

В это время Россия вступила в войну с Францией. Из Севастополя ушла к греческим берегам эскадра адмирала Ушакова, в Италию двинулись полки фельдмаршала Суворова, к голландским берегам отправились корабли флота Балтийского. И среди них катер «Диспач», в командование которым вскоре после возвращения из Англии вступил Лукин.

Наиболее крупной операцией балтийцев в этой войне стала высадка десанта на голландское побережье. Шлюпки подходили к берегу при большом накате, и вел их парусник Лукина. Крупные корабли из-за мелей близко подойти не могли. Высадка, несмотря на активное противодействие французов, прошла успешно, и Лукин за проявленную храбрость и расторопность был награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

Вскоре отличившегося капитан-лейтенанта определили старшим офицером на линейный корабль «Ретвизан», которым командовал сын известного российского адмирала С. К. Грейга Алексей. Назначение на

такую должность – большое доверие, ибо на ней офицер готовится к вступлению в капитаны линейного корабля. И сразу же испытание. Преследуя французского адмирала Гельдера, «Ретвизан», шедший в кильватерном строю вслед за британским линкором «Глаттон», сел на мель. Британцу удалось увернуться от атаки. Потом выскочили на отмель еще два английских корабля. Наступила ночь, разыгрывался шторм, грозивший выбросить «Ретвизан» на берег. И тогда Лукин нашел остроумное решение. По его предложению Грейг велел поднять стакселя. Огромным давлением ветра в паруса корабль буквально сорвало с мели, и он без особого труда вышел в открытое море. Воспользовавшись советом Лукина, спасли свои корабли и англичане. Командующий английской эскадрой адмирал Митчел дал обед в честь русского капитан-лейтенанта.

А затем были многочисленные бои с французскими летучими эскадрами и бомбардировки прибрежных крепостей. И, как всегда, Лукин действовал смело и находчиво. Отличился он и при пленении голландского корабля «Вашингтон» у стен крепости Гельдер.

Капитан «Ретвизана» каперанг Грейг с некоторой обидой признавался в узком кругу:

– Ежели меня и убьют, никто на корабле сего происшествия не заметит, ибо все – от кают-юнга до вахтенных лейтенантов – находятся под очарованием моего старшего офицера. Но я не обижаюсь за это на Лукина – это славный моряк, и сам я общаюсь с ним с превеликим удовольствием.

Была в жизни Лукина и поистине знаменательная встреча. В крейсеровании у острова Текселя совместно с эскадрой адмирала Нельсона за быструю работу с парусами заслужил он похвальный отзыв великого английского адмирала. В 1801 году Дмитрий Александрович производится в капитаны 2 ранга и получает под командование новейший линейный корабль «Рафаил». А в следующем году за восемнадцать морских кампаний награждается Георгием 4-го класса. Тогда же была вручена ему и еще одна награда – орден Святого Владимира 4-й степени за спасение «Ретвизана» при голландских берегах.

Из воспоминаний современника: «У капитана Лукина была прекрасная нюфаундленская собака. Всякий раз, как пробьет известный звонок, после которого разбирают матросы свои койки, она является с ними вместе к шкафуту, безошибочно выбирает свою койку и относит ее на место. А на другой день поутру приносит ее обратно в положенное для всех время».

Тем временем молва о славных делах Лукина достигла и родных берегов. Высший свет изумился: вот ведь какой богатырь да герой у нас

имеется, а мы про то и не ведаем! Супругов Лукиных стали приглашать на вечера, рауты во всевозможные салоны. Дмитрий Александрович походил-походил туда, да и перестал. Скучно! С большим удовольствием он занимался детьми: совсем уже большой стала дочь Екатерина, подрастали сыновья-погодки Константин и Николай.

Сыновей наставлял, преподавая урок чести:

– Первым не задирайся! Слабого не тронь, лежачего не бей! Подножка да тычки в спину – последнее дело! Но уж коли обиду вам нанесли крепкую, тогда за честь свою стойте до конца! Помните, что вы Лукины!

Прослышав о подвигах Лукина, пригласила его к себе в гости в Павловск императрица Мария Федоровна. Вот как описал это событие один из современников: «...Ее величество императрица Мария Федоровна... за обедом просила, чтоб Лукин показал свою силу. "Ваше Величество, с радостью исполнил бы ваше милостивое желание, но ничего не найду, что вам показать". В это самое время, как он оглядывался, поставил ему придворный лакей серебряную тарелку. Он потребовал другую. Государыня обратила свое внимание. Он взял в руки обе тарелки, свернул в дудочку самым легким образом, встал и поднес сверченные обе тарелки, – и так искусно, что нельзя было сказать, что тут две тяжелые серебряные тарелки».

Но подобные визиты были редкостью. Единственно, куда любил, хаживать Лукины, так это во французский театр. Там-то с Лукиным произошла история, навсегда вошедшая в копилку русских анекдотов.

В тот вечер в театр пожаловали два дружка – известный остро слов и шутник гофмейстер Кологривов, церемониймейстер Соллогуб, а с ними целая куча приятелей. Соллогуб заявился франтом в синем плаще, подбитом красным бархатом. Во время спектакля друзья вертелись на своих местах и поглядывали, как реагируют окружающие на столь необычный наряд. Кологривов с презрением окинул взглядом одного случайного, как ему показалось, зрителя, который и в представлении-то ничего не понимал.

– Сейчас я сделаю из него посмешище всего Петербурга! – объявил Кологривов.

Спустившись в партер, Кологривов обратился к незнакомцу:

– Понимаете ли вы по-французски?

Тот смерил его взглядом и ответил отрывисто:

– Нет!

– Так не угодно ли, чтоб я объяснил вам, что происходит на сцене?

– Сделайте одолжение.

Кологривов понес столь отчаянную галиматью, что, сидевшие рядом просто помирали со смеху. В ложах прислушивались и фыркали. Ко-

гда же красноречие острослова иссякло, молчавший дотоле незнакомец вдруг поинтересовался на чистейшем французском:

– А теперь потрудитесь объяснить мне, зачем вы несли такой вздор?

Кологривов опешил, ошарашенно развел руками:

– Я не думал... Я не знал...

– Вы не знали, что я одной рукой могу взять вас за шкуру и закинуть в ложу к тем дамам, с которыми вы так приятно только что перемигивались?

– Извините! – лепетал вмиг растерявший самоуверенность Кологривов.

– Знаете ли вы, кто я?

– Нет, не имею чести!

– Я – Лукин!

Кологривов побледнел смертельно. Толпа любопытных потихоньку ушла от греха подальше, оставив его один на один с легендарным силачом.

– Дорогая, я вернусь к концу антракта! – обернулся Лукин к жене. И велел поникшему острослову:

– Идите за мной!

В буфете Лукин заказал два огромных стакана пуншу, наполнил их до краев, один подал Кологривову:

– Пейте!

– Но я не пью! – взмолился тот.

– Пейте!

Захлебываясь, Кологривов судорожно опорожнил стакан. Лукин залпом выпил свой и тут же заказал еще по стакану. Напрасно Кологривов отнекивался – он был обречен. Затем выпили еще и еще. После восьмого стакана острослов свалился замертво, и его через весь театр поволокли к выходу. Дмитрий Александрович же, как ни в чем не бывало, возвратился к жене и досмотрел спектакль.

ВОКРУГ ЕВРОПЫ

В сентябре 1805 года Кронштадт покинула эскадра вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Корабли держали курс в Средиземное море, где разворачивались боевые действия против наполеоновской Франции, которую поддерживал Стамбул. Тогда же началась подготовка резервного отряда. В командование 74-пушечным кораблем «Рафаил» вступил капитан 1 ранга Лукин. С тех пор дома он почти не бывал: началось вооружение корабля.

В заботах пролетел май, а за ним июнь. В последних числах июля корабли вытянулись на рейд. Командовал отрядом капитан-командор Иван Александрович Игнатьев, активный участник русско-шведской войны 1788-1790 годов. С 1804 года он управлял провиантским департаментом, с 1805 года командовал кораблем «Сильный». Игнатьев героически погиб в Дарданелльском сражении 10 мая 1807 года.

Уже перед самым отходом отряда гребных катеров на рейд прибыл император Александр I. Осмотр он начал с «Рафаила». Александр спустился в трюм, отведал матросской каши, оглядел абордажные орудия.

– А можешь ли ты, Дмитрий Александрович, пушку поднять? – ни с того ни с сего обратился он к Лукину.

– Это можно, ваше величество! – улыбнулся тот. – Дело привычное!

Подойдя к шестифунтовому фальконету, Лукин легко приподнял его руками и, оттащив шагов за десять, бережно поставил на палубу.

– Да, силой тебя Господь не обделил, – резюмировал император, взяв капитана под локоть. – С желанием ли идешь ты в этот поход?

Какой же моряк, ваше величество, откажется от столь многотрудного, но и славного плавания. Это же не в луже Финской карасями барахтаться!

– А в каком положении семейство свое оставляешь? – продолжал расспросы император.

– Известно в каком, – усмехнулся Лукин. – В ожидательном. На то она и семья моряка, чтобы с моря его поджидать. В остальном же надеюсь, что они смогут иметь покровителя в лице вашего величества!

– Не изволь сомневаться, Дмитрий Александрович, все, что должно, я исполню с тщанием. За семейство свое будь спокоен!

Александр I сдержал слово, данное Д. А. Лукину. После гибели мужа А. Е. Лукиной была назначена «приличествующая ей» пенсия, а сыновья были определены в Пажеский корпус.

На «Рафаиле» меж тем уже сыграли парусную тревогу. Император, поглядывая на карманные часы, лорнировал бегавших по палубе матросов. Наконец к нему подошел Лукин:

– Паруса поставлены, ваше величество! Рифы взяты, а марсели подняты!

Александр еще раз взглянул на часы: с момента подачи команды прошло не более трех минут.

– Превосходно! Молодцам марсовым по целковому, всей команде по лишней чарке, офицерам мое благодарение, а тебе, Дмитрий Александрович, спасибо и счастливого пути! – сказал Александр, покидая палубу «Рафаила».

Вечером того же дня, обменявшись салютацией с кронштадтскими фортами, отряд командора Игнатьева взял курс в открытое море. Прошли Ревель, миновали Копенгаген, впереди была Атлантика. Зашли в Портсмут. Здесь Лукина встречали как старого знакомого.

Рядом с «Рафаилом» стоял британский линкор «Центавр», только что вернувшийся из Вест-Индии. Лукин тотчас пригласил офицеров с английского корабля на обед к себе. За обедом англичане рассказывали, что выдержали на пути к метрополии отчаянный шторм и бой с четырьмя французскими фрегатами. Сам обед прошел весело. Хлебосольный Лукин выставил на стол все, что имел в своих припасах. Один из соплавателей Лукина так описывал это застолье: «Обед был в английском вкусе: грог перед обедом, а за столом – портвейн, херес ходили кругом стола. Только и было слышно: "Капитан такой-то, ваше здоровье!" – и мы все вышли из-за стола, как говорится, с красными носами...»

Но вот отдых закончен, и корабли снова взяли курс на далекое Средиземноморье. Стремясь сплотить офицеров (чтобы плавание не казалось им утомительным) Лукин придумывал разные забавы. «Кают-компания приняла вид если не роскошной гостиной, то шеголеватой военной комнаты: стол сервируется хорошим стеклом, превосходною посудой и добавок – чистое, немешаное вино; на стенах бронзовые гвозди, ковры на рундуке, словом, Англия преобразила кают-компанию. Забавная выдумка не класть шляп на стол, а вешать на гвозди, также неосторожность с трубою и многие другие вещи, за неисполнение которых положен штраф, – и на штрафные-то деньги, с прибавкою с каждого, приняла наша каюта тот вид, что заметили офицеры, приезжающие с других кораблей. Любезный наш капитан участвовал в сей шутке и нарочно нарушал постановленные правила, чтобы только заплатить более штраф. Между офицерами было сохранено вежливое и дружеское обращение. После сего можно ли было желать приятнее и веселее службы?» – вспоминал уже известный нам Павел Иванович Панафидин.

И вот, наконец, Средиземное море. Шли вдоль испанских берегов, затем повернули к Сардинии. У островка Стромболи пришлось задержаться: не было лоцманов для прохода Мессинским проливом. И вновь здесь проявляется нетерпеливый и открытый нрав капитана «Рафаила». Прознав, что один из его корабельных лейтенантов, будучи стажером на английском флоте, уже ходил этим проливом, Лукин оповещает Игнатьева, что у него есть человек, способный провести отряд. Игнатьев немедленно дает согласие – время-то дорогое. Но сам лейтенант, узнав о таком решении, отказывается от столь опасного предложения.

– Что же это вы, голубчик, делали, в морях бывая? – ядовито поинтересовался Лукин у лейтенанта, с огорчением узнав об отказе. – Тем настоящий моряк и отличается от пассажира, что не просто по морю катается, а морскому делу учится!

Наконец лодмана прибыли, и корабли продолжили свой путь. Пополнив запасы в Мессине, отряд Игнатьева к Новому году прибыл в распоряжение вице-адмирала Сенявина. Рождество встречали в Боко-ди-Катаро. На Крещение при море была устроена Иордань погрузили крест в воду, корабли открыли частую пальбу... Затем – обед на берегу за огромными столами: офицеры в доме, матросы на улице. После обеда пляски. Развеселившийся Лукин, напрочь забыв о своем высоком положении, пошел вприсядку с лихим бром-марсельным матросом – кто кого перепляшет! Матрос был парень хват, но капитана своего переплясать так и не смог, умаялся.

ПОКОРИТЕЛЬ ЛЕМНОСА

А вскоре Россия объявила войну Турции, и эскадра взяла курс на Архипелаг. У Дарданелл настигли английскую эскадру вице-адмирала Дукворта, которая только что попыталась счастья, надеясь прорваться к Стамбулу. Многочисленные знакомые Лукина говорили, что прорыв сквозь череду мощнейших турецких крепостей невозможен. Немного погодя англичане ушли совсем, и русские моряки остались одни.

Через несколько дней началась бомбардировка неприятельской крепости на острове Тенедос. «Рафаил» первым открыл огонь и заставил замолчать турецкие пушки.

Десятого мая Сенявин атаковал турецкий флот у входа в Дарданеллы. Атака русских моряков была стремительна. Потери турок не поддавались счету. «Рафаил» совместно с «Ретвизаном», вырвавшись вперед, погнался за убегающим турецким флотом. Вскоре у «Ретвизана» разорвало пушку, и он вышел из боя. Лукин же, несмотря на все повреждения, догнал неприятеля и, следуя с ним борт в борт, расстреливал его в упор, пока встречным течением «Рафаил» не отнесло в сторону от разбитого в конец противника. Турок спасла лишь ночь. Уже на выходе из пролива Сенявин обнаружил, что гребные турецкие суда тащат к Дарданеллам четыре поврежденных корабля. Началась атака, и, как всегда, впереди прочих – «Рафаил» Лукина. Обрубив буксиры, турки бежали в панике, выбросив свои линейные корабли на мель, где они и были сожжены.

– Все капитаны сражались во вчерашнем сражении доблестно, но капитан Лукин был выше прочих. Вот вам пример для подражания! – заявил Сенявин при разборе Дарданелльской баталии.

Сенявин решает отобрать у турок крепость на острове Лемнос. Определяя кандидатуру командира десанта, он долго не думал:

– Как известно, Лемнос был родиной Ахиллеса. Это земля богатырей. У нас тоже есть свой богатырь, ему мы и поручим взять Лемносскую цитадель!

Лукин лишь склонил голову в знак согласия на столь ответственное поручение.

Произведя стремительную высадку на остров, Лукин решительно атаковал растерявшихся турок и погнал их в крепость. С моря его надежно прикрывал огнем корабль «Елена». Захватив богатые трофеи, Лукин приступил к осаде крепости и подготовке штурма.

– Думаю, денька через три-четыре сможем начать! – делился он со своим помощником мичманом Хрущевым.

Но штурмовать крепость не пришлось. Обстановка резко изменилась, и Сенявин прислал фрегат для снятия десанта. Лукин покидал Лемнос с видимым сожалением:

– Единожды судьба даровала мне случай взять приступом крепостицу сухопутную, и тот не удался. Не судьба!

И снова эскадра на всех парусах мчалась к Дарданеллам, где робко высунулся из своей норы неприятельский флот.

С зарею 19 июня восточнее Лемноса были, наконец, обнаружены турецкие корабли. Предоставим слово Павлу Панафидину: «...Общая радость была на всем флоте. Никогда не забуду, как Д. А. Лукин поздравлял меня, когда я вышел на шканцы, что турецкий флот открылся. Думал ли он, что через несколько часов он не будет уже существовать для его детей, почтенной супруги и для всех, кто его знал и любил...»

ЛЕЙТЕНАТ НЕВЕЛЬСКОЙ: «ПОГИБАЕМ, НО НЕ СДАЁМСЯ!»

Летом в усадьбе костромского помещика Ивана Невельского было шумно. Впрочем, усадьбу, то и усадьбой назвать можно было с натяжкой: старый деревянный дом в несколько комнат с садом, да в низине деревенька Лисицыно, на десяток дворов. Причина шумства летом 1802 году в Лисицынской усадьбе была всем окрестным помещикам известна. Дело в том, что у хозяина гостили сразу трое его сыновей: все морские офицеры и орлы. Костромская губернии всегда посылала дворянских сыновей офицерами на флот. Именно там, в дальней российской глубинке, рождались многие знаменитые флотские династии: Бутаковы и Куприяновы, Бошняки и Григоровы...

СО СВАДЬБЫ НА ВОЙНУ

Не отставали от иных и Невельские. Старший из сыновей Иван Иванович уже вдоволь повоевал в шведскую войну, дрался при Гогланде и Эзеле, при Красной горке и Выборге. Сейчас же, уже в немалом чине капитана 2 ранга, приехал в Костромскую губернию заниматься отводом лесных угодий под корабельный лес. Средний сын Гавриил совсем недавно участвовал при блокаде Голландии и в боях у острова Тексель. Ныне же в чине лейтенантском только что вернулся из очередного похода в Северное море на фрегате «Венус» в эскадре вице-адмирала Макарова. Младший Никифор также успел понюхать пороха у Текселя, а нынче служил на линейном корабле «Принц Карл», что был захвачен у шведов в прошлую войну. Между сидевшими братьями (у каждого кося сажень в плечах) металась счастливая матушка Ирина Никифоровна, не знавшая, как уж ей ублажить своих любимых дитятей.

Повод для сбора братьев был также весьма значимый – свадьба среднего. Избранницей Гавриила Невельского была дочь местного кологривского помещика Афанасия Перфильева Ольга. Невеста была девушкой красивой и видной, ни ростом, ни силой бог ее не обидел. Зимой вместе с отцом ходила невеста с рогатиной на медведя, а летом более всего иного обожала объезжать горячих лошадей. Да и рука у Ольги Афанасьевны была тяжелой, по этой причине, несмотря на красоту, женихи ее по-

баивались. А вот с Гавриилом сложилось как-то сразу. Даже сильной девушке иногда хочется почувствовать себя слабой, а как не почувствовать себя таковой рядом с моряком-героем? Гавриле же, в свою очередь, нравилась отчаянная храбрость избранницы. Была у него и тайная мечта: вместе с женой плавать по морям и драться с врагами, как капитан Кроун, захвативший в прошлую войну со шведами в плен целую эскадру шведских судов.

Свадьбу справляли шумно и весело. На пруду соорудили плот под флагом Андреевским, на том плоту установили древний фальконет, из которого оглушительно палили порохом так, что у соседских помещиков стекла из окон вылетали. Знай, как моряки гуляют!

Увы, к сожалению, все хорошее когда-либо кончается. Пришло время и жениху возвращаться в дождливый и неприветливый Кронштадт. Впереди ждала служба.

Вскоре после возвращения из отпуска Гавриил Невельской был определен в свое первое капитанство. И пусть судно, которое было ему поручено под команду, было самым малым – всего лишь одномачтовый катер-тендер, но отныне он был уже полноправным капитаном и на совещаниях у флагмана сидел рядом с другими капитанами, хоть на дальнем конце стола, но почти что на равных.

Едва Гавриил стал капитаном тендера «Опыт», как сразу к нему посыпались письма от дальних родственников и соседских помещиков с просьбой взять к себе под крыло чьего-то сына или племянника. А что поделать, и брал! Взял к себе на «Опыт» сына соседского помещика Станюковича (дядю будущего знаменитого писателя-мариниста), потом племянника (сына сестры Марьямьяны) Павла Баранова (в чине гардемаринском) и двоюродного племянника гардемарина Сережу Сухотина. Просился к нему еще один племянник – Николай Сухотин, но должности на тендере для него уже не было. Мичмана определили служить на галеру. К слову сказать, все племяши оказались ребятами толковыми, да и сам дядюшка спуска им не давал, а гонял на службе в три шеи.

А тут и новая война пришла, причем не только с вечно чем-то недозвольной Швецией, но и с Англией, с которой, казалось бы, последние десятилетия, и ссорится не думали. Но большая политика – дело тонкое и для простых моряков совершенно непонятное.

История войны 1807-1812 годов между Англией и Россией и поныне полна недомолвок и умолчаний. Основоположник российского международного права профессор Мартенсон в своем капитальном труде "Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами", относительно той войны говорит: "Война, объявленная Рос-

сиею Англии в 1808 году, существенным образом отливаётся от всех войн, когда-либо происходивших: она отличалась полным отсутствием военных действий... Русские коммерческие суда, правда, подвергались в эту войну задержанию и конфискации со стороны английских каперов. Однако случаев такого захвата было весьма мало. Никаких других военных действий между русскими и английскими войсками или флотами не происходило".

Уважаемый профессор покривил душой, на самом деле все было иначе. Были и сражения, щедро лилась и кровь.

Все началось с того, что сразу же после Тильзита король Швеции вернул императору Александру "за ненадобность" ранее даденный ему орден Андрея Первозванного. Это было не просто оскорбление – это была пощечина, прозвучавшая на всю Европу!

Эхо пощечины долетело и до Парижа. Позиция Стокгольма, не признающего континентальную блокаду и поддерживающего Лондон, давно раздражала Наполеона

– Такие поступки смываются кровью! – как бы, между прочим, заявил послу Толстому французский император на одном из приемов. – Мне кажется, что в Швеции ваша армия могла бы оживить свои несколько поникшие лавры!

Мнение Наполеона немедленно было передано Александру.

– Что ж, – согласился тот. – После Тильзита нам и, вправду, нужна победа хотя бы для того, чтобы успокоить общество. Кроме того, давно уже и пора поставить точку в вопросе с Финляндией. Близость шведских границ к столице империи становится небезопасным!

С выступлением против Швеции надо было торопиться и по иным причинам. Как стало известно, Стокгольм и Лондон уже заключили против России секретный договор, согласно которому Англией должна была перебросить на защиту Финляндии экспедиционный корпус генерала Мура, караван с которым уже покинул берега Туманного Альбиона.

В феврале 1808 года русская армия вступила в Финляндию, где встретила весьма слабое сопротивление. К весне было занято уже почти все побережье Ботнического залива и Аландские острова. Тогда же пал главный морской форпост шведов в Финляндии Свеаборг, где победителям достались восемь десятков гребных судов.

Что касается Гавриила Невельского, то его «Опыт» всегда был впереди. В морской стратегии берегут корабли большие, а потому и особо ценные. Мелкие же суда и их команды – это расходный материал, который не слишком-то ценят. По этой причине маленький «Опыт» почти не вылезал из боев. Учитывая же его небольшую осадку, тендер использова-

ли у самого побережья, где каждый выход в море превращался в гонки со смертью. Но благодаря опыту и удачливости Невельского пока все обошлось.

А ситуация на море складывалась для нас не слишком удачно. К сожалению, не удалось избежать и поражений. Так высаженный на Аландские острова небольшой десант был вскоре пленен высаженным вслед за ним шведским корпусом.

Не сидели, сложа руки и французы. Посол Каленкур настойчиво внушал императору Александру:

– Ваше величество! На правах вашего доброго союзника советовал бы вам пока не поздно прибрать к рукам остров Готланд! Посудите сами сколь много выгод вы с того будете иметь: остров сторожит все Балтийское море и, займи вы его, английскому флоту здесь уже негде будет развернуться, а кроме того для своего флота вы приобретаете прекрасную незамерзающую передовую базу, которая сторожит все проливы! К тому же на острове нет никаких войск, как перезревший плод он сам упадет в ваши руки, остается только тряхнуть!

И Александр "тряхнул". Едва закрылась дверь над искусителем Каленкуром, он вызвал к себе морского министра Чичагова:

– Ваше мнение о десанте на Готланд?

Чичагов пытался уклониться от ответа:

– Предприятие сие весьма в нынешних обстоятельствах рискованное, ибо наш флот в Кронштадте еще скован льдом и не сможет явиться скоро к готландским берегам!

– Неужели мои министры лишены всякого мужества! – громко высказался император и велел готовить экспедицию немедленно.

Не дожидаясь вскрытия Финского залива, уже в апреле из Ливавы на девяти зафрактованных судах на Готланд были переброшены полторы тысячи солдат. Высадившись, они без боя заняли главный город острова Висби. «Опыт» сопровождал десант. Вместе со всеми на тендере радовались, как все удачно обошлось. Но как показали дальнейшие события, радовались рано.

Едва о десанте стало известно в Стокгольме, как к острову была направлена эскадра контр-адмирала Целестрема с ответным десантом в пять тысяч человек. Российский Балтийский флот, все еще зажатый в тисках ледовых полей, был бессилён что-либо предпринять в ответ. Главные силы не могли ничего сделать, а «Опыт» и еще несколько таких же мелких суденышек были бессильны против армады тяжелых линейных кораблей. Только что смогли сделать вывезти часть раненных и полковые знамена. На головы русского десанта обрушилась шведская артиллерия,

затей высадились войска. Спустя несколько дней остатки либавцев сдались на капитуляцию. Узнав о Готландской неудаче, Александр обвинил во всем того же Чичагова.

– Вы меня все больше разочаровываете! – желчно заявил он ему при встрече.

С этой минуты отставка морского министра была уже делом предрешенным.

Но вот льды в Финском заливе растаяли, и Балтийский флот, наконец-то, вырвался в море. Наши рвались в бой, но море было пусто. Захватить удалось лишь дозорный зазевавшийся фрегат да несколько транспортов. Помня былые уроки, шведы заблаговременно укрылись в своих портах. Они ждали прихода союзников англичан, чтобы уже сообща обрушиться на русских.

А российский гребной флот упорно продвигался вместе с армией вдоль финского побережья. А навстречу ему уже спешили гребные эскадры шведов. Противники столкнулись лоб в лоб у мыса Гангут – места славного историей петровской победы. Против 14 наших галер под началом контр-адмирала Мясоедова у шведов было 23 во главе с известным знатоком финских шхер адмиралом Гиельстриеном.

Перед боем Мясоедов на шлюпке обошел суда своей флотилии.

– Ребята! В этих водах рождалась русская морская слава! – вдохновенно говорил он выстроенным на палубах матросам. – Будем же достойны подвига пращуров! Не посраим сегодня чести российских моряков!

Команды отвечали ему дружным "ура".

Адмирал Гиельстиерн атаковал, но был отбит на всех пунктах и отошел с немалым уроном. Спустя несколько дней шведы получили подкрепление, а потому Гиельстиерн вновь решил испытать удачу. На сей раз соотношение сил было таковым: 26 против 58! И вновь шведы были отброшены от русской позиции в восьми милях от Або. Обе неудачи Гиельстиерн не считал решающими. Он ждал новых подкреплений, чтобы нанести русского гребной эскадре генеральное поражение и отбросить ее в пределы Санкт-Петербурга.

Но и наши не сидели, сложа руки. Мясоедов вызвал к себе отрядного командира капитана 1 ранга Гейдена, голландца на русской службе. Развернул перед ним карту финских шхер.

– Вот остров Кимито! – ткнул в нее прокуренным пальцем. – Шведы сторожат нас со стороны залива, при этом между островом и матерым берегом есть фарватер. Он весьма узок и набит камнями, но пройти можно! Двигайся по внутренней опушке шхер и выйдете в тыл шведам. Я же,

тем временем, с главными силами встану у Юнгфер-зунда на внешней опушке шхер. Первый твой залп – сигнал к общей атаке!

– Есть! – коротко кивнул Гейден и тут же, взяв рупор, крикнул на свои суда. – Весла на воду!

Передовым в авангарде неутомимый тендер «Опыт». Пройти между Кимито и оказалось делом не простым. Двое суток тащились сквозь него суда Гейдена. Выматывала адская работа по очистке пролива от камней, которыми тот был завален еще в стародавние петровские времена. Разборкой завалов руководил недавний герой Тенедоса капитан-лейтенант Додт.

Храбрый датчанин так и не успел доехать до своей родины. Началась война со Швецией, и храбрец немедленно решил драться с давними врагами своего Отечества вместе с балтийцами.

Голландец Гейден и датчанин Додт вели русских моряков в бой против шведов. Честь им за то и хвала!

Но вот каменные завалы разобраны, галеры протиснулись в узкую щель фарватера и вскоре пролив остался позади. Вырвавшись на простор, галеры Гейдена неожиданно ударили в тыл шведской гребной флотилии. Против них развернулся арьергард контр-адмирала Раялина. Четыре часа неумолчно гремели пушки. Галеры кидались на abordаж и на разгоне били друг друга форштевнями, ломая борта и сминая гребцов. Уже упал на палубу ничком раненный Гейден и его место заступил Додт, а шведы все еще не уступали. Над «Опытом» клубился пороховой дым. Неумолчно палили пушки.

– Целься вернее! – кричал племяншу в мятый жестяной рупор Невельской – Смотри у меня Пашка, будешь мазать, уши надеру!

– Не сумлевайтесь, дядюшка, не промахнусь!

Но вот пламя взрыва разнесло в куски очередную неприятельскую канонерку и нервы врага не выдержали. Шведы дрогнули, а потом и побежали. Над шхерами гремело неумолчное русское "ура".

– Ну как, господин капитан-лейтенант, мы деремся? – прокричал на проходящую мимо галеру мичман Сухотин. – Не хуже ли средиземноморских?

– Не хуже! Не хуже! – помахал рукой ему Додт.

Шведы бежали к островку Сандо, где снова встали в оборонительную позицию, прикрывшись отмелями и подводными скалами. Сковырнуть их оттуда было нелегко, но сделать это было надо.

Не давая опомниться врагу, Додт атаковал шведов у Сандо. Ни сильная позиция, ни численное превосходство не смогли удержать воинского пыла наших моряков. Шведы были разгромлены и бежали. Среди

гранитных скал догорали чадящими кострами, брошенные командами суда. Победа у Сандо разорвала шведскую флотилию надвое. Часть шведов осталась в нашем тылу, и искала теперь спасения у Юнгфер-зунда, остальные бежали вдоль берега на запад и перед галерами Додта теперь был свободный путь до самого Або.

Остатки неприятеля у Юнгфер-зунда добивал со своими судами командир новообразованного резервного отряда капитан 2 ранга Новокшенов. Это яростное сражение вошло в историю, как битва при Рилаксе. Понимая, что уходить им некуда, шведы дрались отчаянно. Начав бой на артиллерийской дистанции, противники вскоре сошлись в плотную и начался абордажный бой кровавый и беспощадный. Подвергшиеся таранному удару тонули тут же со всеми командами. Спасшихся почти не было. На пять погибших наших судов было столько же шведских.

На галеру мичмана Николая Сухотина (того самого племянника Невельского, для которого не нашлось должности на тендере) навалилось сразу три шведских канонерки. Ведя своих матросов в контратаку, мичман получил пулю в живот. Упав, пополз к капитанской рубке. Неприятельские солдаты, перебив команду галеры, кинулись за ним.

– Там сигнальная книга! Ее надо захватить во что бы то ни стало! – кричал их офицер, размахивая саблей.

Пинком он распахнул дверь в рубку. Но было поздно. Истекающий кровью мичман уже бросал секретный свод сигналов в мешке со свинчаткой в окно. Плеск падающего мешка совпал с выстрелом. Это разъяренный швед добил Сухотина из пистолета.

Спустя четверть часа сухотинская галера была в свою очередь взята на абордаж нашими и отбита. Именно поэтому потомкам и стал известен подвиг отважного мичмана.

Из хроники русско-шведской войны 1808-1809 годов: "Сражение при Рилаксе стоило резервному отряду 3 офицеров и 80 нижних чинов убитыми и 98 ранеными; суда были сильно повреждены. Шведы, в свою очередь, потеряли 3 канонерские лодки и 2 барказа, потопленные со всеми людьми".

Результатом этого боя стало полное освобождение прибрежного пути для бесперебойного снабжения нашей наступающей армии транспортными судами.

Оставшиеся шведские суда сосредоточились уже за Або у скалистого островка Судсало.

– Не будем давать врагу передышки! – объявил контр-адмирал Мясоедов и велел командиру своего авангарда капитану 1 ранга Селиванову хорошенько "прощупать противника".

Результатом "прощупывания" стал новый тяжелый бой, когда на вышедшие для рекогносцировки три десятка наших судов, внезапно из-за острова набросилось пять десятков неприятельских. Но и здесь шведы просчитались. Опытный вояка, Селиванов, сразу увидел, что противник, поторопившись, допустил непростительную ошибку: шведы начали бой, не успеem миновать узкости. В этой-то узкости между гранитными скалами Селиванов их и зажал их в тиски. Этот бой длился без малого восемь часов, после чего шведы бежали. Наши потеряли две затонувшие канонерки, с которых, впрочем, успели снять и людей, и флаги. Неприятель оставил на прибрежных отмелях гораздо больше: десять судов и почти три сотни людей.

Спустя две недели, там же у Судсало, Мясоедов вновь атакует противника и вновь добивается победы. Оттянувшись дальше на запад, шведы больше о нападениях и не помышляли. Теперь им впору было прятаться самим.

Корабельный флот в море в тот год вывел старейший из адмиралов России Ханьков, принявший свое боевое крещение еще в достопамятном Чесменском сражении. Перед отплытием Чичагов вручил ему следующую инструкцию: "...Стараться истребить шведские морские силы или овладеть ими прежде соединения их с англичанами, очистить финляндские шхеры от неприятельских судов и содействовать сухопутным войскам недопущением высадки неприятельского десанта." В довершение всего старого адмирала подчинили еще и командующему финляндской армией графу Буксгевдену, который, тут же велел Ханькову искать и сразиться с английскими эскадрами.

Адмирал был таким приказанием поражен.

– У меня девять старых кораблей да шесть дырявых фрегатов! Команда сплошь рекруты, а вся лучшая часть флота накрепко заперта в Лиссабоне! Куда я с этим барахлом против английских эскадр! Умереть, мы, конечно дело, умрем, но будет ли от этого какая польза? Здесь одно из двух: либо наша непроходимая дремучесть, либо и того хуже – предательство!

В те дни Чичагов писал маркизу де Траверсе: "Ханьков, которого отправляют с жалкими остатками нашего несчастного флота с тем, чтобы он нанес решительный удар шведскому..." Послание более чем красноречивое и говорящее о том, что морской министр был уже по существу отстранен от дел и все приказания Ханькову отдавались, минуя его людьми в деле морском мало что смыслившими.

Буксгевден панически боялся высадки английского экспедиционного корпуса, который должен был помочь шведам остановить движение

русских войск в Финляндии. Для того, чтобы обезопасить себя от нового противника, он готов был бросить остатки Балтийского флота хоть в пекло. Однако общая политическая ситуация к этому времени серьезно изменилась. Быстрое завоевание Финляндии свело на нет все планы Стокгольма и Лондона. И англичане почли за лучшее перебросить десантный корпус Мура в Португалию против войск Жюно.

Пока Ханыков (опять же по приказу Буксгевдена) охранял приморский фланг его армии, в Балтийское море вступила английская эскадра и соединилась со шведами. На подходе к Балтике была еще одна.

ПОДВИГ ТЕНДЕРА «ОПЫТ»

В начале июня 1808 года произошло первое боевое столкновение между бывшими союзниками и героем его выпала честь стать лейтенанту Гаврииле Невельскому.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Из взятого нашими войсками Свеаборга в разведку были направлены корвет "Шарлотта" с тендером "Опыт". Неподалеку от Гангута они обнаружили английские корабли. После этого "Шарлотта" осталась сторожить противника, а "Опыт" поспешил в Свеаборг, чтобы сообщить о появлении британского флота у наших берегов. Передав сообщение, командир тендера лейтенант Невельской получил приказание вновь выйти в море, чтобы вернуть в базу дозорный корвет, ибо нахождение последнего вблизи значительных сил противника становилось небезопасным. Командир "Шарлотты", к этому времени, убедился в том и сам, а потому корвет, не дожидаясь приказа сверху, успел укрыться от неприятеля в Балтийском Порту (ныне город Палдиски в Эстонии). Не найдя "Шарлотты", Невельской из-за сильной пасмурности внезапно оказался нос к носу с английским фрегатом "Сальстет".

Из воспоминаний отставного генерал-майора Баранова, бывшего в этом бою на "Опыте" гардемаринном: "Утром 11 июня, выйдя из Свеаборга при тихом переменном ветре, ясном небе и пасмурности по горизонту, мы увидели через несколько часов трехмачтовое судно, близь того места, где должны были найти корвет "Шарлотт". Пасмурность лишила нас возможности отличить неприятельский фрегат большого ранга от своего корвета, бывшего прежде французским приватиrom и купленные нами за его отличные качества... Припоминая опытность капитана и верность его морского взгляда, не смею утверждать, вполне ли умышленно мы приближались к ждавшему нас противнику; но когда нельзя было сомневаться, что это не корвет "Шарлотт", а сильный неприятельский фрегат, то

сделав опознавательный сигнал и не получив на него ответа, мы, по приказанию командира, положив сигнальные флаги и книги в ящики, наполненные песком, бросили их за борт и приготовились к бою. Спустя несколько времени, неприятельский фрегат, сблизясь с нами, сделал пушечный выстрел и поднял английский флаг. Мы же медлили поднятием своего флага, и эти минуты были самыми тягостями! Фрегат повторил еще холостой выстрел и вслед за тем послал нам выстрел с ядром. На это приветствие командир приказал тотчас ответить тем же и поднять наш флаг. С тендера раздался выстрел 12-фунтовой коронады, на ноке гафеля развился русский военный флаг; томительное ожидание кончилось! Все ожило, все встрепенулось; каждый старался употребить все свои силы и способности на поражение неприятеля, хотя бой был далеко не равен..."

Даже с первого взгляда было ясно, что расклад сил далеко не в пользу маленького "Опыта". Против сорока четырех тяжелых орудий "Сальстера" у Невельского было всего полтора десятка мелких пушек. Против четырехсот матросов "Сальстета", на "Опыте" не было и пятидесяти. У Невельского даже не было подчиненных офицеров. Вместо них двое мальчишек – гардемарин, бывших в плавании практикантами.

С фрегата сигналом потребовали немедленной сдачи. Уверенные в удачном захвате посыльного судна, англичане сгрудились на палубе. Размахивая руками, они торопили:

– Давай, давай, Ванюш-ша! Езжай к нам, будешь кушать вкусный потаж, будешь пить горячий грог!

– Нам и без вашего грога не плохо живется! – огрызались наши, порты орудийные открывая. – Сейчас будет вам и грог и какава с чаем!

Лейтенант Невельской выбрал бой.

– Жизни свои мы сохраним вряд ли, зато честь наверняка! – сказал он мальчишкам – гардемаринам. – Готовы ли вы к славной смерти?

– Мы то готовы! – отвечали те. – Только маменек жалко, больно уж по нас убиваться будут!

Над посыльным суденышком дерзко взлетел ввысь красный стеньговый флаг. Маленький тендер бросал вызов своему грозному противнику. Даже без зрительной трубы было видно, как врассыпную бросились к орудиям английские матросы. Палуба "Сальстета" в мгновение опустела.

Первым открыл огонь "Сальсет". Минуту спустя ответил и "Опыт". Неравный поединок начался. Малый ветер не уносил дыма и вскоре противники уже только по вспышкам выстрелов определяли местонахождение противника.

Из воспоминаний участника боя Баранова: "Будучи гардемаринком на тендере и в самом начале первой моей компании, я солгал бы, если бы

стал рассказывать о всех направлениях и переменах курса; знаю только, что мы изменяли его не редко. Ветер был тих и переменялся очень часто. Догнал ли нас фрегат, или мы подошли к нему, так же не могу сказать утвердительно; но твердо помню, что мы сблизились, – и фрегатские ядра стали перелетать через наш тендер, повреждая его рангоут. Впоследствии и наши ядра стали долетать до фрегата. Мы не скупилась на выстрелы и бой сделался жарким! Но ветер стих; тендер имел большие повреждения в корпусе и вооружении, и потому командир приказал прекратить стрельбы и выкинуть весла. Как теперь вижу артиллерийского бомбардира, прошившего позволения наложить фитиль на коронаду, говоря, что она уже наведена на фрегат; позволение дано, выстрел раздался; но в то же мгновение неприятельское ядро раздробило ногу храброму артиллеристу гораздо выше колена. Упав, он на руках и остальной ноге дополз до форлюка, спустился на кубрик и не доверяя операции лекарскому ученику, неопытному мальчику, сам отрезал висевшую на жилах, свою раздробленную ногу...

Действие веслами во время штиля и маловетрия дало тендеру ход до 4 1/2 узлов. Фрегат, лежащий с нами борт о борт, стал отставать и очутившись у нас за кормой, приводил лагом, палил залпами и, наконец, ядра его не стали долетать до нас. Нарген был близок. Мы спешили на Ревельский рейд, а в последствии даже к ближайшему берегу. Уже мечтали мы, с каким восторгом будем рассказывать о нашем деле товарищам, а те из нас, которые были свободны от дела, собравшись у гака-борта, прокричали с командою троекратное "ура", махнув шляпами отставшему от нас неприятельскому фрегату. Но радость наша была слишком преждевременна! Впереди тендера появилась черная туча, мгновенно налетел шквал и паруса разлетелись на части. Тендер сильно накренило; подветренные паруса забуровали; иные сломались, другие надобно было перерубить, чтобы не отнимали ходу и не препятствовали править рулем. Из 14-коронад многие были подбиты; снасти и реи избиты; тендер расстрелян; люди изнурены до крайности 4-х часовым действием. Фрегат, убрав бом-брамсели и брамсели, грот и фок, подошел к нам менее, нежели на ружейный выстрел, спустился под корму, дал два залпа из шканечных и баковых орудий, разбил штурвал, убил и изувечил несколько человек из команды, лег в дрейф близь правого нашего траверза и потребовал немедленной сдачи..."

К этому времени на "Опыте" уже оставалось целым единственная пушка, а в живых не более десятка человек. Самому Невельскому ядром отшибло нижнюю челюсть. Он упал, но затем, опершись рукой о палубу и, замотав то, что осталось от челюсти, окровавленным шарфом, продолжил, как мог, командовать боем. Говорить Невельской уже не мог, ибо

рот превратился в одну сплошную рану. Объяснялся знаками. "Приготовиться прорубить днище!" – написал он свинцовым карандашом на клочке бумаги боцману.

Тот понимающе кивнул, вооружился топором и, перекрестившись, полез в трюм.

К этому времени несколько раз ядрами уже сшибало кормовой флаг, а потому Невельской велел крепко прибить его к флагштоку гвоздями. Неравный бой продолжался в ярости и отчаянии. Наконец, после очередного фрегатского залпа ядром отшибло ствол последней пушки. Невельской выхватил саблю – сигнал к abordажу. Но англичане, видя решимость русских, вплотную не подходили, а продолжали забрасывать беспомощный тендер ядрами.

Из воспоминаний Баранова: "Подошедшие офицеры представили ему (Невельскому – В. Ш.), что дальнейшее упорство с нашей стороны без всякой пользы, повлечет за собой неминуемую гибель остальных людей, которые храбростью своею и беспрекословным исполнением воли командира, вполне заслуживают, чтоб была спасена жизнь их. Действительно, все убеждало в бесполезности и даже невозможности дальнейшего сопротивления; тем более, что жестокая рана лишала нашего капитана возможности непосредственно участвовать в деле. Исполнив до последней минуты все, что требовал долг чести, решено было сказать фрегату, что мы прекращаем действие... Горька подобная минута! Мы сознавали, что исполнили долг свой, а между тем по лицам нашим, закопченным дымом пороха, катились слезы глубокой грусти! Нам велено было спустить флаг. Но флаг, у которого сигнальный фал перебило еще в первую перестрелку, привязан был наглухо к ноку-гафеля, оставшемуся на одном дирик-фале, потому что гордень так же была перебита (грот, расстрелянный ядрами и картечью, разорван был пополам нашедшим шквалом). Мы отвечали, что флага нельзя спустить; тогда потребовали, чтоб мы разостлали английский флаг по борту; что и было исполнено в 11-м часу вечера".

Впрочем, существует мнение, что Невельской преднамеренно отказался спускать Андреевский флаг и не поднял английский. Это означало, что тендер официально так и не был сдан, а захвачен с боя. Так как впоследствии вопрос о сдаче никогда и никем не поднимался, думается, все происходило именно так.

К разбитому и беспомощному "Опыту" от борта "Сальстета" уже спешили шлюпки с abordажной партией. Когда они вступили на тендер, их взгляду предстала страшная картина: вся палуба была завалена мертвыми телами. Среди павших, находились несколько раненных, готовые отбиваться тесаками и отпорными крюками. У матросов не оставалось

даже пух! Впереди всех, широко расставив ноги, стоял лейтенант Невельской. С оторванной челюстью и свисающим вниз языком он был ужасен. Скрестив руки на груди, командир "Опыта" молча смотрел на своего противника.

Офицер абордажной партии демонстративно бросил саблю в ножны:

– Мы, англичане, умеем ценить истинную доблесть, а потому прощу быть вас на борту нашего фрегата не пленниками, а гостями!

Жестом Невельской показал, что иного выхода у него попросту не было.

Когда раненных "опытовцев" перетаскивали на "Сальстет", те успели разглядеть десятки мертвых тел, уложенных рядами на шканцах, рваный такелаж, разбитые пушки и развороченные ядрами борта.

– Хороши гости! – мрачно пошутил кто-то. – Не без гостинцев пришли к хозяевам!

Из воспоминаний отставного генерал-майора Баранова: "Нельзя не вспомнить о редком бесстрашии и хладнокровии особенно отличившихся в этом деле: товарища моего по корпусу, бывшего тоже гардемаринном на тендере, а ныне отставного флота капитана 1 ранга Сухонина; штурманского помощника унтер-офицерского чина, впоследствии умершего на службе корпуса флотских штурманов капитаном, Халезова; и старшего нашего артиллериста, бывшего унтер-офицером, а ныне начальника морской артиллерии в Ревеле, полковника Федотова – старавшихся, все до сего усердно ими хранимое, бросать за борт и портить, чтоб не досталось неприятелю. Посланные с английского фрегата шлюпки с офицерами, вооруженными солдатами и матросами, у всех нас, кроме капитана отобрали оружие; капитану же, присланный с фрегата лейтенант, объявил, что он не считает себя вправе взять саблю от такого храброго офицера и что только один капитан его фрегата может получить ее. Первыми были перевезены: командир и раненные, а потом уже остальная команда".

Историческая хроника гласит, что героическая и отчаянная защита "Опыта" внушила англичанам столь сильное уважение к команде тендера, что все оставшиеся в живых во главе с Невельским были почти сразу освобождены от плена и переправлены на берег. При этом Невельской оказался на высоте и здесь! Он наотрез отказался давать капитану "Сальсета" Баттосу за себя и за своих подчиненных расписку о дальнейшем неучастии в боевых действиях. Англичане повозмущались, но возиться с остатками перераненной команды у капитана Баттоса охоты не было никакой. Раненных хватало и своих! А потому, спустя несколько дней, команда "Опыта" была высажена на берег у Ливавы.

Что касается "Опыта", то, вконец разбитый тендер, англичане передали своим союзникам шведам.

Любопытно, что узнав о подвиге "Опыта", император Александр распорядился никогда более не назначать Невельского ни к кому в подчинение, а предоставлять ему, по излечении, только самостоятельное командование кораблями. Попадание его в плен, велено было не считать препятствием к получению Георгиевского креста. Офицеры "Опыта" за совершенный подвиг получили годовой оклад жалования, а гардемаринам от "монарших щедрот" было выдано по сто рублей ассигнациями. Что касается матросов, то им было убавлено несколько лет службы, и все они были определены служить в загородные дворцы и на придворные яхты.

Дерзкое поведение маленького тендера наглядно показало всем, что легких побед у англичан на Балтике, скорее всего, не будет, зато крови может пролиться немало.

ДЕЛО «ВСЕВОЛОДА»

Главные силы противников встретились неподалеку от Балтийского порта на рассвете 14 августа. Старый линейный корабль "Всеволод", шедший концевым в эскадре Ханыкова, отстал от главных сил и был атакован английскими линкорами "Центавром" и "Импекэйблом". В течение часа "Всеволод" изо всех сил отбивался от превосходящего противника. Услышав выстрелы и поняв, что это ведет бой отставший "Всеволод", Ханыков немедленно развернул эскадру на контр – курс и устремился на помощь попавшему в беду кораблю. Завидев приближение русской эскадры, англичане пошли, а лучшее убраться. Поставив паруса, они отошли мористее к главным силам объединенной англо-шведской эскадры.

Адмирал Ханыков приказал командирам кораблей готовиться к генеральному бою. Одновременно он начал отход к Балтийскому Порту, рассчитывая принять сражение, заманив противника под огонь своих береговых батарей.

Избитый ядрами "Всеволод" тащил на буксире фрегат "Поллукс". В одиннадцать часов дня внезапно обрывается буксир и поврежденный "Всеволод", не имея возможности двигаться самостоятельно, был вынужден бросить якорь у мыса острова Рогге в шести милях от Балтийского Порта. На помощь "Всеволоду" Ханыков немедленно выслал все бывшие у него шлюпки и гребные суда. К четырем часам пополудни "Всеволод" уже буксировался общими усилиями и должен был вот-вот миновать каменистый мыс. В это время одинокий линкор нагоняет британский ли-

нейный корабль "Центавр". Картечным огнем он разгоняет шлюпки, и бросается в атаку на неуправляемый "Всеволод". Командир "Всеволода" собирает офицерский совет, который решает защищаться до последней крайности, затем же выбросить корабль на ближайшую мель и сжечь, а людей таковым образом спасти.

Но положение почти сразу же сделалось крайним, так как "Всеволод" совершенно не слушался руля, и англичане грозили зайти ему в корму. А потому "Всеволод" был приткнут к мели, обратив борт в сторону моря. "Центавр", пытаясь сманеврировать рядом с русским кораблем, в свою очередь, приткнулся носом к отмели совсем рядом с "Всеволодом". Лишенные возможности двигаться, оба корабля начали яростную пушечную и ружейную перестрелку. Неоднократно, то с одного, то с другого линкора посылались для захвата противника отряды и тогда на каменистой отмели вспыхивали яростные рукопашные схватки. Силы противников были примерно равными, и перевеса не мог добиться никто. Было очевидным, что победа достанется, в конечном счете, тому, к кому первому придет помощь. Первыми подошел к месту поединка английский "Импекэйбл" и продольными залпами стал громить наш и без того сильно разбитый корабль. К этому времени на "Всеволоде" только убитых было уже за три сотни! Не желая сдаваться в плен, оставшиеся в живых матросы и офицеры бросались в воду и устремлялись острову. Когда на борт "Всеволода" высадились английские абордажные партии, там оставалось всего несколько десятков человек, занятых уничтожением документов, прорубанием днища и заклепыванием пушек. Среди них был и будущий первооткрыватель Антарктиды, герой Наварина и знаменитый флотоводец, а тогда еще мичман Михаил Лазарев, только что вернувшийся со стажировки... в английском флоте. Тот бой со своими недавними соратниками и друзьями был для мичмана первым и закончился пленом, но разве это умаляет храбрость офицера?

Попытка англичан снять "Всеволод" с мели успеха не имела, кроме того через прорубленное днище линкор быстро наполнялся водой. А со стороны Балтийского Порта уже спешила к месту боя русская эскадра. Не дожидаясь развязки, англичане почли за лучшее сжечь останки "Всеволода", а самим отойти подальше в море.

Дореволюционный историк отечественного флота лейтенант Н.Д. Каллистов (в годы Первой Мировой войны командовал эсминцем на Черноморском флоте, а в 1918 году был расстрелян матросами-анархистами на Малаховом кургане в Севастополе) так писал об этом прискорбном случае в истории нашего флота: "Потеря корабля "Всево-

лод" была одной из причин отдачи адмирала Ханыкова под суд, приговоривший его к разжалованию в матросы, на что высочайшей конфирмации не последовало, а было повелено предать весь суд над Ханыковым забвению "во уважение прежней его службы". Что касается "Всеволода", да и не только "Всеволода", то Ханыков в этом был вовсе не так виноват. Для оказания помощи "Всеволоду" из Балтийского Порта пытались выйти корабль и некоторые фрегаты, но противное маловетрие не позволило им этого сделать. Сам "Всеволод", наконец, – это старый, уже тимберованный корабль, очень тихоходный и неповоротливый, а его команду в громадном большинстве составляли только что прибывшие ратники, еще не успевшие даже снять свои ополченческие кафтаны. И если "Всеволод" в таком виде и с таким личным составом был послан не только в море, но и для военных действий, то сделано это было только потому, что все лучшее из Балтийского флота – и корабли и личный состав находились в это время в распоряжении императора Наполеона (*имеется в виду период пребывания эскадры Сенявина в Лиссабоне – В.Ш.*)".

Зимой 1809 года корпуса генералов Багратиона и Баркляя-де-Толли по льду стремительно перешли Ботнический залив и нанесли внезапный удар в сердце Швеции. Именно тогда Европа услышала о предводителе российского авангарда полковнике Кульневе, храбрейшем из благородных и благороднейшим из храбрых! С этого времени судьба войны была уже предрешена.

В кампанию этого года шведский флот вообще не показывался в море, что касается англичан, то столкновения с ними носили случайный характер и происходили исключительно у берегов Финляндии, куда англичане время от времени наведывались.

В июне у Гангута англичане попытались высадить десант с двух линейных кораблей, но последний был тут же сброшен в море ротой Псковского полка. Преследуя английские баркасы, наши гребные суда потопили несколько из них со всеми людьми.

Спустя несколько дней четыре вооруженных английских баркаса столкнулись у Паркалауда с тремя нашими канонерками. Столкновение закончилось потоплением двух баркасов и бегством третьего. Чтобы загладить эту явную неудачу англичане отправили к Паркалауду два линейных корабля и два фрегата. С них спустили свыше двух десятков, вооруженных пушками, баркасов и катеров. Пройдя шхерами, англичане атаковали стоявшие на якоре суда гребной флотилии. Бой был жесток. Противнику удалось захватить на бордаж четыре вспомогательных судна-иола и две лодки, нам – утопить пятнадцать баркасов и катеров.

10-го июля английский линкор пытался подстеречь отряд наших транспортов, доставлявших грузы для армии. Но из этого ничего не получилось. Едва линкор открыл огонь, как немедленно был с тыла атакован отрядом канонерских лодок. Потеряв фор и крьюйс-брам-стенги, он едва успел бежать в море от абордажа.

Последним значительным делом стал бой на Аспенском рейде. Тогда на отряд мичмана Коробки (4 канонерские лодки, 2 бота, 2 кухонных судна) напали два десятка английских вооруженных баркасов со стоявших мористее двух линкоров и трех фрегатов. Одной из канонерских лодок удалось прорваться, и она благополучно добралась в Свеаборг, остальные суда (почти не имевшие вооружения) были в течение трех часов непрерывного боя взяты на абордаж. Вторую канонерку удалось захватить только тогда, когда из 44-х человек ее команды уже не было в живых ни одного. Сам Коробка продолжал драться саблей, имея уже две тяжелые раны. В плен его взяли в бессознательном состоянии.

На кухонных судах, которые вообще не имели ничего кроме суповых котлов, повара отбивались от наседавших англичан разделочными ножами и защищались крышками от кастрюль. Мужество, с которым дрался отряд Коробки, вызвало восхищение англичан. "Русские, – говорит об этом деле английский историк, – сражались с величайшей храбростью".

Сами победители боя на Аспенском рейде впоследствии старались о нем не вспоминать. Известие о рукопашной с поварами на кухонных судах быстро стало достоянием всего английского флота и породило множество анекдотов о "доблести" нападавших, пытавшихся с боем добраться до котлов с кашей.

После этого дела англичане и вовсе ушли от российских берегов. И то, кому хочется стать посмешищем своих же товарищей! Действия английского флота сами собой сошли на нет. Да и Лондон, разочаровавшись в Стокгольме, явно махнул на него рукой.

Брошенная на произвол судьбы союзниками – англичанами, Швеция запросила пощады. Вскоре в Фридрихсгамне был заключен мир, согласно которому Россия получала Финляндию с Аландскими островами и часть Ботнии. Не упустил своего и вездесущий Наполеон, тут же включивший Стокгольм в свою континентальную блокаду против Лондона. Так закончилась последняя из многочисленных русско-шведских войн. Но война с Англией еще продолжалась. Однако, утратив возможность базирования в шведских портах, британские эскадры покинули балтийские воды, так и не стяжав там никакой славы.

ПОМЕЩИК СЕЛА ЖУРАНОВО

Что касается Гавриила Невельского, то, несмотря на то, что все только и говорили о его подвиге, герой ничем награжден не был. Впрочем, он, со своей стороны, получить бело-эмалевый крест и не пытался. Когда друзья-товарищи спрашивали, почему его обошли наградой, отшучивался:

– Не надо ордена, жила бы Родина!

Рана у Невельского была тяжелая и, хотя разбитую челюсть хирург ему кое-как собрал, да зубы фарфоровые поставил, но говорил Невельской теперь очень невнятно. Начальство указание императора о том, что отныне не назначать Невельского ни к кому в подчинение, а только в командиры, исполняло прилежно. После излечения Гавриил Иванович принял под команду галиот № 3. Тоже не бог весть, какое судно, но все же поболее тендера. В 1812 году с началом Отечественной войны он получает фрегат «Быстрый», на котором плавает в течение всей войны, совершая походы в составе эскадры к берегам Англии и Франции. По окончании войны Невельской получает еще один фрегат «Меркуриус», потом бриг «Олимп», на котором совершает достаточно продолжительное плавание к испанским берегам. В 1816 году Невельской все же получает давно причитавшийся ему Георгий 4-й степени за 18 морских кампаний. Наконец, в 1922 году вершина его командирской карьеры – линейный корабль «Георгий Победоносец», а еще два года спустя становится капитаном 1 ранга. Несмотря на свою известность на флоте, особой карьеры Невельской так и не сделал. Скорее всего, виной тому его излишняя самостоятельность и независимость, как во взглядах, так и в поступках. Строптивного капитана еще кое-как терпеть можно, но строптивного адмирала, уж извините!

После 38-летней флотской службы капитан 1 ранга Невельской выходит в отставку «с пенсией и мундиром». Покидая «Георгий Победоносец», Невельской поцеловал на прощание Андреевский флаг. В глазах мужественного моряка стояли слезы...

Шума больших городов ветеран никогда не любил, а потому, по выходу в отставку, сразу же уехал с женой в усадьбу Жураново близ города Кологрива, что в его родной Костромской губернии.

Там вдали от столичной суеты, жил наш герой с супругой своей Ольгой Афанасьевной, не смотря на свой не простой характер, в мире и согласии. Вырастил дочерей Анну да Катерину. Выдал замуж. Заметим, что Екатерина Ивановна вышла замуж за кологривского помещика Михаила Жохова. Она стала бабушкой знаменитого полярного мореплавателя лейтенанта Алексея Жохова, участника первой сквозной экспедиции Се-

верным морским путем в 1914 году, умершего у побережья Таймыра в 1915 году во время зимовки. Алексей Жохов оставил потомкам, наверное, самое пронзительно поэтическое признание в любви, которое сочинил перед смертью и просил начертать над своей могилой:

*Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдет покой измученный певец.*

*Не кинет золотом луч утренней Авроры
На лиру чуткую забытого певца –
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.*

*Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова
И не казалась бы, могила глубока.*

Что и говорить, правнук был столь же мужественен, как и его храбрый прадед!

В последние годы жизни любил Гавриил Иванович заниматься хозяйственными делами, однако подлинной хозяйкой усадьбы была все же его властная супруга.

Исследователь дворянских родов Костромской губернии А.А. Григоров так пишет о супруге Невельского: «Она (Ольга Афанасьевна – В.Ш.) была смелой и мужественной женщиной. От соседских помещиков и окрестных крестьян она получила прозвище «Медведица». Гавриил Иванович имел необычайно вспыльчивый характер и, иногда на него находили такие минуты (а то и часы) гнева, что к нему, буквально, нельзя было подступить. Он терял всякое самообладание, особенно в тех случаях, когда сталкивался с какой-либо подлостью или нечестным поступком. Совершенными, как соседями-дворянами, так и крестьянами, как его собственными, так и окрестных помещиков. И в такие минуты только одна «Медведица», горячо его любившая, могла его успокоить. Ольга Афанасьевна была очень сильная. Особенно любила заниматься с лошадьми, и сама выезжала и объезжала лошадей, причем, ей доставляло удовольствие объезжать лошадей самых горячих, необузданного нрава. Наряду с верховой ездой, зимой она сама выезжала и сама правила, то есть держала

вожжи, на парах и на тройках, запряженных «гусем». И никогда не брала с собой кучера».

13 декабря 1841 года в возрасте 68 лет герой скончался в своем имении. Хоронили его в старом флотском мундире, который Невельской берег именно для данного случая. На крышке гроба лежал позеленевший в морях кортик. Проводить в последний путь заслуженного моряка съехались окрестные старики-помещики, тоже многие в прошлом флотские офицеры.

– Прощай, Гавриил Иваныч! – говорили они, комья стылой земли в могилу ему бросая. – Окончил ты плавание земное, а ныне отправляешься уже в плавание небесное!

А спустя три года трагически погибла и его «Медведица».

Снова обратимся к запискам А.А. Григорова: «Ей, как «вещему Олегу», приключилась «смерть от коня». Однажды, запрягши в сани пару самых горячих лошадей, она поехала их «проезжать», но не смогла справиться. Лошади понесли, сани опрокинулись, однако, Ольга Афанасьевна не выпустила вожжей из рук, и лошади протащили ее по дороге очень большое расстояние. Бедная женщина получила сильные ушибы. Лошади были остановлены при въезде в усадьбу, а бедная «Медведица», получившая очень тяжелые телесные повреждения, через несколько дней скончалась».

Что можно еще добавить ко всему вышесказанному? Наверное, то, что спустя несколько десятилетий внучатый племянник Гавриила Невельского адмирал Геннадий Иванович Невельской поднимет русский флаг в устье Амура и этим, навсегда, закрепит эту дальневосточную землю за Россией.

Литературно-художественное издание

Владимир Виленович Шигин

**Герои Балтийского флота
XVIII–XIX веков**

Текст публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор – Игорь Витюк
Вёрстка – Игорь Витюк
Дизайн обложки – Александр Кабин

Формат 60x84 1/16.
Условных печатных листов – 7,56. Авторских листов – 6,5.
Гарнитура Times.

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации
129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1